

Рукопись

**Международный
литературно-художественный
альманах**

№ 20

Ростов-на-Дону
2013

ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р84

Главный редактор

И. А. ЕЛИСЕЕВ

Художественный редактор

А. Г. Муслех

Ответственный секретарь

И. А. Богатырев

Редакционный

совет:

Лола Звонарева

(Москва)

Димитрис Яламас

(Греция)

Кришна Пракаш Шрестха

(Непал)

Мустафа Тукай

(Албания)

Владимир Лещенко

(Германия)

Александр Соколов (Кацо)

(Нью-Йорк)

Любовь Рубанова

(Ростов-на-Дону)

Артур Паулино Ланга

(Мозамбик)

ISBN 978-5-86216-236-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Авторы, 2013

Рукопись

Литературно-художественный альманах

№ 20

Подписано в печать 25.11.2013.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 8,6. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС. Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Отпечатано в компьютерно-множительном центре ИП Булатовой В. И.
344006, Ростов н/Д, пр. Соколова, 21. Тел. (863) 218-08-48.

Кришна Пракаш ШРЕСТХА

Лауреат престижной литературной премии Непала «Джагадамба-шри» (2003).

Автор многих книг по культуре, политике, литературе, мифологии Непала на русском языке и на непали. Издал «Словарь топонимии Непала» (1987) на языке непали. Составитель и редактор сборников и статей российских и непальских авторов. Десятки произведений русских писателей и поэтов, включая детскую литературу, опубликованы им на языке непали, а труды непальских авторов — на русском.

НЕПАЛ: ОТ ИНДУИСТСКОГО КОРОЛЕВСТВА К СВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Непал — многонациональная и поликонфессиональная страна, где последователи всех религии жили и живут в мире и согласии с древних времён. Основными религиями считаются индуизм и буддизм, хотя и сосуществуют другие местные верования, как, например, религия киратов — *юма-дхарма*¹ и др. Совсем чужими религиями для непальского менталитета являются ислам и христианство, хотя эти мировые религии существовали в Непале столетиями (ислам более 500 лет, а христианство — более 350 лет). Эти религии не могут быть ассимилированы в индуизм, как другие местные верования, поскольку «на взгляд большинства непальцев христиане или мусульмане — это люди, придерживающиеся абсолютно неприемлемые для них взглядов и образ жизни»². Тем не менее, такие мировые религии, как ислам и христианство, мирно сосуществуют в Непале, где, по представлениям непальцев, обитают 330 миллионов разных божеств (на непали «теттис котти

---

¹ Шрестха К.П. Мундхум — религиозно-правовой трактат киратов // Международный конгресс востоковедов (ICANAS XXXVII). Тезисы. III. М., 2004. С. 954–955.

² Шрестха К.П. Ислам и христианство в индуистском Непале // Южная Азия: конфликты и компромиссы (Материалы научной конференции). Институт востоковедения РАН, Москва, 2004. С. 84–100.

девата»)¹. Веротерпимость, как правило, является характерной чертой всех жителей страны.

В таблице, приведенной ниже, представлено число последователей разных религий по данным переписи населения страны в 1991, 2001 и 2011 гг., что отражает современную картину основных религий Непала, и, на мой взгляд, разъясняет объективные положения существующих в стране религий, Эти данные также предоставляют возможность для сравнительного анализа религиозной ситуации современного Непала.

Основные религии Непала по данным переписи населения*

По переписи населения	1991 г.		2001 г.		2011 г.	
	Число последователей	%	Число последователей	%	Число последователей	%
Индуизм	15 996 000	86,5	18 330 121	80,6	21 551 492	81,3
Буддизм	1 439 000	7,78	2 442 520	10,7	2 396 099	9,0
Ислам	653 000	3,53	954 023	4,2	1 162 370	4,4
Кирант (Юма-дхарма)			818 106	3,6	807 169	3,0
Пракрити					375 699	1,4
Бон					121 982	0,5
Христианство	31 000	0,41		0,45	13 006	0,0
Джайнизм	7000	0,03	121 982	0,5	3214	0,0
Сикхизм			5890	0,0	1283	0,0
Бахаи			1211	0,0	609	0,0
Прочие	365 000	1,97	78 994	0,3	61 581	0,2
Итого	18 491 000	100	22 736 934	100	26 620 809	100

* Таблица составлена по разным источникам.

¹ *Теттис коти девата* — перевод этого понятия как «330 миллионов божеств», по-моему, не верен. Дело в том, что непальское слово «коти» означает не только «10 миллионов», а имеет и другие значения: «категория», «вид» или «группа». Поэтому «теттис коти» надо понимать как «33 категории», а не буквально «330 миллионов». Однако это понятие уже стало общепринятым при наличии множества божеств в индуистском и буддийском пантеоне.

В Непале, как мы видим из таблицы, наблюдается тенденция уменьшения индуистского и буддийского населения в процентном отношении постепенного увеличения числа последователей других верований, включая христианство, после 1990 г., когда была восстановлена демократия с провозглашением свободы совести.

Подавляющее большинство непальцев является последователем индуизма, считающегося вечной религией — *санатана-дхарма*. Среди приверженцев этой главной религии страны выделяются три основные ветви: *шайва* (почитатели Шивы), *вайшнава* (почитатели Вишну) и *шакта* (почитатели божественной женской энергии).

Непальские буддисты, в основном, являются последователями *махаяны* («великая колесница»). Основными направлениями буддизма в Непале являются *баджраяна* («алмазная колесница») и *ламаизм* (одна из ветвей северного буддизма). «Буддисты-невары, как правило, принадлежат к баджраяне, а остальные народности, исповедующие буддизм (в основном, тибето-бирманские) — к ламаизму»¹. Имеются и последователи *хиняяны* («малая колесница») в лице *тхеравада*. Последнее направление буддизма появилось в Непале лишь в середине прошлого столетия.

Все эти ветви индуизма и буддизма переплетены между собой так, что порой становится очень трудно отличить, к какой религии — индуизму или буддизму — принадлежит то или иное божество (к примеру, божество Матсендранатха или «живая богиня» Кумари). Если Матсендранатх относится к шиваитской общине, то Кумари — к шактистской общине индуизма. Непальцы связывают божество Матсендранатха (букв. «Владыка царей рыб») с дождём, на что намекает и его неварское название Бунгадео (букв. «Божество водоёма»). А Кумари, как «живая богиня», выбирается среди малолетних девочек буддийского клана шакья, хотя она считается индуистской богиней. Она, с одной стороны, представляет, по легенде, одну из восьми богинь, оставшейся девственницей, чтобы одержать победу над демоном Чанда, а с другой — олицетворяет живое воплощение богини Таледжу (Тулджа-бхавани), патронессы династии Малла. Не только эти, но и другие божества в Непале почитаются одинаково и индуистами, и буддистами.

Кроме этого, в Непале живут потомки древних племён китатов (например, рай, лимбу, лапча, сунувар, дхимал и др.), которые следуют законам и верованиям предков, изложенным в их священной книге «Мундхум»². Их верование носит двоякое название:

¹ *Шрестха К.П.* На поезде в Гималаи. Катманду, 2009. С. 62.

² См.: *Шрестха К.П.* Мундхум — религиозно-правовой трактат киратов // Международный конгресс востоковедов (ICANAS XXXVII). Тезисы. III. М., 2004. С. 954–955.

юма-дхарма (по имени богини-праматери Юмасамман) или просто *кират-дхарма* (от названия племени)¹.

Нужно отметить и тот факт, что индуизм в Непале не так суров в отношении к буддизму и другим местным верованиям. На протяжении веков многие местные божества были включены в пантеон индуизма, по мере того как последователи этих местных религий были ассимилированы с исконными индуистами. Примером такой ассимиляции местных божеств в пантеон индуизма служит божество *машто*², по-видимому, являющимся родовым культом древнего племени кхаса. На данном этапе кхасы уже стали полноправными индуистами, как и часть предшественников неваров.

Непал являлся единственным в мире индуистским королевством, и трон мог наследовать только монарх, исповедующий индуизм, а после победы всеобщего мирного движения за полную демократию в стране до апреля 2006 г. Парламент, восстановленный после победы всеобщего народного движения за полную демократию, объявил Непал светским государством, лишив короля не только исполнительной, но и церемониальной функции. А Конституционная ассамблея, избранная в 2008 г., на первом же заседании провозгласил Федеративную демократическую республику Непал. Так единственное в мире индуистское королевство прекратило своё существование. Тем не менее традиции индуизма и буддизма, игравшие в течение многих веков главенствующую роль в непальском обществе, и сейчас живучи и не потеряли своих позиций.

Конституционная ассамблея не сумела разработать и принять новую конституцию страны в определенный срок — за два года, хотя продолжала разрабатывать её в течение четырех лет. Путь к федеративному устройству государства оказался не так-то лёгким для Непала, где утилитарная система правления во главе с монархом и уклад жизни народа, основанный, в основном, на традициях индуизма и буддизма были сильны на протяжении многих веков. Даже спустя четыре года новая Конституция, призванная фиксировать возникшие новые реалии, не была написана из-за разногласия между политическими партиями. Конституционная ассамблея,

---

¹ См.: *Шрестха К.П.* Верование киратских племён // На поезде в Гималаи (сборник статей по Непалу). М.: МГО Союза писателей России, 2009. С. 94–99.

² *Ледков А.А.* Взаимодействие индуизма с традиционными верованиями Непала на примере западнепальского культа божеств Машто // Индуизм и современность (Мат. науч. конф.). М.: ИВ РАН, 1994. С. 101–104.

в конце концов, была распущена безрезультатно. Сейчас идёт подготовка к выборам новой, второй по счёту, Конституционной ассамблеи. Пока в стране действует Временная конституция, введенная после победы всеобщего народного движения в 2006 г., в котором уже фиксирован секулярный статус Непала.

Однако не утихает борьба за и против светского характера государства. Сторонники монархии и индуистского государства требуют референдум по этим вопросам. Вся церемониальная функция монарха перешла, вначале к действующему тогда премьер-министру, а после провозглашения республики в 2008 г. — первому президенту. В данной статье будет рассмотрен epochальный процесс трансформации индуистского королевства в светскую республику в древней гималайской стране, где религия и культурная традиция, распутившие корни вглубь веков, определяют мышление и стиль жизни непальского народа.

1. РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Непал расположен на лоне величайшего в мире Гималайского хребта, считающегося обителью божественной четы — Шивы и Парвати. Само имя «Парвати» означает «рожденная горой» («парват» — гора), которая, согласно непальским мифам, считается дочерью Химаванты, т. е. Гималаев. А у подножия хребта Шивалик («Обитель Шивы»), расположенного южнее Гималайских гор, в местечке Лумбини родился в царской семье из рода шакьев Сиддхартха Гаутама, прославившийся на весь мир как основатель буддизма. Подавляющее большинство непальцев почитает с незапамятных времён именно Шиву, а Будда считается девятым воплощением Бога Вишну, одного из божественной триады индуизма. Ещё при царях династии Личчави (II—VIII вв.), культ Вишну, по-видимому, начал широко распространяться в Непале. Большое распространение получил и культ восьми богинь-матерей — *аштаматрика*, считающиеся женской энергией верховных божеств — *шакты*.

Религия играла важную роль в Непале на протяжении веков. Как явствует по некоторым древним скульптурным памятникам и надписям на камне, местное население в древнее время почитало Шиву (многие легенды говорят о том, что асуры, чтобы властвовать миром, совершали *танасью* (подвижничество) богу Шиве (например, Ванасура, Равана и др.). Ванасур, к примеру, считается правителем Шонитпура (ныне Тханкот в долине Кат-

манду), когда Непальская долина была большим озером, где позднее, по буддийской легенде, сиял лучезарный лотос со Сваямбху (букв. «Саморождённый»), а по индуистской — огненный фаллос Шивы — Пашупатинатх (букв. «Владыка всех живых существ»). В Тханкоте находится храм Адинараяну (букв. «Первоначальному Вишну»), по-видимому, древнее чем известного храма Чангу-Нараяна. Скульптурное изображение Адинараяна знаменит тем, что над головой Вишну изображен *шивалингама*. Это явный намёк на то, что культ Шивы верховенствует над культом Вишну¹. Легенду о Ванашуре и победе над ним войска Кришны, и, в конце концов, защите Шивой своего почитателя Ванашуры, описанной в «Бхагават-пуране» (сканда 10, гл. 62–63), можно трактовать как примирение местного населения, являющего поклонником Шивы, с пришельцами, поклонниками Кришны, т.е. Вишну. В скульптуре Адинараяна, как раз и отражается, по моему мнению, знак примирения между этими двумя ветвями индуизма. Местные жители были, по-видимому, из племени киратов (об этом говорил непальский учёный Имам Сингх Чемджонг, считавший Ванашура царём племени киратов)². Любопытно и тот факт, что на этих местах ныне обитают представители племени пастухов — *гопали* (на невари «гва»), считающихся потомками воинов Кришны. Тогда же, по-видимому, «в этих местах установилось правление династии Гопалов»³. Первыми правителями Непала до киратов были, согласно «Гопал-радж-ваншавали» (XIII в.), именно династии пастухов — *гопала* (букв. «пашущие коров») и *махишанала* (букв. «пашущие буйволы»). Кришна, как известно, считается предводителем пастухов.

Не только легенды, но и исторические факты тоже свидетельствуют о том, что культ Вишну в Непале был распространён с времён царей из династии Личчхави. Правители этой династии были веротерпимыми и, хотя и были последователями Вишну, в равной мере опекали и шиваитов, и буддистов. Многие из них

---

¹ *Шрестха Тедж Пракаш*. Шонитпур хо прачин нама. Шонитпур сахитья, сангит татха кала самадж. Катманду, 2063 ВС. С. 70–76 (на языке непали).

² *Chemjong L.B.* History and Culture of Kirat People. Kathmandu, 1966 (3rd edition). P. 9.

³ *Шрестха Кришна Пракаш*. Непальские легенды и традиционные праздники в контексте истории // Особенности регионального развития: Индия, Непал, Тибет. Культура Востока. Вып. 2. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2008. С. 178.

были даже адептами буддизма, например, Бришадева, дед царя Манадева¹. А Амшуварма, влиятельный вельможа и зять царя Шивадева, став царём, с гордостью носил титул «Бхагват пашупати бхаттарака паданугрихита» («Благословленный владыкой всех живых существ — Пашупати»)².

Здесь уместно будет совершить краткую экскурсию в прошлое, чтобы понять суть индуистского характера государства. По многочисленным каменным надписям периода правления Личчави (II—VIII вв.) явствует, что тогда в Непале преимущественно сосуществовали брахманизм (индуизм) и буддизм. В основном найденны надписи о жертвоприношениях в честь божеств или дарениях земли храмам с целью совершения праздников и т.д. Тогда же зародился и институт гутхи³ с целью выполнения разных церемоний и празднеств⁴.

Если в древнем Непале и Шива, и Вишну, и Будда были главными божествами, то во времена правления средневековой династии Тхакури, по-видимому, тантризм стал влиять на религиозную практику и индуизма, и буддизма. Наряду с другими божествами, трантрическое божество Бхаирава (считающееся яростным воплощением Шивы) и восемь богинь-матерей — Аштаматрика были на первом плане. Если Бхаирава считался Владыкой территории, то Аштаматрика — хранителями восьми сторон пространства.

Многие предания, бытующие в Непале, ссылаются на божественную волю, когда раджа одной династии одерживает победу над другой. Например, Ратна Малла, младший принц раджи Непала Якша Маллы, легко завладел управлением в Катманду, где двенадцать раджей из старинной династии Тхакури, известных как «джхинимха такуджуджу» (букв. «двенадцать раджей из династии Тхакури»), властовали сообща, убедив их главного советника в том, что божество Харисиддхи, явившись во сне, даровало ему власть над Катманду. Главный советник одночасье уничтожил

---

¹ *Шарма Бал Чандра*. Непалко аитихасик руп-рекха. Варанаси. 2022 ВС. С. 83 (на языке непали).

² Там же. С. 88.

³ Земельные участки, выделенные дарителями для выполнения разных религиозных церемоний, также именовались гутхи, в отличие от раикар, т.е. государственные земли, или бирта, т.е. подаренные государством за какие-то услуги или храбрости в бою (букв. «бирта» означает «героизм»).

⁴ *Шрестха Кришна Пракаш*. Институт «гутхи» в Непале // На поезде в Гималаи (сборник статей по Непалу). М.: МГО СПР, 2009. С. 112—118.

всех двенадцати правителей ядом, насыпанным в еду во время общего трапеза. А Ратна Малла, укрепив свою власть, уничтожил и вероломного советника. Так, династия Малла сменила династию Тхакури в Катманду. Бытует легенда, что раджа Якша Малла, находясь при смерти, передал сакральную *мантру* богини Таледжу, не старшему принцу, как принято, а младшему Ратне Малла, чем, в свою очередь, подтвердил его право на перенос богини Таледжу в Катманду¹.

Существует легенда о том, как главные патронессы этих двух династий боролись за своё сакральное влияние в княжестве. Новый раджа Ратна Малла, не сумев завершить строительство огромного храма патронессе своей династии, богине Таледжу (Тулджа Бхавани), по совету астрологов пожертвовал буйвола, обещав ежегодно преподносить такое жертвоприношение богине Танадео (Тарини) от имени богини Таледжу (это обещание раджи до сих пор исполняется во время *дашаина*). Таким образом, самый высокий храм богини Таледжу был построен рядом с храмом Танадео при дворцовом комплексе². Эта легенда, как мне кажется, повествует о приемственности власти с одной династии к другой. Интересно отметить и тот факт, что короли династии Шаха обменивались мечом Пачали-бхайрава (санск. «Панча-лингешвара») в каждый двенадцать лет, и присутствие потомка представителя династии Тхакури (Тхакуджуджу) было обязательным на этой церемонии обмена мечом. Заметьте, в передачи символа власти Пачали-бхайрава, почитаемого потомками «Джинимха тхакуджуджу», отмечая ежегодный праздник по очереди, фигурируется Бхайрава (с приставкой «Пачали» от слова «Панча-линга»).

Другая подобная легенда приводит в своём труде русский учёный Иван Павлович Минаев (1840—1890), побывавший в Непале в 1875 г. Он излагает целую легенду о том, как Матсендранатх, явившись к местному крестьянину во сне, послал Бхайрава в княжество Горкха, обещав одарить ему также и власть над Непалом. В этой легенде раскрывался скрытый смысл завоевания Непал Притхви Нараяном Шахом, раджей из маленького княжества Горкхи³.

¹ *Бхандари Дхунди Радж*. Непалко аитихасик вивечана. Варанаси (Индия), 2015 ВС. С. 116.

² *Шрестха Кришна Пракаш*. Непали камбаданти-мала. Катманду, 2006 (2063 ВС). С. 145.

³ *Минаев И.П.* Непал // Очерки Цейлона и Индии. Ч. 1. СПб., 1878. С. 231—284. (Перевод на язык непали К.П. Шрестха. «И.П. Минаевко Непал», Джагадамва Пракашан, Лалитпур, 1971 (Непали. № 48. 2028 ВС). С. 24—25.

Раджи из династии Малла, как гласит легенда, могли наедине беседовать и даже играли в кости со своей клановой богиней Таледжу. Однажды раджа Треилокья Малла, согласно легенде, играл кости с Таледжу, но об этом стало известно принцессе Гангадеви, и богиня перестала явиться к радже, но обещала ему во сне, что она воплотится в простой девочке из касты ванда в образе Кумари¹. Так, возник культ «Живой богини» в Непале².

Индуизм постепенно включает в свой пантеон и божества, принадлежащие к другим местным верованиям. Наглядным примером этого процесса служит божество Машто, почитаемое на Западном Непале и первоначально являющимся, по-видимому, божеством племени кхасов. Таким же образом, богиня Юмасамман, почитаемая киратскими этносами, живущими на Восточном Непале, со временем вполне могла бы стать инкарнацией богини войны — Кали. Ведь индуизм включил в свою сферу влияния и самого основателя буддизма, наделив ему роль девятого воплощения Вишну.

Процесс индуизации проходил в Непале с давнего времени, но этот процесс усилился после объединения Непала в 1768 г. Однако в последнее время, в силу демократизации общества, самосознание разных этносов Непала так бурно развивается, что они начинают подчеркивать свою самобытность и по признакам веры. Время от времени звучит лозунг бойкота празднования ряда индуистских праздников, например, дашаина, который раньше считался общегосударственным праздником. В последнее время разные этнические группы и религиозные общины начали широко отмечать свои праздники.

(Продолжение следует)

---

¹ *Шрестха Кришна Пракаш*. Непали кимбаданги-мала (Легенды в стихах). Катманду, 2006 (2063 ВС). С. 139—141. (на непали).

² По другой версии легенды, богиня играла в кости с Джай Пракашом Малла, но богиня исчезла, поскольку раджа сбросил на юную богиню взлюбленный взгляд, нарекая ему скорейшего лишения власти в княжестве Катманду. Эта легенда, по-видимому, появилась позднее, чтобы оправдать в глазах жителей Катманду неизбежность падения княжества династии Малла и восхождения династии Шаха. Раджа Дж.П. Малла, как известно, построил храм живой богине рядом со дворцом, ежегодно отмечал колесничное шествие богини по улицам города, и случилось так, что именно в день праздника в честь «живой богини» Кумари лишился престол в Катманду. Это случилось 25 сентября 1768 г.

Хуан Карлос ОНЕТТИ

Крупный уругвайский писатель (1909–1994). Представитель *поколения 45-го года*, к которому принадлежал также Марио Бенедетти и др.

С 1930 по 1955 жил в Буэнос-Айресе, затем вернулся в Монтевидео. В 1974 был заключен в тюрьму, освобожден под давлением мировой общественности. В 1975 выехал в Испанию, где и прожил оставшуюся часть жизни.

Лауреат литературной премии Уругвая (1962), премии им. М. де Сервантеса (1980). В том же году был выдвинут на Нобелевскую премию. В 1985 получил Большую литературную премию Уругвая, но посетить родную страну отказался.

БАЛЛАДА ОБ ОТСУТСТВУЮЩЕМ

Итак не давай мне повода пожалуйста
Не позволяй ностальгии,
Безнадежности и игре обладать знаниями.
Думать о тебе и не видеть тебя,
Страдать по тебе и не поднимать крика,
Обдумывать наедине с собой, благодаря тебе,
свой грех —
То единственное, о чем только
И можно думать,
Взывать беззвучно, потому что Бог велел,
Если у Него есть обязательства,
Если сам Бог запретил ему отвечать
Двумя пальцами на ежедневное,
Ночное, неизбежное отдание чести,
То необходимо согласиться на одиночество,
Утешаться полным сходством
С обонянием собаки, в эти влажные дни юга,
В чьем-то возвращении,
В чьем-то выменянном часе сумерек
Твое молчание
И равнодушная походка Бога, который не видит
и не отдает честь

Который не отвечает траурной шляпе
Падая на колени
Который боится Бога и волнуется,
Не зная, что бы он обсудил, проклял, проворчал,
обязал.

Не давай мне знаний, голоса, необходимости
и приказа.

Все что мне оставили - это нагота и удаленность.
Я поворачиваюсь к миру и к его поросшей
мохом тайне,

К мучительной ясности мира,
Голь, одинокий, безоружный
Я качаюсь своим тощим телом
Спотыкаюсь и шагаю вперед
Возможно, я приближаюсь к какой-то границе,
К бесполезной ненависти, к ее растущей нищете
И это утешение

Этот сладкий мираж мира и войны
Потому что это
Уже не удаленность, тоже не растворяется в надежде
В прелестной непонятной надежде помочь мне
жить и надеяться.

Никакой другой страны и никогда больше.
Моя левая нога на бронзовом бруске
Отлитая вместе с ним.
Парень, который понимает, помогает надеяться,
верит тому, чего не знает.

Принимаются все пари:
Вечность, ад, риск, глупость
Но я главный.
Я уже даже не верю
В разбитые зеркала
В ночь
В слизывание крови с моих пальцев,
Словно я ее принес оттуда
Словно свернулась соленая ложь
Словно кровь, маленькая острая боль,
Приблизили меня к тому, что остается живым,
нежным и проворным,

Я умер из-за расстояния и времени
И я их теряю, жертвую жизнью,
Вместо старости и чуждых стремлений,
С каждым днем все более старых, непристойных
и странных.
Вернуться но я не сделаю этого, покинуть
но я не смогу.
Упереть башмак в бронзовый брусок
И ждать не спеша его ветхости, его чуждости,
его крошечного небытия.
Мир, покой, а затем, к счастью, сразу же ничто.
Я буду там. Время не тронет моих волос,
не придумает морщины, не раздует мои щеки
Я буду там ждать невозможного свидания, встречи,
которая не произойдет.

Перевел с испанского
Игорь ЕЛИСЕЕВ

Эмма ГРИБ

Член литературного объединения «Литературное братство», г. Братск Иркутской области.

ОСЕНЬ

Нас снова коснулась осень
Небрежным дыханьем своим.
Запутала в нежную просинь
И злато, и аквамарин.
Сквозь зелени яркой и жгучей
Продела измены наряд.
Подбросила ржавой, колючей
Травы, не ласкающей взгляд.
Своею рукой вдохновенной,
Как искры любви и тоски,
Попрятала в листьях манерно
Алые лепестки.
Под чёрным прикрытием леса
Швырнула в кустарник огонь,
Как знаки для Пана иль беса,
Укрытие от погонь.
Резвится красавица наша,
Палитры земной не жалеет,
И с каждой травинкой попляшет,
Последний цветок полелеет.
Подарит и сочность, и нежность
Созревшим и грузным плодам,
С дождями и ветром беспечным
По пашням пройдёт и садам.
А утром, под радугой солнца,
С горящей рябины венцом,

Кому-то кивнёт у оконца,
А может, взойдёт на крыльцо.
И если счастливец упросит,
Проплачет над ним журавлём,
И далеко за откосы
Поманит прекрасным лицом...

* * *

Как бабье лето нынче запоздало.
Всё пронеслось — и радость, и печаль.
И, как природа, сердце стать устало.
И в этой грусти мне природу жаль.

Как будто нет ей силы развернуться,
Блеснуть в порыве зеленью, огнём,
К лазури неба птицами взметнуться,
Ленивой негой расплескаться в нём,

Коснуться радугой земли благоуханной,
Манить грибами, ягодами в лес,
И тёмной ночью, словно первозданной,
Открыть врата в свою страну чудес.

Мне жаль сейчас скукоженные листья,
И полуголый лес, и утренников хмарь,
Расхлябанность небес мне просто ненавистна,
Я бабье лето жду и славлю, как и встарь.

БАБЬЕ ЛЕТО

Мне кажется, ты должен знать и это!..
Да, я грущу. Но нет, не о тебе...
О том, что есть у женщин бабье лето
Наперекор изменчивой судьбе.

Как хочется расправить гордо плечи,
Себя почувствовать красивой, молодой.
Забывшейся мечте пойти навстречу
И распрощаться временно с тоской...

Как хочется ещё и ждать чего-то...
Нет, я не говорю – любить.
Нет к юности крутого поворота,
Ведь нам известно, что такое – жить!

И все-таки хочу сказать тебе я:
«Спасибо и за горечь, и за грусть,
За чувства те, которые имею,
Но высказать самой себе боюсь...

Ведь всё пройдёт и песней станет спетой,
Я буду жить, не зная, что с тобой,
Грустить, грустить о жарком бабьем лете
И спорить, спорить со своей судьбой...»

Ольга ГРИЦАЕНКО

Родилась на Украине в 1962 году. С 1989 года живет в Норильске. Работает врачом в городской больнице. Издала три книги стихов. Печаталась в периодических изданиях Норильска, в поэтических сборниках «Дух зимовья», «В наших северах», в альманахах «День и ночь» (Красноярск), «Северное сияние» (Дудинка), «Рукопись» (Ростов-на-Дону).

ХРИСТОС И ГРЕШНИЦА

По сюжету картины В. Поленова

Он отпустил: «Иди и не греши».
А мог бы бросить камень по закону.
Но Свет всё понимающей Души
направил в мир — по храму и по склону.

Какая мука — быть среди людей! —
среди их лицемерия и злобы,
и лжи, и трусости, корысти их идей,
что в золоте, пусть самой высшей пробы.

Какой же подвиг — зная! — умереть
за них, ничтожных, низких и никчёмных,
переборов царицу жизни — смерть,
и приютить и нищих, и бездомных.

День пополам и пополам весь мир,
кто с Ним, кто без Него — других не сыщешь.
Но те, кто с Ним, те не кричат: «Кумир!»,
пусть единицы их, других же тыщи...

Кто с Ним остался, тот невозмутим:
не дрогнул мускул на лице, и руки
хранят спокойствие и взгляд непобедим,
хоть жаждут ТЕ суда, камней и муки.

Для тех, кто с Ним — идет вдали кино,
ТАМ режиссер — ханжа и неудачник.
Но ТО кино прервется все равно.
А с Ним оно продлится, но иначе:

не будет места яростной толпе,
кривляющей лицом в зверином рыке,
в нем будут все спокойны, как теперь -
с лицом открытым и добром на лице.

И грешница, что так еще юна
и чище ТЕХ, кто прячется за нею,
поймет, что грех — не тайна, а вина,
что с ним не выживают, а мертвеют.

О, русский Бог, живущий на холсте,
дающий всепрощение и вечность,
сидишь Ты у еще стоящих стен
святого храма, будто бы беспечный,

но знающий все беды наперед.
Ты чертишь на песке Свои знаменья.
Лишь Слово Ты ответил — и берёт
назад бунтующий и злобу, и каменья.

О, русский Бог, похожий на царя
по стати, взгляду, позе и осанке,
глядишь Ты вдаль и теплится заря
в Тобой согретом нашем полустанке!

ВОРОНУ — ВОРОНОВО, ВОРОНЕ — ВОРОНЬЕ

Ворону — вороново, вороне — воронье.
На четыре стороны, словно в обороне,
замерли до времени, до святого часа
мы, без роду-племени, мы, людская масса...
Каемся и крестимся, учимся молиться.
Может, и уместимся в Божьей рукавице...

УПУЩЕНО СЛОВО СМЕРТЬ

Упущено слово «смерть»¹
после земного пути.
Но можно ли мне посметь
мысленно день тот пройти?
На большее нету сил,
не мне колею менять,
если и Он возопил:
«Что ж Ты оставил Меня?»
Все тленное видит плен,
но вечное видит жизнь,
смертомгновения плен —
шлюзовый неологизм.
Так был или не был час
смертных на Нем примет?
Со стороны тленных нас —
был, с Его стороны — нет.

ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ

Любви все возрасты покорны,
и это так — увы и ах!
Но страсти жар, язык проворный
ее огня, творящий прах,

стремится к молодости рьяно.
Да, страсть — Купала молодых!
След бурелома под бурьяном
скрывается — бурлил и стих.

О, как влечет костер трескучий
обманом пламенных красот!
Как жаждет дров он, трав и сучьев,
без них он попросту умрет.

---

¹ В Символе веры нет прямого указания на то, что Христос умер. Я попыталась ответить на вопрос «Почему?»

И падают в его горнило
страдальцев яростные дни.
И поднимается Ярило
над гарью выжженных равнин.

Блажен, кто с молоду был молод,
кого костер не иссушил.
Блажен, кто смерти страх и холод
страстной отравой не глушил.

Любовь и страсть в одной примете
сошлись, чтоб разом разойтись,
одна лелеять все на свете,
другая жечь, но цель их — жизнь.

НАДЕЮСЬ, ЧТО БОГ НЕ ОСТАВИТ МЕНЯ...

Надеюсь, что Бог не оставит меня,
добавит огня
в мою одинокую келью,
и топот заглушится трелью,
и Ангел, маня,
махнет в направлении, где доля моя.

Конечно же, Кто-то услышит меня —
Посланник Огня.
И сумрак зардеет рассветом.
И счастье ведь разве не в этом,
чтоб голос, звеня,
по капле, по капле меня изменял?

О, Боже, спаси и помилуй меня!
Дай мне огня!

ПАССИОНАРИЙ САШКА ПУШКИН

Пассионарий Сашка Пушкин
к истокам славы всем нутром
за век до срока был допущен
пассионарием Петром.

Век человеческий с веком Божиим
ни сопоставить, ни сравнить.
Пассионарность смерить можно
сплетеньем судеб в одну нить.

Скитанья прадеда Абрама
из царства в рабство и назад,
подъем к вершинам власти прямо
через труды и блеск наград

скопили дар ценнейшим кладом,
скопили мысли концентрат,
не тронутый обиды ядом
и приумноженный стократ.

Сто лет копился сгусток силы,
чтоб явлен миру был пророк.
Пассионарный абиссинец
предвидеть это вряд ли мог.

...Роптать на немощь и бездарность —
сжигать бесцельно жизни дни.
Мой друг, копи пассионарность
и тем Вселенную храни.

РАЗ ПОПАЛ ВО ЧИСТО ПОЛЕ В ОКРУЖЕНЬЕ ВОРОНЯ

По картине В. Васнецова «Витязь на распутье»

Раз попал во чисто поле в окруженье воронья,
не горюй о скорбной доле, доля¹ — воля не твоя!

А твоё — лишь конь да латы, булава, копьё и щит,
стрел колчан да мощь таланта. Пустишь стрелы — затрещит

ведьмин камень на распутье, — расколи его в куски!
...Попирает вечный путник страхи каменной тоски.

...И рассвет над миром брезжит, и простор — скачи хоть год!
...Жизнь и смерть — дорога между.
...Продолжается поход!

---

¹ Доля — здесь жизнь вообще, а не судьба.

Лола ЗВОНАРЕВА

Родилась в Москве. Окончила филфак МГУ. Кандидат филологических наук, доктор исторических наук, академик РАЕН. Секретарь Союза писателей Москвы, гл. редактор альманаха «Литературные знакомства», профессор Академии живописи Университета Н. Нестеровой. Руководитель семинаров поэзии и прозы для молодых писателей в Алма-Ате, Перedelкино, Липках, Нижнем Тагиле, Сургуте. Председатель и постоянный член жюри всероссийского фестиваля детского творчества «Дети и книги» в Геленджике, член жюри межрегионального литературного конкурса «Начало» в Рязани, ответ. секретарь молодежной литературной премии «Эврика!», вручаемой издательством «ПоРог» и писателем А.П. Потемкиным. Постоянный ведущий (с 2008 г.) Литературной гостиной в культурном центре «Булгаковский дом» в Москве. Член редколлегии журналов «Путеводная звезда» (Российский детский фонд), «Вышгород» (Таллинн), «Балтика» (Калининград), еженедельника «Русская Америка» (Нью-Йорк), альманаха «Муза». Автор более 300 статей по проблемам литературы и искусства. Организатор Международных образовательных чтений в Польше, Дней русской культуры в Болгарии. Дипломант всероссийской премии «Алые паруса», лауреат премии «Серебряная лира» V Международного Невского книжного форума, Мамина-Сибиряка, удостоена диплома «Лучший критик года» альманаха «Московский Парнас». Читала лекции в Варшавском университете, в Высшей педагогической школе г. Быдгоща (Польша), в Шуменском педагогическом университете им. епископа Конст. Преславского (Болгария), в Калифорнийском университете (Дэвис, США), в Эрджиевском университете (Кайсери, Турция).

ДОСТОИНСТВО ХУДОЖНИКА

Оставить в истории достойную память о любимых уголках нашей огромной страны, о дорогих людях, о пушистых и пернатых любимцах, поделиться с современниками и потомками принципиально важными идеями, касающимися прошлого и настоящего, — непростые задачи ставит перед собой отряд химкинских художников, который можно было бы назвать «могучей кучкой».

Убедительным доказательством их профессионализма можно считать разнообразие техник, в которых они работают. Кроме традиционной живописи, используются почти все виды графики — карандаш, акварель, цветной офорт, акватинта, сухая игла, пастель, линогравюра; фресковая мозаика, батик, мокрый шелк, лоскутное шитье, вышивка, керамика, стекложивопись, бумагопластика, папье-маше, художественная фотография, резьба по бивню мамонта и клыку моржа. Мастерство химкинских худож-

ников проявилось и в том, что каждый из них смело обращается к самым разным жанрам — портрету, натюрморту и пейзажу.

Надежду химчан на грядущее возрождение Отечества можно увидеть в постоянном обращении многих из них к теме весны — традиционного символа обновления и возрождения: полотна «*К весне*» и «*Весенний футбол*» старейшего химкинского художника Павла Блока, «*Весна. Влюбленность*» Анатолия Дудника, «*Весна*» Владимира Кнельца, «*Весенний лед*» и «*Разлив на Клязьме*» Юрия Кураева, «*И придет апрель...*» и «*Весна с Воробьевых гор*» Петра Цветкова, «*Весна в окрестностях Химок*» Виктора Песлякова, «*Таяние снега*» Марины Пушкаревой, офорты «*Тихой водой проплывает апрель, деревня Куркино*» и «*Моя Мама. Пришла 87-я весна*» Александра Ветрова, «*Весна. Март*» Владимира Воробьева, акварели «*Начало весны*» Евгении Ештаковой и «*Пробуждение*» Елены Тарасовой, вышивки из цикла «*Майское утро*» Валентины Пугачевой.

Возрождение не мыслится вне обращения к православным ценностям. На многих пейзажах мы встречаем храм, колокольню, часовенку или купол старой церкви. «*Помолимся*» — трогательным призывом-обращением назвала картину химкинская художница Лариса Васильева. «*Зажги в своем сердце свечу*» — вторит ей Юлия Смирнова. Эти искренние, душевные призывы всплывают в сознании, когда смотришь на полотна их коллег — «*Второй потоп*» и «*Чаша сия*» Виктора Степашкина, «*Храм в деревне Свистуха*» и «*Храм в зимнем лесу. Окрестности города Кашин*» Виктора Песлякова, «*Купола*» Петра Цветкова, «*В обители*» Степана Химочки, «*Монастырская аллея. Переславль*» Екатерины Васильевой, цветной офорт «*Храм Воскресения Христова. Москва*» Владимира Воробьева, «*У монастырских стен*» Алексея Васильева, «*Церковь в Киево*» Андрея Романова, «*Данилов монастырь*» Владимира Самарина, «*Иосифо-Волоцкий монастырь*» Сергея Скачкова, акварели «*Въезд в Иерусалим*» Елены Лебедянской и «*Покров день в селе Ильгощи*» Ирины Романовой, на офорт «*Дорога к храму. Памяти моей Бабушки посвящаю*» Александра Ветрова, в триптих «*Воздвижение Креста. Памяти событий 06.05.2012*» и серия «*Старая Москва. Век XIX. Храм Христа Спасителя и Северный въезд на Красную площадь. Иверские ворота*» Юрия Лютера, когда вглядываешься в созданные химкинскими художниками и скульпторами строгие лики Божией Матери, Святого Равноапостольного Владимира (иконы

Александра Васильева), Преподобного Серафима Саровского с моделью Храма в Федино в руках (гипсовый рельеф Константина Синявина), святого Николая Угодника или преподобного Илии Муромского, вдохновенно написанных Федором Ушаковым.

Иными стали в XXI веке и наши отношения с братьями меньшими. Все глубже осознаем мы их незащищенность и стойкую преданность хозяевам, знающим цену человеческому предательству, тайную, мистическую связь с миром природы, который человек наивно пытался подчинить себе, приближая экологическую катастрофу. И понятие «Умиротворение» связывается в сознании художника Ларисы Васильевой с двумя блаженствующими в одиночестве цаплями.

На эту важнейшую и актуальнейшую тему размышляют химкинские художники, создавая портреты любимцев — кота Персика (Галина Семиглазова), схваченных в момент стремительного бега породистых борзых, красавцев-коней («*Вороной араб*» увлеченного анималиста-лошадника Екатерины Борисовой), горделивого мрачного гепарда (пастель Татьяны Барагиной), семейного дуэта независимых тигров, доверчивых нежных козочек (Ирина Маковеева). Восхищаются совершенством Божьего создания, рисуя и вырезая из кости привычных для среднерусской полосы птиц — стайки любопытных гусей, нахохлившегося на ветке снегиря, воробья, кукушки и даже насекомых — бабочку, стрекозу, хамелеона, муху...

Более тридцати лет прошло с тех пор, как рухнул железный занавес. Русские художники получили возможность свободно путешествовать по миру. Но чтобы понять и узнать чужую культуру, нужны годы, а позиция поверхностного экскурсанта недостойна серьезного мастера, как не устраивала она когда-то Василия Перова, писавшего из Парижа в 1864 г.: «...незнание характера и нравственной жизни народа делает невозможным довести до конца ни одной из моих работ». Да, чужеземных красот среди пейзажей химчан немного — несколько видов Франции (полотно «*Мост Луи-Филипп*» Екатерины Ушановой), Италии (полотна «Гондольер» Виталия Ковтуна и два варианта «*Венеции*» — Елены Агафоновой и Нодара Мануилова), Алжира («*Эль-Уэд. Город 1000 куполов*» Алексея Васильева), Амстердама (акварель «*Речной трамвайчик*» Натальи Жаденовой), Кипра («*Дорога к морю*» Сергея Скачкова). Больше знаменитых столиц привлекают художников голландская провинция (пастель Натальи Жаденовой) и православные сла-

вянские страны — Черногория («*Монастырь Градиште*» Анатолия Дудника) и Болгария («*Болгарская кышта*» Татьяны Ласковой).

Гораздо ближе нашим художникам русский Север. И выходят из-под их вдохновенной кисти и взволнованного пера чудесные виды каргопольской улочки (пастель Екатерины Васильевой), старого Мурома, морозного утра в Суздали (офорт Владимира Воробьева), праздничные купола Ростова Великого, пейзажи осеннего Звенигорода, заснеженной монастырской аллеи в Переславле, розового заката над Волгой, осени в Карелии и Белого моря («*Красная пора в Карелии*» и «*Белое море*» Анатолия Орешкина), каменного русла узкой бурной речки в Карелии (пастель «*Кивач*» Натальи Жаденовой), белых ночей на Соловках (полотно Алексея Васильева и батик «*Соловки*» Юрии Смирновой), «*Часовни в Кижях*» Сергея Скачкова, мурманской переправы Анастасии Удовой, нашей северной столицы — Петербурга (полотна «*Петербургский трамвай*», «*Лиговка 53. Питер*», «*Канал*» Эдуарда Есенкина, «*Дворцовая площадь*» Нодара Мануилова, аппликация «*Петербург*» Анны Кованцевой).

И, конечно же, вновь и вновь возвращаются художники на свою «малую родину» — в родные Химки, открывая здесь такие изысканные виды, каким вполне могут позавидовать иные любители пейзажных красот: акварель «*Березки над прудом*» Натальи Макаровой, цветные офорты «*Теплый январь, деревня Куркино*» Александра Ветрова и «*Осени чудесная пора. Подмосковье*» Владимира Воробьева, полотна «*9-й дом*» Елены Зеленчевой, «*Зимняя речка*» и «*Ручей*» Татьяны Сарычевой, полотно «*Родник*» Федора Ушакова, «*Ранняя осень в Куркино*» и «*Лето на Сходне*» Виктора Песлякова, «*На Сходне, в лесу*» и «*Наш старый дом*» Георгия Красильникова, «*Осень в Куркино*» Владимира Самарина.

В годину суровых испытаний, слома традиционных ценностей, стало ясно, что семья — основа основ для русского человека. Именно с нее начинается то, что когда-то академик Д. С. Лихачев назвал «экологией души». Поэтому так часто обращаются химкинские художники к портретам близких — отца (полотно «*Отец*» Марины Пушкаревой), матери, детей («*Подсолнух*» Ольги Кудрявцевой), мужа («*Закат*» Ольги Кудрявцевой, «*Ночное кафе. Портрет супруга Семиглазова В.И.*»), внуков (полотно «*Внучка*» Елены Зеленчевой и «*Макар Тарасович*» Степана Химочки), бабушки. Портрет — один

из самых популярных и интересно разрабатываемых жанров у химкинских графиков, живописцев, скульпторов.

Оригинальные портреты Ахматовой и Гоголя Виктора Степашкина, «*Задворки дома Есениных*» на полотне Георгия Красильникова, батальная сцена из героической жизни Дениса Давыдова, атакующего французов, и битва за деревню Бородино на реке Колоча в акварелях Юрия Купцова, серия «*Старая Москва*» Юрия Лютера («*Северный въезд на Красную площадь. Иверские ворота. Москва. Век XIX*») — дань особого уважения к Золотому и Серебряному векам отечественной культуры и русской истории. Велико нравственное, воспитательное значение этих работ в наше время, когда новые поколения россиян от великих отечественных культурных традиций пытаются оторвать торопливые реформаторы нашего образования, бездарно использующие не лучшие западные учебные программы.

Стремление подняться над суетой дня сегодняшнего и дать свое изобразительное воплощение сложнейшим образам-символам вдохновляет сегодня многих живописцев и монументалистов. Полотна «*Погружение*» Натальи Баженовой, композиции «*Одно*» и «*Диалог*» Галины Федоровой, «*Быстротечность времени*», «*Сон*» Артема Куликовского, триптих «*Древо Жизни. Мир людей*» Анны Ремыги, полотно «*Древние песни земли*» Елены Агафоновой, «*Выход*» Виталия Ковтуна — к таким философским темам обращаются химкинские художники, доказывая интеллектуальные возможности современной живописи и графики.

...Неумолимо время. Краток человеческий век. Но в памяти потомков мы останемся картинами и книгами, восстановленными храмами, достойными учениками и своими хорошо воспитанными и образованными детьми. Работы химкинских художников убеждают — каждый из них мог бы с достоинством повторить известные слова Владимира Высоцкого: «*Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним, // Мне есть, чем оправдаться перед Ним*».

(Иллюстрации к статье см. на цветной вкладке)

Владимир КОРНИЛОВ

Родился в 1947 г. Выпускник Литературного института (семинар В. И. Фирсова). Член Союза писателей России, Международной федерации русских писателей, Международной гильдии писателей, Союза журналистов России.

Обладатель высшей квалификационной категории и звания «Почётный работник общего образования РФ». Работает во Дворце детского и юношеского творчества п. Энергетик г. Братска

педагогом-методистом по литературному творчеству. Лауреат многочисленных российских и международных конкурсов. Публиковался в многочисленных журналах и сборниках. Автор 18 книг, изданных в Москве, Иркутске, Германии.

В АВГУСТЕ

Какое согласие в Природе —
Умиротворения дух?!
Недаром у нас в огороде
Расцвел в эту пору лопух.
Но он, словно гость нежеланный
Для ярких нарядных цветов,
Небесной не ведая манны,
Ютился меж сорных кустов.
...Отшельник, отвергнутый всеми,
Познал он и тяпку, и плуг..
Но в августе гордое семя —
Лазоревым вспыхнуло вдруг.
И эту улыбку Природы
Случайно увидел поэт,
В заросшем углу огорода
Заметив лазоревый цвет.
И он восхитился растением, —
Хоть с виду лопух неказист,
Но нежное в бликах цветенье
Стихами просилось на лист.
...И пасынок жизни суровой —
Земли горемычная соль —
Восславлен был праведным словом
За все его муки и боль.

БАРЫШНЯ ОСЕНЬ

Небо бездонно от просини.
Смехом искрится река.
...Барышня, нам не до осени:
Мы Вас не ждали пока.
Что же Вы лету перечите, —
Если еще зелены
Сопки на всём междуречии,
Женщины счастьем пьяны.
Если блестящими нитями
Марево веет с полей.
... Барышня, Вам по наитию
Чудится крик журавлей.
Зреет их грусть над болотами
В зареве солнечных вьюг.
Ими еще не налётаны
Первые стёжки на юг.
Это приснился Вам давнишний
В золоте весь окоём.
... Осень, откуда Вы, барышня,
В ярком наряде своем?

В СЕНТЯБРЕ

Не встречал я осенью нигде
Красочней и трепетней картин:
Лучезарен каждый божий день
С серебристой дрожью паутин.
Золотые свечи сентября,
Придают торжественность лесам.
Всякий миг такой боготворя, —
Свой восторг дарил я небесам.
... Храм осенний светел и велик —
Благодатью Вышней сотворён.
Как прекрасен он и огнелик,
Солнцем осиян со всех сторон!..
Чуть поодаль купола церквей
В ярко-желтом пламени берез —
Это образ Родины моей —
Дорог мне и памятен до слёз.

* * *

Я уеду в тайгу, где охотничьи наши угодыя
От ближайших селений два локтя на карте любой.
Потому не хочу показного веселья сегодня.
Потому из гостей мы так рано уходим с тобой...
Пусть таёжной звездой мне на компасе светится точка.
Да в напарники мне бы двоих, но надежных ребят.
... А вернусь к очагу, где останутся сын мой и дочка, —
Вновь узорчатый день мне, как праздник, подарит тебя.

МЕСЯЦ

Спят деревеньки в таёжной тиши.
Зимние тропы глухи.
Месяц в сторожке огонь потушил,
Иней осыпал с ольхи...
Словно стрелец, заступивший в дозор,
Молча обходит тайгу,
Ярко горит его острый топор —
Отблеск на стылом снегу.
...Ну а когда прокричат петухи,
Высветят зори узор, —
Месяц в сугробе под сенью ольхи
На день свой спрячет топор.

ТАЕЖНЫЕ СТИХИ

Откуда мог шатун проклятый
Набрести на нас в тайге дремучей?
И, снесь почуяв, сгрёб он лапой
Жильё, стоящее над кручей...
Как жутко чувствовать ознобье
В беде, подкравшейся незримо,
Где смерть вершится не по злобе,
А страстью голода звериной.
Так, пробиваясь трое суток
В тайге сквозь дикое заснежье, —
Тогда нам было не до шуток:
Везде стерёг нас рык медвежий...

Метель, гнусава про поминки,
Рождала страх и безнадёгу.
...Мы во вселенной — две былинки —
Взывали мысленно лишь к Богу.

РУССКИЙ ГОВОРОК

Зимним утром — снег певуч и звонок —
Каждый шаг озвучен каблуком.
Жители сутулятся спросонок,
Освежая души холодком,
И, вливаясь в зарево проспектов, —
Потекут безудержной рекой, —
Тут порою — не до интеллекта,
Окунувшись в кипяток людской...
Кто-то обожжётся грубым хамством,
Кто-то преподаст ему урок.
...Целый день морозное пространство
Оживляет русский говорок.

СЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Любимой супруге Тонечке
С возом сена проехал вечер.
Где-то крикнул протяжно кочет.
Вьётся в небо дымок из печек.
Снег скрипит, будто кто хохочет..
В избах бабы заводят тесто,
Достают из подвалов брагу.
Заждались женихов невесты —
Эй, сваты, прибавляйте шагу!
...В первый раз я иду на такое —
Сердце бьется во мне, как птица:
Вдруг мне скажут, что я не стою, —
Мол, не вышел еще жениться...
Так я шел, ничего не слыша,
Даже ног под собой не чуя.
Над домами нависли крыши,
Тишиною мой страх врачую...

Только верил в любовь девчонки
Самой милой и самой нежной,
Самой стройной, весёлой, звонкой —
В ней судьба моя и надежды...
Никогда женихом я не был,—
Ни одной из невест не сватал...
И, с мольбой обращаясь к небу,
Я молитвенных слёз не прятал.
...Льнёт деревня окраиной к лесу,
Убегает дугой к оврагу.
Подоспели в селе невесты —
Пьют сваты молодую брагу.

ЗИМНЯЯ СВАДЬБА

Скачут звонко кони синие,
Ленты ярко развеваются.
Свадьба вытянулась в линию —
С небом санный путь сливается...
А зима, сверкая красками,
Озаряет свадьбу вымыслом —
И с поклонами, побасками
Ей навстречу солнце вынесла.
...Мчится! Мчится свадьба зимняя!
В колокольчиках, бубенчиках! —
Это Русь-невеста в инее
С Рождеством в мороз обвенчана.

Елена КОРСУНОВА

Автор поэтического сборника «Папоротник счастья, или внутреннее зрение». Публиковалась в альманахах «Южная звезда», «Донские волны», «Ростовская лира — 2008», «Рукопись». А также в сборниках «О, Лира», «Поэтическая надежда», «Любовное настроение».

Проживает в г. Ростове-на-Дону.

СКАЗКА

Она влюбилась в тишину,
Но звук в ночи не предавала.
И всё ждала её одну,
Дождавшись, скромно замирала.

Но ночь — дитя небытия
И сказки сумрачной, тревожной...
И часто, как шуршит змея,
Входили звуки осторожно.

Звучала флейта, и олень
В её виденьях появлялся,
И ей казалось — белый день
В лесу, и ручеек смеялся.

И птички пение, и дождь
Слепой...ходил по листьям тихо,
Тамтамами, как старый вождь,
Он говорил с ветрами лихо.

И в этой сказочной стране
Она жила прекрасной феей,
Скакала на гнедом коне,
Бродила молча по аллеям.

Она влюбилась в тишину,
Но звук в ночи не предавала
И всё ждала её одну,
Дождавшись, скромно замирала.

В САДУ

В саду, где размыты границы,
В саду, где мы были вдвоём,
Где жизни счастливой страницы,
Из тёплой воды водоём...

В саду, где цветочным шлейфом
Окутаны чувства и дни,
Где, кажется, прячутся эльфы, —
Одни мои мысли, одни.

Хочу возвратиться я снова
В тот дивный, чарующий сад
Для чистого, доброго слова,
Ведь там нет для «Слова» преград.

ВОСПОМИНАНИЯ

Порой в другое измерение
Немой строкой в беззвучный час
Приходит светлое видение
И кто-то вспоминает нас...
По белой скатерти — вишнёвое
Тревожит яркостью глаза,
И говорит: «Приду я снова.
Ну, а теперь пора назад.
Туда, где я лежу сокровищем,
Где навсегда теперь мой дом,
Хранится памятью тепло ещё,
Чтобы «сейчас» согреть теплом».

НЕ ТО ВРЕМЯ

Если голубь летит — в небо,
Покидая черты — улиц,

Значит, скоро весна — вербы
Всем незримо — уже проснулись.

Просто, знаешь, не то — время,
Я совсем не люблю — город.
Околесица снов — бремя,
Валит хлопьями снег — в ворот.

И цветами из снов — раны
Я сейчас врачевать — не стану,
Просто, знаешь, не те — планы
И любые цветы — вянут.

* * *

Как по аллеям алых роз,
По бриллиантовым витринам
И не жилось, и не спалось...
Ходила — коридором длинным.

И говорилось всё — не то,
Да и молчала — как-то так...
А кто-то — в меховом манто,
А у тебя — везде бардак.

Но сердце билось — неспроста,
Стучалось нотами — в стихи.
Писалось, с белого листа
За мною шлейфами — духи...

ДОЖДЬ

Мелкой дробью идёт по стеклу — дождь.
Что с того, что уйти не могу, что ж...
Постою, посмотрю на удел — день, ночь...
Ухожу, ухожу от тоски — прочь.
Мне искать, находить — вновь, вновь...
Озаренье моё — новь в кровь.
Что с того, что уйти не могу, что ж...
Я люблю этот дождь — дробь, дрожь...

СУДЬБА ЛЮБВИ

Это тайный звук,
Это сердце двух — бьётся.
Это плачет — лук,
А чеснок жуёт и — смеётся.

То огнём твоя
Всё горит свеча,
А вдали — моя,
Злачена парча.

Как в сыром сарае,
Больно горяча,
Но тускнеет, тает
Словно сон — свеча.

ДА, Я СКАЖУ ТЕБЕ...

Да, я скажу тебе — люби,
И улыбнись мечтой крылатой.
Да, я скажу тебе — лети
В любви жемчужные палаты.

Да, я скажу тебе — возьми
Как драгоценность моё сердце,
Его к своей груди прижми,
Прижми и дай ему согреться.

Я говорю тебе — люблю
И подарю всё, что сумею.
Минуты градусом делю,
А нас с тобой делить не смею.

МИГ СБЛИЖЕНИЯ

О, карие глаза!
Я кару принимаю.
«Мои» же — бирюза,
Я в «вас» их окунаю.

Мелодия любви
На взглядов — напряжении,
Ты имя назови
В неистовом сближении.
Сакральную чертой,
Хрупчайший, в озарение
Вводящий миг святой, —
Такое впечатление,
Что наиграл гобой...

ЛЮБОВЬ И АНГЕЛ ГРУСТИ

Печаль с гранатовых ланит
Стекала горьким, но нектаром,
И понял он: любовь манит
Всё выпить сладостным пожаром.

А кружева её волос
Скрывали призрачную тайну,
И понял он: её колосс
Не выдать за земную «чайну».

И грудь вздымалась и межой
И бархатом пленила взгляды,
И понял он: в любви иной
Черны белёсые наряды.

Глаза искрились глубиной
За ширмою ресниц смолистых,
И понял он: там, под водой,
Свет-жемчуга в песках тернистых.

И он нырял в немую влагу,
Поверив: жемчуг не упустит,
Ведь понял он — иначе плаху
Найдёт прекрасный ангел грусти.

* * *

Море... переливы лазурного царства
В песчаной юдоли.
Горы... сердце в гордом убранстве
Сжимающей боли.
Имя... ты тревожащий знак
Для того, кто услышит.
Вера... как посаженный знак,
Колосится и дышит.

СВЯТАЯ ВЕСНА

Красные бусы рябины —
Губы...злато волос...
Зрящие свет исполины
Ленты искали для кос.
Облачной вышивкой рюши
Край обрамляют доли,
Плачут немые кликуши —
Люди не видят весны.
Ранней весны креп-жоржетка
Юбки — идёт по грязи,
Слёзы впитает салфетка
Муко-священной стези.
Ленты найдут исполины —
Ленты любви всем видны,
И возвестят серафимы
Священную паству весны!

СОТРИ СЛЕЗУ

Сотри слезу, вернись в молитву,
Укутай сердце в теплоту.
Открой душевную палитру
Каналу истин...доброту
Ты ощутишь прикосновеньем
Нежнейшим — божеской руки,
И ты поймёшь — благословенье
Его — хранит твои пути.

ИННОКЕНТИЙ МЕДВЕДЕВ

Родился в 1963 г. Два высших образования. Юрист. Мастер спорта по пауэрлифтингу. Генеральный директор охранного агентства.

Член Союза писателей XXI века; Международной Ассоциации Граждан Искусства (МАГИ) — Мадрид, Испания. Член правления российского отделения Всемирной Корпорации писателей (Нью-Йорк, США. World Wide Writers Corporation «WWWC»). Член Союза писателей-переводчиков Чеховского общества.

Лауреат различных международных премий. Автор пяти поэтических сборников. Эл. адрес: inua63@mail.ru. Проживает в г. Братске.

КАЮСЬ

Ты прости за слова, что тебе говорил!
Был с тобою я груб, понимаю.
Но твой ласковый взгляд сердце мне озарил:
И расцвёл в нем, как ландыши в мае.

Впредь не буду тебя никогда обижать
Не прощаю я только измены.
И тебя я готов на пороге встречать,
Дождаясь в судьбе перемены.

Быть с тобою хочу. Разве это не так?
За поступки свои уже каюсь.
Без тебя и с тобой на душе кавардак.
Может быть, и от этого маюсь.

Ты, такая как есть. Видеть я тебя рад,
И тебя больше я не обижу.
Подносила судьба мне немало преград,
Но с тобой своё счастье лишь вижу!

Я, конечно же эти преграды ломал,
Ради высшей, намеченной цели.
До тебя, ты поверь, этих чувств я не знал,-
И в разлуке они уцелели.

И теперь, когда наши дороги сошлись,
От судьбы убежать не стараюсь.
Быть с тобою хочу, оттого лечу ввысь,
Но по жизни, как все — спотыкаюсь.

Почему, не пойму, когда всё хорошо
Сам всё рушу, всё порчу, ломаю.
И тебе, и себе этим боль приношу
Для чего и зачем, я не знаю.

Слышит Бог, что сейчас я тебе говорю.
Что себе доказать я пытаюсь?..
Без тебя — о тебе эти строки творю,
А с тобой — от себя отрекаюсь.

КРИК ДУШИ

Я тебя нисколько не ругаю,
Не кляню — зачем всё это мне?
Я не тот, и ты совсем другая,
Да и жизнь как будто бы во сне.

Пыл любви давно мы исчерпали,
Я с другой... и ты давно с другим.
Мы тогда совсем не понимали,
Что любовь — костёр, зола и дым.

Губ холодных страстное желанье
И игра в любовь — лишь только бред.
Наша встреча — только пониманье,
Что не скажем мы друг другу: «Нет».

...Так ласкай меня, утешь мне душу.
Обо всём забудем в этот миг.
Думаю, конечно, будет лучше
Заглушить в груди протяжный крик.

Крик души, давно уж очерствелой,
Что давно в себе похоронил.
Опьяни игрой своею смелой,
Чтобы обо всём сейчас забыл.

Эх, зачем кричать, зачем скандалить?
Этим ведь себя не обретёшь.
Вижу впереди пустые дали,
И бежит от них по телу дрожь.

ЗА ДВЕРЬЮ САРАЯ

Быть может, любовью рискую,
Взгляд девчонки ловлю озорной.
Не её я целую — другую.
Да и та, что люблю, не со мной.

Знаю я, что любимая где-то
Без труда может мне изменить.
И боится — узнаю про это,
И не знает, что делать, как быть.

Что за риск без начала и края,
Что искал, всё равно не нашёл.
Этот рай, что за дверью сарая,
За которым сюда я пришёл.

Все узнают, расскажут об этом.
Снова ссора, скандал и разлад.
Разнесут эту новость по свету,
Да и то не про то, невпопад.

К ней приду, скажет мне: «Я скучала».
Взгляд наивный и очень простой.
Иль конец, или это начало —
Не стучи, мое сердце, постой!

МИГ СУДЬБЫ

Простите вы меня — я, как поручик Ржевский,
Увидел свою цель — пришёл и победил.
Я знаю, что я хам и что похабник дерзкий
И даме сердца своего не раз уж изменил.

Всё потому, что сам порою был обманут,
Но на судьбу обиду больше не таю.
И наслаждаться жизнью я не перестану,
Пока ещё живу, пока ещё люблю.

Вам нечего сказать? О, нет, прошу, молчите.
Я вижу, вы полны тревоги и обид.
Но вы всегда свою удачу берегите,
Обиды позабыв, отбросьте ложный стыд.

Улыбка вам к лицу, скрывать её не надо.
Не зря же вас Господь так щедро наградил.
И очертаньем губ блеснёт на ней помада,
Чтоб душу алый свет поэта озарил.

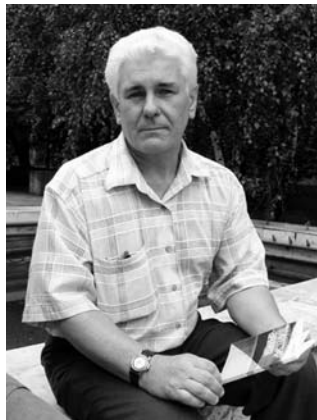
Хочу я вас понять без жизненных вопросов.
Хочу я с вами быть хоть день, хоть час, хоть миг.
На то, что я молчу, вы не смотрите косо,
Не выразить в словах души смятенной крик.

Так вышло, что всегда один по жизни маюсь,
Не скрою я от вас своих счастливых глаз.
Вновь на улыбку вашу я встречно улыбаюсь
И знаю: вы моя, да только лишь сейчас...

АХ ТЫ, ЖИЗНЬ

Ты пропой мне, птичка-канарейка,
Про мою бедовую судьбу!
Наудачу брошу я копейку,
Не спеша по саду побреду.

Сергей НОВИКОВ

Ростовский поэт. Имея высшее техническое образование, более 30 лет пишет стихи. В Витебске и Ростове-на-Дону вышли его книги «Праздники любви», «Частная жизнь», «День любви ночь любви», «И боль и страсть моей души».

ПРИМИРЕНИЕ

Ее неожиданный звонок сразу выбил меня из колеи. Я почувствовал, как в меня хлынул поток мальчишеского задора и глупой восторженности, как мое лицо, под маской повседневности и неудовлетворенности моего существования, обретает совершенный вид счастья.

Я никому ничего не сказал, просто положил трубку, не спеша оделся, сдерживая в себе дрожь нетерпения, и вышел...

О, этот транспорт! О, это движение разбитых автобусов по убитым дорогам! О, эти пробки и светофоры, даже уже и не в час пик!

Я трясся в грязном автобусе и вспоминал вчерашний день, раны от которого еще час назад кровоточили, а сейчас просто ныли и затягивались от ее тихого голоса, от ее просьбы — немедленно, если это возможно, приехать. От ее интонации, беспомощности с проявлением, как я понимал, чисто женской слабости...

Я ехал, уже остыв от возбуждения. Воспоминания вчерашнего дня накрыли меня с головой облаком боли и обиды. Ее вчерашний, эмоциональный взрыв, ничем не объяснимый, меня снова заставил собраться с мыслями и перестать мечтать. В памяти всплыли стихи написанные про нее, после когда-то почти такой же ссоры.

Да ты, я скажу, мастерица!
Художник! Ты — гений! Ты — маг!
Ты в жарких объятиях — львица,
В измене — ты яростный враг!

Ты — сгусток любви и печали!
Ты — высший исход этих лет!
Ты — взрыв не убивший вначале,
Но пеплом покрывший рассвет!

Она была совершенно невменяема! Я ее успокаивал, жалел, но все было напрасно, и я сам сорвался с тормозов. Мы наговорили друг другу такого, что у любого бы съехала крыша. Она ненавидела меня. Я ее презирал, но больше за то, что сам не сдержался от ее обидных и не заслуженных упреков. Но я ее любил, и мне было так больно, что легче было бы умереть, чем пережить тот вчерашний вечер снова.

Ты снов растревоженный улей,
Свободы — распятая суть!
Ты боль принесенная пулей
В давно утомленную грудь...

И вот она звонит. Голос — ангела. Просьба — слабого, побежденного...

Я бросил все, я никому не сказал ни слова. Я полетел к ней — моему ангелу, демону, моей царице с гибельным омутом черных глаз.

Но нет, не поставлена точка.
Я ранен, но я не убит.
Ты мне не жена и не дочка,
Бокал, что еще не испит...

Ты мне не рассветная свежесть,
Ты мне не закатная стынь.
Но ты — несказанная нежность,
Но ты в сладком меде — полынь...

Она открыла дверь сразу, отошла на два шага и прислонилась к стене спиной. И молча, совершенно молча, впила глазами в мои глаза.

Маленькая бестия с очень женственной, миниатюрной фигурой, в коротенькой маячке, лишь слегка прикрывающей пупок. Без лифчика, вся взбешенная, она смотрела на меня зверьком, но с таким ожиданием чего-то, что я кинулся к ней уже не сдерживая своих чувств, забыв про обиду и приготовленные в дороге слова.

Поцелуй прощения и любви лишь на мгновение обжог наши губы. Как удар тока пронзает насквозь человека, так и он пронзил меня... и чтобы не показать намернувшихся слез, я бросился в кладовку искать инструмент.

Это была победа, опять ее победа — странной и непредсказуемой, маленькой и совершенно незаурядной моей мучительницы. Но теперь уже и моего друга и моей самой, самой любимой дочери, не родной по крови, но по сути, по чувствам, по ответственности за ее судьбу, за ее женское счастье.

Почему это была победа не моя? Могу только, вздохнув, сказать — не знаю...

Мал золотник да дорог,
Истина эта проста.
Пахнут как свежий творог
Чувственные уста.

Очи блестят лукаво,
Черти там правят бал!..
Детская это забава —
Из снов раздувать скандал.

А я все никак не справлюсь
С этим волшебным сном.
Чувствую, что не нравлюсь,
Но кончится все добром.

Буду, как враг скандалить,
Буду, как раб юлить,
Только смогу заставить
Сердце твое любить!

Эти слова крутились в моей голове, когда я возвращался на работу, после того, как я надел соскочивший ремешок стиральной машины на шкив.

Через пять минут машина работала, а через десять, я был уже в пути с безумно радостным лицом и со шемящей надеждой, что все — прекрасно и все хорошее только начинается...

Ее мама — моя жена, которую я боготворю и люблю, участница всех этих событий, кроме тех, что произошли после звонка.

Два любимых человека. Две судьбы, две надежды, две любви сошлись на мне, как два нерукотворных луча.

И если один — согривал, то другой — ослеплял! Я благодарен судьбе за то, что они украсили мою жизнь сладостью страсти и ароматом утренней розы. И я, думаю, не надо объяснять, кто здесь кто...

ЖИЗНЬ КАК СКАЗКА

Я смотрю на море, и меня переполняет любовь. О, как я люблю тебя, Машенька! Если б не ты, я давно бы уже растворился в этом мире каплей твоей слезы и своего отчаяния. Я любил тебя с пеленок и никогда не мог даже предположить, что ты будешь матерью моего сына. Ты для меня — все!

Благодаря тебе я чувствую себя капитаном корабля попавшего в шторм. Стоя на мостике, я знаю, как действовать, чтобы привести судно в гавань, где меня ждут и молятся за меня.

Когда ты расцвела розой в тринадцать лет, ты уже тогда покорила многие сердца своей красотой, чувственной, нежной и удивительной душой. Ты еще тогда зародила во мне чувство ревности и беспокойства, любви и заботы. Но это была еще не та любовь и не та ревность, которые мне предстояло испытать в скором будущем.

Тебе открывался мир любви и тайных грез, мир не испытанных страстей и иллюзий. Тебя окружали молодые люди, готовые за один твой взгляд лежать у твоих ног.

Время делало свое дело и, через пять лет, ты была не зеленым листочком, а прекрасной розой, будущее сияло звездами в твоих глазах. Ты превратилась в настоящую русскую красавицу. Я любовался тобой и влюблялся все сильнее и сильнее. Это чувство меня пугало и возвышало, дарило бессонницу и боль в сердце по утрам, ведь я не мог даже мечтать о тебе. Слишком большая могла быть цена за мою любовь.

Ты часто приходила ко мне поделиться своими проблемами, впечатлениями или просто посоветоваться со мной. Наши встречи давали мне повод для еще большей заботы. Я старался быть беспристрастным и мудрым, а становился легкомысленным. Я переживал, но сделать с собой ничего не мог.

Однажды ты пришла со слезами на глазах. Я перепугался, сразу подумал, что тебя кто-то обидел. Но ты успокоила меня, сказав

с грустной улыбкой, что у тебя просто на душе тоска. Милая моя девочка, как я тебя понимал! Я как мог тебя успокаивал, приводил в пример себя, врал безбожно, и ты — улыбнулась. Я обнял тебя, а ты снова заплакала...

Потом у меня было помутнение рассудка. Говорил уже не я. Весь мир перевернулся. Ты плакала, ты что-то мне говорила, ты целовала меня в щеки, в губы, ты признавалась мне в любви! О, боже, какое это испытание! И я, каюсь, не выдержал его...

Подхватив тебя на руки, я прижал тебя к себе, сжимая все сильней и сильней, пока ты не затихла на моих руках, обняв меня за шею. Я поцеловал тебя в благодарность за твое признание в соленные от слез губы, а ты не дала мне их оторвать от своих...

Я знаю, что говорю. Я знаю, что пишу. Но почему случаются невероятные вещи, я — не знаю. Описать все то, что случилось, заставляет меня только любовь к сыну. Он должен знать, почему он появился на свет, какая ошеломляющая история любви была у его матери и отца. Он плод невероятной любви! И я его заклинаю: «Люби, люби! И ты будешь любим».

Прохладная осенняя свежесть овеивает мое лицо. Я смотрю на темное море и не могу сдержать улыбку. Ах, море! Я сам — океан, нет я — целый мир, я — вселенная!

Море, море я не могу долго быть с тобой в одиночестве, меня ждут дома!

Татьяна ПОШИБАЙЛО

Родом из Пензенской области. Закончила Ростовский государственный университет (факультет биологии). Стихи и статьи в свое время печатались в газете «Пионерская правда», в периодической печати Ростова.

Живет в Ростове-на-Дону.

РОЗА МИРА

Это произошло неожиданно. Планета, терзаемая несколько лет ужасными катаклизмами, вдруг затихла. Вся пропитанная кровью, словно красным вином, она тихо спала. Казалось, ощущалось даже ее ровное дыхание выздоравливающего организма — в шелесте ветра, в тихом прибое, ворковании голубей, этих неизменных спутников жизни...

Люся открыла глаза и сладко потянулась. Показавшееся из-за горизонта солнце было мягко-желтым, а не багрово-пепельным, как в последние недели. Все это время Люся и не помнила о том, что оно существует — это солнце. Сейчас же хотелось петь и смеяться.

«Как мало надо, в принципе, человеку, чтобы забыть о грузе безнадежного безразличия — только лучи ласкового солнца!» — подумала она, отряхивая с себя кусочки влажно-мягкого мха, который был в эту ночь для нее постелью.

Вокруг деловито шныряли тысячи муравьев, но странно, они не кусали ее, оставляя за девушкой право на личную территорию. Люсе очень хотелось пить. Она потянулась рукой к зарослям малины. Сладкие крупные ягоды приятно освежили и насытили. Последнее время ей хватало малого, но энергия жизни не убавлялась, а начинала бурлить в области сердца, распространяясь и захватывая каждый атом ее тела. Планов никаких не было, но это нисколько и не волновало, в душе поселилась предрешенная уверенность в благополучном исходе. Каком — непонятно, но самом лучшем в создавшейся ситуации.

Казалось, прошла целая эпоха, но миновал всего-навсего 61 день. 61 день боли, страха, голода, смертей и безвестности. XXI столетие сразу ознаменовало свой приход беспокойной обстановкой — в политике, экономике, но больше всего разгулялась природа, которая уже была похожа не на взбалмошного ребенка-капризулю, а на распоясавшегося маньяка-потрошителя. Всякого рода прорицатели-оракулы предсказывали конец света чуть ли не каждый год. Обыватели в конце концов перестали на это обращать внимание. Жизнь — мелочная, суетная, материальная — продолжалась: периодически падали самолеты, сходили с рельсов поезда, родители убивали своих детей, дети родителей, грабили, насиловали, ну это, впрочем, как всегда.

Утро Х ничем не отличалось от сотен других. Прошел майский теплый дождь, оставлявший дорожки на стекле после многодневного пыльного ветра. Вкусно пахло землицей и озоном. Мать, возившаяся во дворе, вдруг закричала — не страшно, не безнадежно, а как-то недоуменно-удивленно. Люська выскочила во двор и увидела громадную расплзающуюся прожилками трещину — мать медленно оседала в нее. Люська завопила, схватила ее за руку, вытащила и, отбежав, они вместе наблюдали, как трещина с методичностью конвейера поглощала все движимое и недвижимое вокруг: страшно лая и завывая, провалилась соседская собака, падали части изгороди, и вот дом, недавно отремонтированный, блестя ондулином, страшно треща, медленно погрузился в жерло ненавистной земляной твари.

Все затихло вмиг, казалось, что земля, проглотив лакомый кусочек, насытилась, ощерив в оскале рваные губы-края, только испуганный воробей о чем-то истошно чирикал, сидя на лапе чудом уцелевшей голубой ели. Мать задумчиво смотрела на сползавшее имущество, потом махнула рукой и пошла прочь, решительно ступая по стонущей ненадежной тверди. Люсьена побежала за ней. Мать подошла к елке, на уцелевшем островке из хвои примостилась их кошка Фрося: она рожала, котятки вылетали практически со скоростью пули.

Мать считала: «Один, два, три, четыре... семь... Ты что, с перепугу? Фрося, кончай рожать».

Кошка остановилась на девятом. Мать собрала слепые комочки в подол, подумав, взяла кошку за шкуру и, подойдя к бездне, бросила туда всю кошачью семью. Старая кошка цеплялась за

край трещины, мать подталкивала ее носком, сквозь слезы приговаривая: «Тебе же лучше, дуреха, будет!»

— Мама, что это? — подала голос Люся.

— А это, доня моя, полный пипец, а может, даже и больше.

Мать сердито пнула ногой осколок стекла — он разлетелся огненными брызгами.

— Может, удастся найти укромное тихое место? Подождем там Алевтину, должна она на родину подтянуться, а потом пойдем, поедем, поползем в Сибирь, далеко за Урал — там единственное место, нетрунотое.

— Откуда знаешь?

— От верблюда... Книжки надо читать, — огрызнулась мать.

Началась борьба за выживание. Соорудили шалаш на берегу Дона — смыло невесть откуда взявшейся волной. Река как бы разделилась надвое — в середине поднялся ребристый кряж. Его, так сказать, спина напоминала хребет динозавра. Последний сохранный скарб был положен в жертву чудищу кряжу. У них не осталось ничего: какие-то лохмотья на теле, благо, кутаться было совсем ни к чему — Земля напоминала раскаленную сковороду по причине лета и непрекращающихся пожаров.

Люська и не знала, что можно жить и так — без ничего. И, что интересно, это на качество теперешней жизни кардинально не влияло. Важны были лишь два параметра: удалось ли найти еды и наподавали или нет в процессе ее добывания. Более-менее сносная еда или была уже разобрана из-под обломков магазинов, или испортилась и страшно воняла. Везде бегали своры ополоумевших собак, и становилось страшно от одной мысли от их предпочтений в питании на ближайшее время.

Большинство людей тоже стало напоминать стаю животных. Только не агрессивных и живучих, а загнанных и потерянных. Они ходили, нет, не ходили, а передвигались небольшими группами с такой безнадегой в глазах, что и не снилась смертникам на электрическом стуле. Естественно, морально-этические нормы, которые хоть как-то соблюдались в относительно благополучное время, были полностью попорчены и забыты. Возникал большой вопрос: кто страшнее — люди или голодные собаки? Мать рассказывала, что она встретила на помойке одно бывшее высокопоставленное лицо, обликом очень смутно напоминавшее того холеного сноба, который часто вещал со многих трибун о человечности и

духовном возрождении, о трудностях и препонах на этом пути, о благородстве и готовности на жертвы. Так вот, это лицо опустилось буквально в считанные дни и, если остальные люди пытались хоть как-то поддерживать человеческий облик, то чиновник походил на трусливого шакала, готового на покровительство от последнего бомжа.

Бомжи, кстати, оказались более подготовленными к новым условиям. Мать видела, как этот мужчик, отчаянно скуля и завывая, отбирал у беременной женщины какую-то незначительную вещь, причитая: «Да мне положено». И как сразу убежал, нет, уполз, увидев приближающегося мужчину.

Мать «надыбала», как она выразилась, чудом сохранившийся оазис под мегаполисом — с небольшим сохранившимся искусственным прудом. Там плавали жирные карпы. Они соорудили себе лежбище прямо на берегу, ловили рыбу руками, жарили на угольках, недостатка в которых не было, и практически наслаждались жизнью — недолго, правда, ибо налетела в одночасье орда оборванных стариков и старух, а может, и молодых — кто сейчас по внешнему виду их разберет. Мать пробовала защитить территорию. По счастью, отделались двумя фингалом — у каждой под левым глазом — и укушенным ухом у матери. Вернулись на родное пепелище: глядь-поглядь, а там Алевтинка сидит, рыдает, и муж ее рядом, но не рыдает.

Мать бросилась к ней:

— Донюшка, живая.

Донюшка ревела очень долго, судорожно заглатывая слезы и сопли, вспоминая о перипетиях путешествия к родному очагу. Мать плакала вместе с ней, гладила по голове, причитая:

— Я знала, знала, что ты придешь, солнышко мое.

Ничего больше не держало в городе, поэтому пошли. Даже показалось, что повезло — попали на чудом уцелевший поезд, который медленно, но повез по случайно неповрежденным рельсам. Люди, набитые как сельди в бочке, в основном молчали, разговаривали только по какой-нибудь чрезвычайной необходимости. В вагонах стояла зловонно-приторная тишина, пропитанная запахом гноя, пота, испражнений. За минуту до случившегося воздух вообще замер — ни дуновения, ни даже шепота. Потом толчок и темнота.

Люся очнулась от тормозящих рук старшей сестры. Пошли искать мать, пересмотрели практически каждый труп, перелопатили кучу обломков задрипанного паровоза. Мать как испарилась. Алевтина устало говорила:

— На нее это похоже — вечно со своими закидонами.

Люське казалось, что потеряна опора под ногами и разверзлось небо над головой. Что делать дальше? Как поступать? Решили все-таки идти. Куда? Вперед. Шли долго и упорно, потеряв счет дням, событиям и ощущениям реальности. Алька все время хотела кушать, и не просто кушать, а жрать. Она ела все подряд, что попадалось на пути — кору, жуков, сомнительные ягоды, а потом нашла какие-то красненькие грибочки, наелась и тихо заснула. Разбудить ее не удавалось. Потом она вообще перестала дышать.

Люська с зятем пошли вдвоем. Тот совсем захандрил. Все время плакал, спотыкался и норовил прилечь. В очередной раз споткнулся о медвежий капкан. Люська предлагала отрезать скованные капканом пальцы левой ноги зазубренным старым ножом. Но куда там! Отказался наотрез. С заржавевшим механизмом справиться не было никакой возможности. Димка волочил, волочил ногу, она вспухла и почернела. А потом идти совершенно не смог и затих в одночасье под раскидистой сосной. Люська пошла одна, с упорством идиотки она цеплялась за эту жизнь, помня завет матери и ради ее памяти — надо дойти до Сибири. Странно, но ее обходили хвори, дикие звери и ненастья, казалось, что природа оберегает ее.

И вот оно настало — сегодняшнее утро, полное солнечных бликов и мира. Люся поняла: все хорошо. Она бежала, хохоча и подпрыгивая. Сколько лет она мечтала похудеть, сидела на диетах, а сейчас — прямо топ-модель, жаль, никто не видит.

«А может, никогда и никто уж не увидит, не будет никогда больше людей на Земле?» На минуту ее накрыл ужас полнейшего одиночества. Люська вспомнила Скарлетт О’Хару, которая всегда говорила во время душевных страданий и катаклизмов: «Об этом я подумаю завтра». И решила думать обо всем потом. При этом природа не создавала ощущения полнейшей изолированности. Девушка была частицей чего-то большого, цельного, маленькой, но важной скрипкой в громадном оркестре жизни.

Люся шла довольно долго — неделю, может, чуть больше. Спала на мхе, умывалась в попадающихся на пути неглубоких озерцах, пела с соловьями. Выйдя на опушку леса, она не поверила своим

глазам: внизу у дерева копошились люди — женщины и мужчины, совершенно нагие. Люся, переполненная счастьем, побежала вниз по пригорку, ей казалось, что у нее выросли крылья и она воспарила над землей, подгоняемая ласковыми лучами солнца. Люди молчали и смотрели с доброжелательной улыбкой на иконописных лицах. Приблизившись, девушка с восторгом увидела свою мать, внимательно рассматривающую какой-то предмет. Женщина посмотрела на Люсю, улыбнулась и опять уткнулась в небольшую потрепанную книжицу.

— Мама, мама!

Женщина, было видно, не понимала этого слова. Люди обступили Люсю и стали, как дети в детском саду из ясельной группы, трогать ее за нос, перебирать лохмотья на ее поджаром теле и пытаться взять ее за руку.

Плача, ничего не понимая, Люська обернулась и увидела приближающегося к ней человека со светлым, строгим лицом в пурпурных одеждах. Казалось, он не шел, а плыл по воздуху. Взял ее за руку, и они пошли. Недалеко на светлой поляне сидели еще три человека — двое мужчин и женщина. Они смотрели на приближающихся и светло улыбались. Незнакомец жестом предложил Люсе сесть и начал свой рассказ без слов. Мысли легко вливались в девушку, успокаивая мелодичностью и смыслом:

«Случилось то, что должно было случиться. Люди Земли погрязли в грехах, обнищали духом. Пришло очищение — очищение от скверны и возрождение человечества в виде единой новой расы. Подготовка к этому началась давно, но временами казалось, что можно обойтись без обновления, что люди поняли свои ошибки. Но нет, падение в пропасть начиналось с новой страшной силой. Высшим Вселенским разумом, который един и не делится ни на какие религии, было принято окончательное решение. Рассматривалась каждая кандидатура землян. Увы, оказалось очень мало пригодных для высшей цели. В расчет шли только духовные качества и перспективы развития, связи, деньги и слава земная, рассыпались в прах. Были выбраны пять человек, которые создадут так называемую Розу Мира. Все они представляют определенную мировую религию: христианство, ислам, буддизм, а также иудаизм и конфуцианство. Им сохранена память и ощущение реальности. Они — так называемые вожди и учителя. Как ты понимаешь, это мы. В прежней жизни, скорее всего, мы ничем не выделялись,

может, нас считали чужаками, мы не были священниками и служителями культа. Также отобраны люди, которые изначально имели высокий духовный потенциал, но не использовали его, погрязнув в мелочной суетности и тщеславии. Этих людей 777. Они разбросаны по всему свету, наша задача собрать их и научить заново всему. Ибо сейчас они — как дети, память у них стерта полностью. Ты можешь удивиться, ведь ты не была христианкой, истинно верующей. Но параметры веры были придуманы самими людьми. И Высший разум решил, что именно ты обладаешь теми качествами, которые помогут обновить Землю».

Люська заворуженно слушала, и постепенно из души улечивались сомнения, страхи и угрызения — нечто великое и необыкновенное вставало перед ней.

Она проснулась от резкого звука будильника и от грохота за окном — шла майская гроза.

— Вот погода-то разбушевалась, прямо конец света, — сказала мать, зайдя в ее комнату.

Юрий САВЧЕНКО

Родился в 1936 г. на ст. Нырково Луганской обл. Учился на вечернем отделении филфака в Башкирском госуниверситете. Работал в газете «Ташаузская правда» (Туркмения) корреспондентом. В Семикаракорске (Ростовской область) редактировал газеты «Духовное возрождение», «Казак», «Казачий Дон», «Станица».

Выпустил 3 книги стихов, две книги очерков под общим названием «Семикаракорцы: летопись в лицах», энциклопедический словарь-справочник района «Семикаракорск». Публиковал стихи и рассказы в областных газетах «Молот» «Донская околица», журналах «Дон», «Новая литература», «Истоки», в электронном приложении к журналу «Истоки» — «Литкультпривет», альманахах «Новый Енисейский литератор», «Литературная губерния», «Свой вариант».

Член Союза журналистов России.

«ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ»

Бабушка Тимошки была религиозным человеком. Звали её Прасковьей Ивановной Кургановой (в девичестве), родилась в Украине. В замужестве она стала Шаповаленко. Эта фамилия смешала Тимоху и он частенько подшучивал над бабушкой. Поставит, бывало, валенки посреди горницы, наверх водрузит шапку и , смеясь, указывает рукой, мол, вот ваша фамилия, бабушка. Она, подыгрывая внуку, тоже хохочет. Родилась бабушка Паша в тот же год, что и Сергей Есенин. Прожила в три раза дольше него — без трёх месяцев сто лет. И не написала ни одного стихотворения. А вот Анну Снегину знала наизусть. Любила она стихи Сергея.

К вере у бабушки Паши было трепетное отношение. Молилась она три раза в день в праздники и будни: утром, в обед и вечером. Едва проснувшись, спешила умыться и — к молитве. Покроет голову белым платочком, концы под подбородком легонько подвяжет, станет в красный угол, в котором на особой подставке возвышается аккуратное резное изваяние,- наследственная семейная святыня (возраст древний). Она величает её Богом неба, Сварогом. Молилась бабушка не крестясь, шепчет , бывало молитву и кланяется, никогда не становясь на колени. В молитвах она упоминала и других Богов: Рода, Велеса, Перуна, Триглава, Свентовита, Ладу, Макошь... Их много.

Почитала ещё бабушка, как святыню, в ряду других праздничных дней — «чистый четверг» и соблюдала ежегодный утренний

ритуал омовения, положенный этому дню. (Но это отнюдь не значит, что она купалась лишь раз в году). Не миновала «чаша сия» и Тимофея, пока он был безоговорочно подчинён бабушкиным правилам.

Что это означало, Тимофей не знал. «Так надо» — говорила бабушка. И он подчинялся. А когда подрос, стал пионером, комсомольцем, — начал посмеиваться над бабушкиными Богами и не вспоминал о «чистом четверге». Хотя купаться любил. Бабушка, видя бесполезность своих усилий (школа приобщала к другим ценностям), смирилась с безбожием юного «протестанта», неуклонно продолжая следовать давней своей религиозной традиции. Тимофей закончил семилетку, железнодорожное училище, стал работать слесарем паровозного депо. Он был длинный, как жердь, и такой же тощий, как жердь. После училища, однокашников его, у кого были влиятельные покровители, разместили в депо по «тёплым местам»: в арматурный цех, в прессмаслёночный, на стокеры, в группу кривошипно-кулисных механизмов, а «ничейного» шестнадцатилетнего Тимофея загнали в канаву под тендер на ремонт его тормозной системы, где тормозные колодки были весом до двух пудов каждая... Этот факт к «чистому четвергу» прямого отношения не имеет. Но как-то показать условия и среду, в которых обитал Тимофей, хоть лаконичными штрихами, думаю, надо.

Наш герой постоянно жил вместе с матерью на станции Суходол в бараке, у самого леса, чудом сохранившемся после сплошных разрушений войны. Работал в другом городе. Восемнадцать километров к месту работы и столько же домой он проезжал на пригородном поезде, который у местных жителей назывался «Трудовой» или «Рабочий». Такие названия укоренились потому, что почти все шесть вагонов его заполняли рабочие из крестьянских семей, живущих в окрестных деревнях и сёлах, и ехали в районный центр, кто в паровозное депо, кто на вагоноремонтный завод. Работал Тимофей в три смены.

Однажды, приехав с ночной, только спустился из тамбура на землю, встретила тётя Валя, чего прежде никогда не бывало, кругленькая, маленькая, морщинистая женщина, лет на десять старше матери Тимофея, подруга её и соседка по бараку. То есть, жили в одном здании в разных подъездах: тётя Валя с дочкой семиклассницей Валею с восточной (ближе к станции), а Тимофей с матерью — с западной стороны (к лесу). Почти каждый вечер

тётя Валя гостила у матери Тимофея. Они обе были безмужними солдатками (мужья погибли на фронте). Утешали друг друга гаданием: тётя Валя на «бобах» (фасоль), а мать Тимофея на игральных картах. Иной раз что-то выпадет им смешное — они хохочут, иной раз наоборот — обе шмыгают носами и трут кулаками глаза. «Вчера тоже у них тётя Валя была вечером — вспомнил Тимофей — зачем я ей сейчас понадобился?»

— Тимоша, — сказала она, глядя ему в глаза, — сегодня «чистый четверг», у нас на печке стоит выварка горячей воды, в вёдрах — холодная, а рядом — большое корыто и ковшик. Вот тебе ключ от квартиры, иди, закройся и выкупайся. Сказав это, пошла вдоль вагонов. Тимофей не успел ничего спросить. И вопросы не вдруг возникли. Но слова: «чистый четверг», дремавшие в памяти с детских времён, посеянные бабушкой Пашей, вдруг взошли и обрели магическую силу. Вспомнились бабушкины молитвы перед резным изваянием образа Сварога... Таинственный шепот бабушки в белом платочке, истово кланяющейся древней святыне. До барака было — подать рукой. Вот уже ключ в замочной скважине. Дверь распахнута и первое, что видит Тимка — на кровати под белой простынёй, обожаемая им семиклассница Валя. Тимофей мельком увидел выварку с горячей водой на печке, корыто на полу близко у кровати... Но не это заинтересовало парня. Его примагнитила скульптурная фигура девушки, под облегающей тонкой тканью. С замиранием сердца приблизился он к постели, взял угол чуть свисающей простыни у ног и тихонечко стал приподнимать её, глотая набегавшую слюну. Приоткрыв сокровище, он зачарованно замер перед ним, как перед шедевром искусства. Фигурка красавицы покоилась вытянувшись в постели полубоком, чуть отклонённая на спину, лицом к Тимофею, но прикрытым простынёй.

В волнении, наслаждаясь видом спящего божества красоты, Тимофей подумал: «Как же тётя Валя не сообразила, чем может закончиться для её дочки этот «чистый четверг?.. А может, она рассчитывает на мою порядочность и слишком доверяет как сыну подруги?»... Раздумывая, Тимофей стоял с приподнятой простынёй перед юной прелестницей, как язычник перед святилищем. (Время исчислялось секундами).

Валя, пребывая во сне, повернулась на спину и слегка раскинулась, Юное тело её дышало жадной любви, грудь заметно волновалась, шевеля простынь, но лицо оставалось накрытым.

Мысль Тимофея работала в форсажном режиме. Первоначальный приступ соблазна сменился ощущением тревоги. На память пришёл один эпизод месячной давности...

Был солнечный день, как говорят немцы, а по-нашему — воскресенье... Сиял ярким светом и радостью солнечный апрельский день. Птицы устроили шумную, многоголосую спевку. Лес обрёл два дивных цвета: кусты и деревья — ярко зеленели, а земля под ними, как небо, дышала синевой, утопая в половодье подснежников. Тимофей после чая, сидел у окна и перелистывал книгу. По потолку пробежала быстрая тень. Он выглянул в окошко, и увидел удаляющуюся в сторону леса Валю с книжкой в руке. У неё приближались выпускные экзамены (школа была семилетка). Тимофей отложил книжку и поспешил следом, изловчившись быть незамеченным. Валя держала его на невидимом поводке, сама о том не подозревая.

За брошенной баней была глухая тропинка, спускавшаяся в лесистую низину. По ней и направилась Валя в лес. Хотя значительно ближе, не доходя до бани, начинался хорошо утоптаный свежий спуск в ту же сторону. Русые волосы девушки, заплетённые в две косы, свободно свисая на спину, поблескивали на солнце. Лёгкое весеннее пальто её почти сливалось с синим фоном, украшенной подснежниками земли. Только быстрые ножки, затянутые в светлые гольфы да дразнящий лёгкий стук таких же светлых каблучков, слегка нарушали цветовую гармонию. Тимофей, крадучись, следовал осторонь. Когда Валя спустилась на небольшую поляну, сплошь устланную синими цветами, и живописно обрамлённую полыхающими зеленым пламенем свежей листвы кустами, там встретил её мужчина в зелёном плаще, будто в маскхалате. По блеснувшему в повороте его головы очкам Тимофей узнал в нём директора школы Нескромного. «Сердце юноши забилось трепетно...» То, что увидел он, не поверил своим глазам. А директор, не подозревая о соглядатае, продолжал своё...он, сбросил на подснежники свой плащ и, откинув взятую из рук Вали книжку, стал расстёгивать её пальто...

Тимофей принудил себя быстрее удалиться, чтобы не видеть происходящего...

Теперь эта картина снова возникла перед его глазами отчётливо и болезненно... и прояснила ситуацию: Тимофей видит, как директор школы Нескромный целует Валю и расстёгивает её пальто...

«Так вот почему тётя Валя так беспечно доверила ему в «чистый четверг» свою обнаженную дочь!» Они, дочь и мать, в сговоре... решили наградить его, молодого и доверчивого Тимофея, чужим ребёнком. Поняв это, Тимофей аккуратно опустил простынь, накрыв ноги порочной красавицы. Подошёл к изголовью, приподняв угол простыни, накрывавшей лицо, поцеловал Валу в губы. Она открыла обворожительные длинные глаза, в которых трепетал призыв, лёгкая улыбка тронула её чуть припухшие яркие губы. Тимофей отвернулся и моча вышел. Он любил её.

Эпилог

Дома Тимофей о «чистом четверге» у тёти Вали не обмолвился, чтобы не поссорить двух ворожеек, и не разрушить приятельское содружество, которое как-то скрашивало их одинокую жизнь. Мать ничего не знала. Тётя Валя долго в гостях со своими «бобами» не появлялась. Юной проказнице «народные умельцы» тайком прервали развитие плода. Валя осталась жива, но никогда не смогла стать матерью.

Уже служа в армии, Тимофей в одном из писем из дома, можно сказать, с особой радостью прочитал следующую новость. Мать своим круглым почерком сообщала: «Недавно выездной показательный суд по совокупности статей, в одной из которых были слова: «за растление малолетних», бывшему директору школы Нескромному припаял пятнадцать лет заключения с отбыванием в колонии усиленного режима». Как говорят: сколько клубочку не крутиться — конец ниточке будет. Долго он безнаказанно пасся в девичьем цветнике, как козёл в капусте. А выдал его невероятный случай.

На выпускных экзаменах в седьмом классе одна смазливая девочка, вытянув билет, прочитала вопросы и прямо перед экзаменационной комиссией упала в обморок. Вызвали врача. Он осмотрел её и обнаружил выкидыш. Разразился дикий скандал. Мгновенно эта чудовищная весть разнеслась по станции и прилегающему посёлку. Прибыли следователи прокуратуры. Осмелели ранее помалкивавшие родители пострадавших от преступных действий директора, девочек. Прежде родители опасались заявлять на Нескромного, который был секретарём партийной организации не только школы, но и станции. С него бы такая жалоба скатилась,

как с гуся вода, а детям — позор. Но теперь крыть развратнику было нечем. Очевидный факт — упрямая вещь. Подлым деянием его пришёл конец.

После суда, в приватном общении, судья сказала, что детей развращают чаще всего приставленные к ним люди, сами воспитатели: учителя, пионервожатые, спортивные тренеры ДЮСШ, работники культуры в детских секциях — именно те категории граждан, которые по долгу службы должны заботиться о сохранении нравственного здоровья у молодого поколения. Безусловно, не все, а самые безответственные из них.

Тимофей, возвратившись из армии, принялся серьёзно изучать историю зарождения христианства на Руси. Не прошёл мимо его внимания и «чистый четверг». Он понял, что бабушка Паша ошибалась, считая его событием, относящимся к почитанию Сварога. Рассказал бабушке, что в православии этот день называется «Великий четверг» и относится к Страстной седмице, он — последний четверг перед Пасхой. Великим этот четверг называют потому, что он является днём установления Евхаристии — самого главного церковного Таинства. А начало своё берёт в Тайной Вечере Иисуса Христа со своими учениками. Тайная Вечеря происходила накануне его распятия. Он сказал ученикам: «Дети Мои, уже недолго Я останусь с вами. Заповедь новую даю вам: любите друг друга, как Я люблю вас». (Тимофей повторил слова священника).

Бабушка смотрела на внука светло-голубыми глазами с прищуром недоверия, иронично покачивая головой. Промолчала. Но от древней традиции не отступилась. Она увлекла своей верой правнучку, дочь Тимофея — Ярославу. И настолько серьёзно, что никакие попытки повлиять на собственное чадо, отца к успеху не привели. Умирая, бабушка завещала скульптуру Сварога своей любимой правнучке. «Надо свято хранить свои исконные корни — сказала она, — славянские Боги — это наши прародители».

ПРЕРВАННАЯ МОЛИТВА

Иван Довбня, предок нашего героя, был безбожник и человек рискованный: промышлял разбоем. Грабил купцов, выходя с кистенём на дорогу. Однажды ему не повезло. У седока оказался пистолет. Убитого грабителя похоронили и забыли о нём. Но пришла новая власть. Вспомнила. Взгромодила памятник, как герою револю-

ции. На обелиске написали: «Здесь покоится тело борца за счастье народное».

...Вся наша история столь справедлива в фиксации фактов и оценок событий... Но не о том речь. Сын этого «революционера и борца» — тоже Иван Довбня, и тоже — безбожник, в сражениях Великой Отечественной погиб за Родину. Внук, Иван Довбня, воевал по примеру отца. Под Харьковом в числе большой группы солдат попал в плен. Очень переживал случившееся. Выросший безбожником, он вдруг пробудил в себе религиозные чувства. Принялся сам творить молитву, обращённую к Богу, которого раньше не знал. Изловчился сбежать с этапа, полагая, что это удалось благодаря промыслу Божьему. Стал ещё прилежнее молиться и просить Всевышнего, чтобы он спас его от гибели, и поклялся до конца дней своих посвятить себя служению Богу, если он сохранит ему жизнь: «Дорогой Господь! Я благодарю Тебя за то, что Ты спас меня из неволи постыдного плена...» — так начиналась эта молитва.

Кончилась война. Иван Довбня живой и невредимый, правда, без орденов и медалей, возвратился в свой родной хутор Воропаи. Он любил это красивейшее место на Сумщине. Ему нравилось расположение хат на возвышенностях, которые плавно спускались огородами и садами с двух сторон к берегам узкого длинного пруда. Местные жители почему-то называли его Долгим озером. По южной стороне его, вдоль живописного ряда плакучих ив, среди обильных трав бежала романтическая тропинка. Протоптали её ноги птичников и овчаров, торопящиеся утрами на фермы, прикорнувшие за околицей, на отшибе.

Клятву свою, данную Богу в тяжёлые минуты жизни, Иван не забыл.

С сокрушённым сердцем обошёл большую трёхпрестольную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы со стороны апсиды и северного придела «Петра и Павла», наглухо оплетённую извивистыми лозами дикого винограда. Она вызывала скорбные чувства в своём запустении. На центральной двери тяжело свешивались два огромных замка, покрытых ржавчиной. Поэтому Иван приладился ходить на молитву по красивой тропинке к озеру. Держит, бывало, в руках верёвку, привязанную к рогам чёрной, как ночь, козы Гальки и ведёт её припасывать под ивы (мать лечила желудок козьим молоком). Припнёт животину среди травяного

изобилия, Галька пасётся, а он, прислонившись к стволу дерева за ракушковым кустом, тихо читает вслух сотворённую во время бегства из плена молитву. Хотя давно уже наступил мир, и страна залечивает раны. К прежней молитве, правда, Иван прибавлял и новые слова...

Работал Довбня на ферме. Женился. Пошли дети. Уже было пятеро. И вот узнал он, что в селе появился проповедник. Разыскал старика-пришельца, который назвал себя пресвитером. Очень понравился он Ивану своим безбородым, но добрым лицом и глубокой набожностью. Много знал Сидор Митрофанович из Писания. Говорил, что его вера — чисто Иисусова, а Иисус — Сын Бога живого. Он же — Сидор Митрофанович — пресвитер церкви Евангельских Христиан Баптистов.

Вскоре вместе с пресвитером собрал Иван дюжину старушек и двух дряхлых стариков, и стали по воскресным дням читать Евангелие. А в перерывах между чтением — петь псалмы под гитару, на которой побренькивал сам Иван Довбня. Собрания проходили в хате Ивана, осторожно, с оглядкой, как бы крадучись. На них всегда присутствовала вся семья хозяина, который вскоре, по своему прилежанию, глубокой вере, а ещё по слабости здоровья Сидора Митрофановича, приходившего к ним из другого села, занял его место пресвитера — руководителя церкви. Властями такие сборища не одобрялись. А у Ивана была жажда каждый день молиться. К этому времени он уже Иисусову молитву — «Отче наш» — на зубок выучил. Но не забывал и свою, которую сотворил во время бегства из плена. И даже чаще её повторял в памяти, а когда молился на берегу Долгого озера, (это происходило каждый вечер), проговаривал её вслух, глядя очарованными глазами на звёздное небо. Казалось, что в такие минуты он видит самого Бога и ведёт с ним беседу. Он говорил ему сокровенные, идущие из самой глубины души, слова благодарности:

— Дорогой Господь! Я благодарю Тебя за то, что Ты спас меня из неволи постыдного плена. Я благодарю Тебя за то, что Ты сохранил мне жизнь в этом адском кипении смертоносного огня войны. Я благодарю Тебя за то, что Ты дал мне любимую жену, совместно с которой мы народили и взлелеяли наших прекрасных деток. Я благодарю Тебя за то, что ты оберегаешь меня и всю мою семью от пагубных недугов. К прежней молитве добавил ещё несколько слов благодарности: «Спасибо тебе, Господь, что ты помог мне обрести

Церковь Христову и стать пресвитером её. Я благодарю Тебя за то, что Ты даруешь мне счастье совместно с братьями и сёстрами по вере молиться тебе, а в пении псалмов прославлять любовь, могущество, мудрость Твою. За Твою доброту я с благоговением и благодарностью буду молиться до скончания своего века».

Самым удобным местом для молитвы и выпаса козы, из-за обилия травы, Иван избрал небольшую излучину, слегка вторгающуюся в водную гладь одним краем и образующую сужение озера. Напротив этой излучины жила старая Кузнечиха: так её прозывали из-за мужа кузнеца. Вот где был редкий феномен — сочетание несочетаемого! Дед Игнат, муж Кузнечихи, был совершенно белый волосами, лицом и тщательно отстиранной рабочей одеждой. Казалось, Кузнечиха содержит его в стерильном виде. Но сама всегда ходила в одеждах грязных с лицом тёмным, перепачканным сажей. На её голове шалашиком держался клетчатый платок, концы которого завязывались на макушке, по цвету под стать чёрной шляпе лондонского трубочиста. Платье, которое предназначалось украшать её, имело все признаки цыганского покроя — многоступенчатое (махровое) и тоже жаждущее воды и мыла. Казалось, что у кузнечного горна изо дня в день выстукивает огненные поковки молотком не дед Игнат, а чумазая Соломея Кузнечиха, его жена. После смерти Игната Захаровича Соломея тоже слегла. Хозяйство стало приходить в упадок. Соседи понемногу поддерживали её. Дали знать дочери, жившей в Сумах. Но она с приездом замешкалась.

Иван Довбня тоже оказывал помощь старой Кузнечихе. И жил, как говорится, по своему распорядку. Главным для него было : воскресное собрание верующих с пением псалмов под гитару и чтение Евангелия. А в течение недели — вечерние молитвы на берегу...

Однажды, как всегда в закатный час, когда отблески заходящего солнца ещё пламенели на крышах хат и ветвях деревьев, Иван, прислонившись к стволу ивы за ракитовым кустом, тихим голосом читал молитву собственного сочинения, сотворённую во время побега из немецкого плена. Дошел до середины короткого текста и споткнулся... Начинает снова — дело не идёт. Он уже не вслух, мысленно взывает к Всевышнему, чтобы Бог дал силы прочесть молитву — не тут-то было! А глаза готовы из орбит выйти... Выскочить! Улететь к Божественному видению. Казалось, сама Богиня Неба вдруг снизошла с космических высот и предстала

перед ним во всём блеске невиданной красоты, со всеми своими несравненными прелестями. А на лице её, на плечах, на скульптурно выпуклой груди, на всем лучезарном теле мерцали радужные отблески заката. Она царила среди вечерней заревой природы, прекрасная своей изящной наготой, на миг остановившаяся на другом берегу, у самой воды, словно погружённая в мечтания.

Слова молитвы Ивана померкли. В глубоком оцепенении он смотрел на дивный образ, не в силах оторвать от него очарованного взгляда. Усилием воли снова сделал попытку вспомнить слова молитвы — тщетно! Ни единого слова не приходит на ум. Язык будто прилип к гортани — не шевельнётся. Вдруг заблелая черная коза Галька. Этот земной звук, неожиданно нарушив вечернюю тишину округа, словно пробудил Богиню. Красавица грациозным движением нежной руки опустила большое полотенце на лежащий на траве светлый халат и без робости ступила в воду. Легкая волна от её чудных ног с тихим шелестом покатилась, подкрашенная в цвет зари, к берегу, на котором прятался за ракитовым кустом Иван. Он в немоте своей только поводил жадными глазами, следя за купанием Богини. Она, не ведая о его присутствии, чувствовала себя по-царски раскованно, свободно. Плыла, как белая лебёдушка. Затем вышла на берег, понежив себя полотенцем, накинула на плечи халат и по тропинке направилась к дому.

Ивану супруга за ужином сообщила, что старая Кузнечиха очень плоха. К ней дочка приехала из Сум. Красивая! И молодая ещё. Лет тридцати. Артистка областной филармонии. А будет жить здесь. У неё с голосом что-то случилось. Для сцены не подходит... Будет в нашей школе учителем музыки. Девочек пению станет обучать. Иван круглой деревянной ложкой, когда-то украшенной хохломской росписью, с аппетитом уплетал борщ, лишь в начале сообщения мельком взглянув на жену. Он раздумывал: сказать или не сказать, что уже видел эту красавицу. И промолчал. Но каждый вечер всю неделю продолжал ходить на берег. И прячась за ракитовым кустом, любовался купающейся Богиней, как она представлялась ему, теперь даже не дерзая помыслить о чтении своей молитвы.

В субботу на утреннем наряде управляющий отделением колхоза, молодой мужчина с пронизательным взглядом и лицом студента, стройный в солдатской форме — гимнастёрка затянута ремнём, обернувшись к Довбне, сказал:

— Молоковоз заболел. Ты, Иван Корнеич, запряги гнedyх, погрузи фляги с молоком на ферме и отвези на приёмный пункт... На центрифуге определи жирность, не полагаясь на Качая. Качай — деляга ушлый... занизит показания. Просепарируй. Обрат привези для свинофермы. Понял?

Иван Довбня задание выполнил. Под вечер вернулся домой. За столом жена сообщает: похоронили сегодня Кузнечиху. Жара! Не стали держать ещё день... Дочка крепилась молодцом, без истерики. Но всё время глаза на мокром месте... В траурных одеждах... чёрный платочек на шее, блузка чёрная с длинным рукавом и юбка ей под цвет... Соседская девочка при ней...

— Может, чем-то помочь нужно? — спросил Иван, облизнув ложку.

— Может, и нужно, но чем?.. — сдвинула плечами Маланья.

На слеуюющий день, в воскресенье, в доме Ивана собрались верующие. При встрече все обменялись братскими поцелуями, по примеру первых христиан. Сели кружком, кто на табуретки, кто на кровати... Под аккомпанемент гитары, которую привычно держал в руках Иван Довбня (мысли его витали где-то за ракитовым кустом), пропели приветственный псалом Господу. Затем в руках Ивана оказалось Евангелие. Он, вздохнув, открыл Ветхий Завет... Вторую книгу Моисееву — ИСХОД...

В эту минуту в распахнутую настежь дверь, за которой несколько мгновений назад прокукарекал краснопёрый с щегольским гребнем на вёрткой голове, хозяйский петух, вошла... Богиня!

— Простите меня, пожалуйста, — сказала она, поздоровавшись, вежливо переводя взгляд с лица на лицо, не пропустив никого из присутствующих. В эти мгновенья она увидела десяток старушек, подростков, двух ветхих стариков и остановила взгляд на Иване Довбне: — Простите моё вторжение, — повторила она, глядя в глаза Ивана, — проходя мимо, я услышала звуки музыки. Встречная женщина пояснила, что здесь собрались верующие. Я подумала: именно вы мне и нужны. Кто ещё, кроме верующих, может с готовностью откликнуться на обращение человека, попавшего в нужду?!

Собрание, внутренне взволнованное неожиданным визитом одетой в траур красавицы, замерло, не сводя глаз с её бледного лица, отмеченного тенью печали.

— Чем можем мы помочь вам, — скользнув беглым взглядом по лицам собратьев, участливо спросил Иван Довбня чуть хриплым голосом?

— У меня провалился погреб. Время близится к уборке урожая... скоро пойдут дожди... А мне некуда будет класть убранный с огорода... Кто согласится выкопать погреб? Не бесплатно... — голос гостя неожиданно дрогнул.

Она поднесла к глазам платочек, от которого повеяло ароматом духов. Увидев слёзы, всхлипнули старушки... Иван взглянул на жену. Она просительно, умоляюще смотрела в его глаза... Иван понял её взгляд, взывающий к сочувствию и помощи. И коротко произнёс:

— Я выкопаю.

...Собрание закончилось прощальным псалмом. Верующие запечатлели друг другу поцелуй братской любви и неуклонной веры. И особенно поблагодарив пресвитера за отзывчивость, разошлись по своим домам. Иван Довбня как никогда долго и трепетно целовал жену, заключив в объятия. Она забеспокоилась:

— Что с тобой, Ванюша? Ты будто навсегда прощаешься.

Иван промолчал и с одобрения Маланьи отправился копать погреб. Он любил свою жену. Но теперь, шагая по заросшей спорышом улице, думал не о ней. Перед внутренним взором стояла Богиня красоты, которую он, даже забыв слова давней своей молитвы, опьянённый дивными её прелестями, вожаделенно наблюдал из-за ракового куста.

Войдя во двор, услышал тихие, чарующие звуки. Они, казалось, проникали сквозь дышащую ветхость стен. Иван остановился у окна с замиранием сердца, стараясь не нарушить волшебной мелодии грустящего фортепьяно. Ему чудился тот памятный первый вечер, когда он увидел на берегу Долгого озера фантастически прекрасный образ молодой женщины, представившийся ему Богиней. Но вот звуки, нежно замирая, угасли. Иван встрепенулся. На пороге появилась она со скромной причёской тёмно-каштановых волос, собранных на затылке, в светлом, уже знакомом по вечерним наблюдениям халате.

— Что же вы здесь остановились, Иван Корнеич? — приблизившись, спросила она певучим голосом и подала ему руку.

Ощувив в своей большой ладони хрупкую белую с тоненькими длинными пальчиками ручку прелестной женщины, Иван на

мгновенье растерялся: поцеловать или воздержаться? Не хотелось выглядеть неучтивым и смешным — тоже... Но голова непроизвольно преклонилась и жадные губы, изо всех сил сдерживаясь, чутко прикоснулись к тёплой, благоухающей тонким ароматом духов прозрачной коже. И не хотели оторваться...

— Вы — галантный мужчина... джентльмен... — произнесла хозяйка одобрительно, с паузами, подчёркивающими её взволнованность и восхищение. — Прошу вас в дом, — пригласила, коснувшись свободной рукой его наклонённой в поцелуе головы. — Угощу чаем или музыкой. Ваш выбор.

— Рад буду послушать музыку, — сказал Иван Довбня, — но, может, не теряя времени сразу начать работу?

— Хорошо. Я сыграю немного. Для вдохновения, — улыбнулась Анастасия сев за инструмент. И юркие пальцы её порхнули по клавишам. Комната наполнилась переливчатыми звуками.

Иван сидел на табурете, близко к фортепьяно, с любопытством следя за причудливой пляской пальцев по чёрно-белым клавишам и сосредоточенно слушая грустную мелодию. Вдруг заметил: с соседки, что между окон, на него и Анастасию смотрят бывшие хозяева этого дома — Соломея, лицом — будто вторая Анастасия, и её господарь, Игнат Захарович. Оба молодые и до неузнаваемости красивые — в аккуратной рамочке под стеклом... Но под очарованием завораживающей музыки он незаметно для себя перенёсся в далёкое прошлое, в мучительное прошлое своё — в немецкий плен. Остро ощутил пережитые страдания. Слезы заволокли глаза и, выплеснувшись, покатались по щекам. Когда замер последний звук финального аккорда, Иван сидел весь в слезах.

— Что вы, голубчик?.. — растерянно склонилась над ним Анастасия. — Вы такой чувствительный, — поглаживала она его сочувственно мягкой ладонью по опущенной на грудь голове.

Эта тихая женская ласка разжалобила его ещё сильнее. Он всхлипнул, издав сдержанный звук, привалившись головой к груди Анастасии. Женщина, поддавшись печальной минуте, тоже не сдержала слёз. Каждый из них оплакивал своё прошлое. Он — страдания военной поры, унижения плена, хождение по мукам во время бегства; она — нелепую гибель мужа, раннее вдовство и долгое одиночество.

— Такая волшебная, такая завораживающая, такая трогательная музыка! — сказал Иван, немного успокоившись и вытирая ладонью от слёз глаза Анастасии и ласково целуя их.

Она задумчиво смотрела, будто сквозь его лицо, не видя его, мыслями находясь в своём прошлом...

— А что вы играли? — спросил Иван, глядя её тёмно-каштановые волосы.

— Это «Реквием» Моцарта. У него много прекрасных произведений, — ответила Анастасия, всё ещё находясь в состоянии задумчивости, и взглянула в окно.

— Уже стемнело. У меня моцион. Иду к берегу. А вас дома ждут, — сказала хозяйка как-то деловито, быстрым взглядом коснувшись Ивана. И добавила: — Может быть, всё-таки чаю на дорожку?..

— Нет-нет, спасибо. Чай будем пить после моциона. У меня такой же режим. Иду с вами.

— И как это будет выглядеть, если взглянуть со стороны? — серьёзно спросила Анастасия, стоя с полотенцем в руке, уже готовая к выходу.

— Главное, чтобы изнутри было хорошо, — ответил Иван и взял Анастасию за руку. — Без воли Бога в мире ничто не происходит. Он вселил в моё сердце неодолимое чувство любви к вам.

— На это я затрудняюсь что-либо сказать. У нас с вами разные боги. Мой бог — музыка!

— Я признаю вашего бога, его власть и силу надо мной. Больше преград между нами нет. Идёмте к озеру.

— Всё это так вдруг... так неожиданно... Я к этому не готова, — сказала Анастасия, перешагивая порог. На дворе их осенило ясное звёздное небо и большая круглая Луна.

К берегу спускались по узенькой тропинке, молча. Анастасия вспоминала свой приход в молитвенное собрание: взволнованные лица людей, их слёзы сочувствия... От мысли, что теперь о ней подумают, она вздрогнула...

Иван, шедший за Анастасией следом, не мог избавиться от видения: перед глазами неотступно витало лицо его жены... с молчаливым и скорбным взглядом, наполненных слезами глаз. На берегу озера они остановились, освещённые яркой Луной. Анастасия, взглянув на Ивана, сняла халат и привычным движением руки вместе с полотенцем опустила на траву. (На этот раз она была в нижнем белье). Минуту спустя Анастасия уже плыла белой лебёдушкой посередине узкой протоки, наблюдая, как робко Иван крадётся в воду. Никто из них не знал, что из-за ракового куста сверкают на них слезой два безутешных, горячих глаза, словно осиротевшей Маланьи, жены Ивана Довбни, бессмысленно терпящей верёвку беззаботно щиплющей траву чёрной козы Гальки.

РОДНИК

Из-под земли, с неведомых глубин
Родник забил прозрачно и несмело.
Чтоб жажду утолить, я эту воду пил,
А сердце вдохновенно пело.

И так слилось журчанье ручейка
С мелодией в душе моей живущей —
Звучнее стала, песенной строка,
Любовь к Донщине — смелой и зовущей.

* * *

Я иду по весеннему лугу,
или тропкой спускаюсь в лесу.
Дону-батюшке, доброму другу
песню радости в сердце несусь.

Вдруг польется она на просторе,
очарована блеском весны,
отраженной в сияющем взоре,
с плеском волн у прибрежной сосны.

С пеньем птиц и цветением ярким
среди вспыхнувшей зелени трав...
Прозвучит она щедрым подарком,
красоту неземную вобрав.

И умчится с текучей водою
к морю Черному в синюю даль.
В этот миг для себя я открою
в светлой радости грусть и печаль.

ВОЛШЕБНЫЙ МИР

Встаёт заря улыбочиво и нежно.
У школы золотятся тополя.
С годами я бываю здесь всё реже,
Но всё сильнее любовь и грусть моя.

Волшебный мир... не сон,
А быль, как сказка:
Косички, бантики, игривые глаза.
Учитель строгий у доски с указкой.
И слово, что соседке не сказал.
А как хотелось облегчить мне душу,
Но я гасил неистовый порыв.
Как два костра, пылали мои уши
И, кажется, горят до сей поры.
Как далеки, как невозвратны годы!
Но если вдруг несбыточное — свершится (!),
Едва ли больше внутренней свободы
Внушила наша прожитая жизнь.
Волшебный мир... не сон.
А быль, как сказка:
Косички, бантики, игривые глаза.
Учитель строгий у доски с указкой.
И слово, что соседке не сказал.
Встаёт заря улыбочиво и нежно,
У школы золотятся тополя.
С годами я бываю здесь всё реже,
Но всё сильнее любовь и грусть моя.

СОКРОВЕННОЕ

Гей ты, полюшко, поле русское,
Колос свесился тяжело,
Что ведёшь меня, тропка узкая,
Зорькой раннею за село?
Сердце жаркое к песне просится,
А над полем звенит, звенит
Серебристая разноголосица,
Реет жаворонок в зенит.
Счастьем полнится существо моё:
Ширь бескрайняя, Дон у ног.
На земле родной всюду дома я.
И звучит донской говорок.
Велика Земля! — Не объять рукой.
Где-то есть места заповедные,

Но вся жизнь моя — поле щедрое,
И не надо мне красоты другой.
Гей ты, полюшко, поле русское,
Колос свесился тяжело...
Не с того ль ведёшь, тропка узкая,
Зорькой раннею за село?

ЗВЕЗДА

Бежит к парому лунная дорога,
Застыла ночь, щекой прильнув к реке,
Среди жнивья, у стога на соломе
Я, кажется, звезду держал в руке.

И от неё — фонтаном к небу искры.
Я их не мог и не хотел задуть...
Звезда — души моей пожар неистовый,
А искры — это Млечный путь.

И я спешу по звёздам, как по кочкам...
Где поплавку Луны тонуть — не утонуть,
Стыдливо гаснет метеоров прочерк,
Земли задевших девственную грудь...

Но я горю, не поджигая стога,
не растворившись в звёздном далеке...
Я снова слышу, как шуршит солома,
И душу, как звезду, держу в руке.

РОДНОЕ

Не знаю, чья рука резцом ли,
тонкой кистью возводит лес —
в любое время дня
Я, словно крадучись, иду,
по-лиси,
чтоб хруст ветвей не разбудил меня.

Здесь,
в тишине чарующей и звонкой
застыли годы, превратясь в дубы...
Эх, сторона моя! Родимая сторонка,
Святая колыбель моей судьбы...

В СУМЕРКИ

Свечерело. Прямо к Дону
Солнце красное скатилось
И туману голубому
Неожиданно приснилось.

Кроны верб вонзились в небо,
Опрокинутое в реку,
И тревожит быль и небыль
Красотою человека.

Вдруг раздался всплеск игривый:
Что-то быстрое блеснуло
И мгновенно утонуло,
Вспенив ствол плакучей ивы.

Рыбаки, глаза расширив,
Зависть от себя не пряча,
Вмиг забыв все блага в мире,
Сокрушались: «Неудача!».

В ОЖИДАНИИ ВЫЛЕТА

В Уфе пурга. Закрыт аэропорт.
В Ташкенте Илу запретили вылет.
Заочники взволнованы — «Ах, чёрт!
Не вовремя, знать, сессия нас примет».
Но делать нечего: Фортуна к нам спиной.
А то и чище — повернулась задом...
За тыщи вёрст не побредёшь домой.
И что ж домой? В университет же надо!
Вдруг где-то рядом дрогнула струна.

Затейливо скользнули переборы.
И навалилась сразу тишина.
Ненужными вдруг стали разговоры.
А гитарист смелее взял аккорд,
Извлёк живые трепетные звуки...
Ноктюрн, Прелюдия Чайковского, гавот,
Бетховен, Бах... А руки-то, а руки!
Задумчиво-отсутствующий взгляд,
Ушедший в глубь себя ли, мироздания ль...
В руках искусных струны всё звучат,
И в каждый миг всё новое свиданье:
Фантазию сменяет Менуэт,
От вариаций сходу к Сарабанде...
Круг всё тесней. Игре запрета нет.
Дежурный беспристрастен —
Тарабань-де...

Так ночь прошла.

КАБЛУЧКИ

По тротуару каблучки
с надменным стуком...
«Не оглянусь! Сниму очки.
Возьму их в руку —
Пусть простучат, заторопясь,
быстрее мимо...» —
В волнение ощущаю связь,
Даже незримо.
Что за магнит в звучанье том
её каблучном?
Дышу «навзрыд» раскрытым ртом —
увы! — не лучше.
Нет силы сдерживать порыв,
хотя он странен...
Я каблучками с той поры
как будто ранен.

ПОЗОВИ

Ночь-кудесница тихою дрёмой
навевает волшебные сны.
Вот я, чудится, в Нырково, дома —
время лучшей моей весны.

На опушке синеет подснежник...
Синь — подснежников — море в лесу!
Я любви своей юную нежность
чистым золотом в сердце несу.

В нём надёжно. Оно не расплещет.
Сохранит для желанной своей,
хоть заметно в волненье трепещет,
когда трелью плеснёт соловей.

Ночь-кудесница — памяти вспышка,
Колыбель и хранитель любви...
Где ты, радость босого мальчишки?
Отзовись.
Позови!
По-зо-ви-и-и...

ПОРТРЕТ ЛЮБИМОЙ

На тебя я смотрю из окна,
Прикрывая лицо занавеской...
Ты мне в ракурсе сверху видна
Независимой, чуточку дерзкой...
Взгляд — как молния,
Вздёрнутый нос
И лицо в благородном овале,
Кверху вздыблен султанчик волос —
Парикмахеры наколдовали.
Привлекательна девичья стать
И размеренность мелкого шага —
Нет! Непросто тебя описать...
Благо, терпит мой опус бумага.

Я люблюсь тобой из окна
В каждый миг гармоничным движеньем.
Меж красивых — ты только одна,
Совершеннейшее творенье!

НЕ ПОДВЛАСТНА СТАРЕНЬЮ ДУША

Принимаю всю жизнь без упрёка,
Каждым мигом её дорожу.
И о чувствах стихом расскажу,
Что смогу до последнего срока.
Дни проносятся, дико спеша,
На глазах искажаются лица...
Не подвластна старенью душа
Это — счастье! Им можно гордиться.
В ней все струны аккордом звучат
Без отсчёта долей метронома.
Песня песней мне с детства знакома
С голосами любимых девчат.
Но не скрыть наважденье упадка.
Глохнет музыка. Тает в груди...
Хоть и ныне живётся не сладко
То ли будет ещё впереди!
Принимаю всю жизнь без упрёка,
Каждым мигом её дорожу.
И о чувствах стихом расскажу,
Что смогу до последнего срока.

Ольга СМЫСЛЕНКО

Ростовский журналист. Член Союза журналистов России, победитель областного конкурса «Признание благотворительности». Автор книги «Я родом из войны» о героях-ростовчанах, ставших легендами Второй мировой войны. Эл. адрес smihelga@ya.ru

ЗАПОМНИ МЕНЯ КРАСИВОЙ

— Будь что будет! А попробовать всё-таки можно, — убеждала меня подруга Инна, раздобыв адрес надёжного зарубежного брачного агентства и предлагая обратиться туда вместе с ней.

Первым пунктом её плана действий оказался художественный фотопортрет.

— Главное, на жениха зарубежного впечатление произвести. Пусть он такой импульс получит, чтобы ему хотелось за тобой на крыльях нестись на край света! А ещё лучше, чтобы он тебя к себе в Соединённые Штаты вызвал и дорогу оплатил, — твердила она.

— А когда он меня настоящую, а не в художественном изображении, увидит?

— Тогда ему нужно будет аккуратненько объяснить, что стоит тебя подкормить, приласкать и приодеть — именно так ты и будешь выглядеть.

И что вы думаете? Убедила.

К фотографу Виолетте отправились в самом боевом расположении духа. По дороге Инна предупредила, что характер у Виолетты сложный, клиентами она, как профессионал высокого класса, избалована. Если, не дай бог, ей с первого взгляда не понравиться, она тут же с порога выгоняет. Бывали случаи, когда она выгоняла клиентку раз пять, прежде чем соглашалась её сфотографировать. Зато после шестого раза и великолепных снимков та немедленно выходила замуж за миллиардера.

Инна собрала в путь всех своих незамужних подруг, поэтому мы добрались до нужного адреса в качестве небольшого, но хорошо ор-

ганизованного стада. Дамы держались безукоризненно вежливо и выглядели, как претендентки на титул «Мисс Красота и Обаяние».

Двери нам открыла безрадостная Виолетта и с удивлением воззрилась на нас.

— Что это вы мне привели? — обратилась она к Инне.

— Мы пришли фотографироваться! — торжественно провозгласила я.

Но Виолетте мой оптимизм не передался.

— Мы с вами как договаривались? — наступала она на Инну. — Что придут девочки, мы сделаем пару снимков. Ничего себе девочки! Да им же за 40 с хвостом! Я, знаете ли, за качество своих работ отвечаю. А что я буду делать с этими физиономиями, как их маскировать?

Тридцатилетние дамы несколько приувыли. Инна изменилась в лице.

— Но мы вовсе не собираемся выглядеть, как двадцатилетние, — вступилась за нас Марина, ощущая приближение массовой истерии. — Пусть мы выйдем на 40 с хвостом и даже больше. Но только немного посвежее и попривлекательнее. Ведь вы — такой замечательный мастер!

— А снимков сколько будете заказывать? — всё ещё с подозрением поинтересовалась Виолетта.

— Да сколько скажете! — наперебой загалдели потенциальные невесты. — Вы только начните, а там увидите, как всё замечательно получится.

Немного поразмыслив, Виолетта согласилась впустить нас в дом. Для начала она провела курс обучения, как нужно правильно накладывать макияж для художественной цветной фотографии. Велела потренироваться, а потом по очереди подходить к ней для проверки усвоенного. Решив взять удар на себя, я первая уселась на контрольный стул под «юпитерами».

Виолетта внимательно всмотрелась:

— Так-так. Брови, брови... Что у вас с бровями?

— Видите ли, — задушевно начала я. — Одна бровь мне досталась от мамы, другая — от папы. Они были разной конфигурации, поэтому я их выщипала. Но они всё равно были неровными, поэтому я их выщипала снова. После этого они у меня практически не растут, но в салоне красоты мне их заново нарисовали. Посмотрите, как аккуратно: взлёт.

Виолетта хмыкнула.

— Какой-то грубый у вас макияж!

— Это потому, что у меня короткие ресницы. Я подрисовываю стрелки, чтобы создать видимость густых ресниц и хорошо очерченных глаз. Глаза-то у меня маленькие. Пока их не нарисуешь, их, по существу, и не видно совсем. Зато зрение стопроцентное!

Виолетта поморщилась.

— Но у вас губы кривые! — Виолетта рысью промчалась по комнате, вглядываясь в присутствующих. — Да они у вас у всех кривые! В вашем-то возрасте вы до сих пор не научились проводить прямую линию! Вы что, геометрию никогда не изучали?

— Ну, лично у меня по геометрии всегда была «тройка», — ласково проворковала Римма. — А по черчению и того хуже. Знаете, давайте не будем о школе, у нас сейчас совершенно другие перспективы...

Наше печальное прошлое, видимо, слегка успокоило Виолетту и привело её в хорошее расположение духа. Все заново перерисовали себе губы, и фотосессия началась.

Виолетта поставила у стены ширму в розовых тонах. Я подумала и подобрала к розовому фону серый кружевной костюм с мини-мумом украшений. Он должен был подчеркнуть мою скромность и неприязнательность.

Виолетта с подозрительным видом ходила вокруг меня:

— Что у вас с боками? У вас кривой бок!

— Неправда, бока у меня одинаковые, — запротестовала я.

— Одна нога короче? — посочувствовала Виолетта.

— Ноги раньше были нормальные, — не сдавалась я, запихивая их под стул на всякий случай.

— Но вас явно перекашивает! Может быть, у вас одно плечо ниже другого?

— Не знаю, — ответила я. — Но если хотите, могу перекошиться в другую сторону. Так устроит?

Тяжко вздохнув, Виолетта приготовилась снимать. Нацелила на меня объектив... и вдруг отпрянула от него:

— Стоп! Что у вас с волосами?!

— С волосами у меня проблема, — обрадовалась я заинтересованному слушателю. — Они у меня растут в другую сторону.

— Как это «в другую»?

— Ну, у всех, как положено по причёске: влево или вправо. А у меня сразу вверх — дыбом!

— То-то я смотрю и удивляюсь, как это люди вроде вас на улице появляться не боятся?

— Я тоже сначала боялась, — успокоила я её. — Но потом в одном очень хорошем салоне красоты мне объяснили, что просто нужно пользоваться современными технологиями. Они с меня по-новому всё состригли, а оставшееся замазали гелем, чтобы оно лежало и не топорщилось. Знаете, такая красота этот гель! С тех пор, как я им стала пользоваться, волосы у меня не топорщатся, правда, и не растут почти... Кстати, чёлочка вас тоже пусть не смущает. Её стригли фигурными ножницами, поэтому у неё специально такой неровный, будто обгрызанный вид. Это такая мода, только надо предварительно частично удалить подшёрсток...

— Ну, хорошо, — согласилась Виолетта. — По крайней мере, за ваш подшёрсток я могу быть спокойна. Улыбочку!

Я жизнерадостно улыбнулась. Виолетта опустила фотоаппарат.

— Подождите, — сказала она. — Не надо улыбочку. С зубами-то у вас, оказывается, тоже проблема.

— В самом деле? — заинтересовалась я. — Зубы у нас фамильные. Передаются из поколения в поколение.

— Неудивительно, что они так плохо сохранились, — прервала меня Виолетта. — Тоже, наверное, не в ту сторону растут? — сообщила она. — Тогда закройте рот и не открывайте даже под пытками.

Фон ширмы сменился, став небесно-голубым. Я ощутила насущную необходимость привнести в свой образ некую «изюминку».

Голубой фон у меня ассоциировался с рекой, поэтому я достала «сеть». Ажурную шаль вязали мама и бабушка по очереди. Накинув шаль на обнажённые плечи, я унеслась в мир грёз, представляя себя золотой рыбкой, которую скоро выудит зарубежный счастливец. По гороскопу, я — Рыба. Углубить параллель с золотой рыбкой должен был платиновый парик с длинными волосами.

Виолетта тупо воззрилась на меня в «сети».

— Это что? — хмуро спросила она.

— «Рыбачка с Дона», — бодро отрапортовала я и быстренько обрисовала ей свою задумку: золотую рыбку.

— А платиновый парик где? — без энтузиазма полюбопытствовала Виолетта.

— Его я пока не купила, — безмятежно ответила я, смутно подозревая, что, пожалуй, так и не куплю из-за скудности финансов. — Поэтому композиция называется не «Золотая рыбка», а «Рыбачка с Дона».

— Композиция называется «Старуха в землянке», — мрачно заявила Виолетта, вытряхивая меня из «сети». — Переодеваться! Живо!

Заполнить вынужденную паузу кинулась Татьяна в чёрном вечернем платье. Виолетта отвлеклась от меня на мгновение, обдумывая, какие украшения ей стоило бы надеть.

— Жемчуга! — отдала она приказ. — Душите её жемчугами! — это означало, что нитка жемчуга должна была быть туго натянута на самое горло.

Тем временем мне в голову пришла новая мысль. Я достала из груды одежды белую блузку с синим в полосочку воротником. «Я — морячка!» — назвала я свой новый ансамбль одежды, немного посомневавшись, могу ли я назвать себя «морячкой с Дона», исходя из той версии, что Ростов называют портом семи морей?

Как только Татьяна соскочила с помоста, синевя от душившего её жемчуга, я ринулась на её место. Виолетта проворно ухватила меня за воротник.

— Я — морячка, — попыталась я отбиться от неё. — Белый цвет меня освежит.

— Это не морячка, — внушительно заметила Виолетта, обращаясь ко всем окружающим, — А просто крейсер какой-то! Милая, ты у меня в объектив не въедешь с такой-то фигурой! Кстати, белое вам всем противопоказано. Уберите её. Следующая!

Догадавшись, что с белым цветом Виолетта не в ладу, приятельницы затолкали меня в чёрную прозрачную блузку.

— Лифчик снять и на помост! — одобритительно кивнула Виолетта.

— А голая грудь? — окаменела я.

— Какая там грудь! — пренебрежительно махнула рукой она. — И душить жемчугами, душить!

Девчонки уже накинули на меня удавку из жемчугов, замотав её до ушей, чтобы я не могла вертеть головой.

— Клонись на меня, клонись! — шептала Виолетта. И я клонилась. В последнее мгновение перед моим обрушением на пол она успела запечатлеть мои изумлённо вытаращенные глаза. Вот

так, я поняла, ей и удаётся создать на снимках совершенно нестандартное выражение лица.

Уверенными штрихами Виолетта создавала наши образы, что-то отсекая, а что-то добавляя. Мне хотелось помочь ей. Самым важным я считала простоту и естественность. К зелёному фону я подобрала простенькую вязаную кофточку цвета спелой пшеницы. На грудь я повесила маленький подсолнух, сплетённый из кожаных ремешков и бисера. Мне казалось, что именно так незатейливо просто должна выглядеть донская казачка.

Пока Виолетта поправляла сместившиеся в сторону «юпитеры», я воздвиглась на помост, постаравшись совместить гордо, с достоинством приподнятый подбородок с лукавым задорным взглядом. Не моргая, я игриво смотрела на Виолетту. Она повернулась, увидела меня и побаговела...

Перехватив её стекленеющий взгляд, Марина немедленно сорвала с меня подсолнух. Виолетта щёлкнула фотокамерой:

— Готово. Следующая.

И тут нас постигла катастрофа. Следующей под объектив выходила Инна, напряжённо стиснув зубы, как на экзамене. Сначала Виолетта ловко содрала с неё все серебрянные цепочки с кулончиками, заметив, что они совершенно не подходят к её домашнему платьицу. «Домашнее» считалось одним из лучших в коллекции праздничных нарядов Инны, поэтому одновременно с щелчком фотоаппарата Инна зажмурилась, не в силах сдержать брызнувшие слёзы. Повисла гробовая тишина.

— Она моргнула, — зловещим шёпотом возвестила Виолетта. — Вы видели, она испортила мне кадр!

— Я всё оплачу, в двойном размере оплачу, — пролепетала Инна. — Но тут свет прямо в глаза, а у меня потекла тушь...

— Она оплатит! — прогремела Виолетта. — Да что вы понимаете в настроении художника? На черта мне сдалась ваша оплата, когда вы уже всё погубили?! Всё, понимаете? Вы знаете, что теперь будет с вашими фотографиями?

Мы съёжились, как котята в углу, застигнутые за неприличным занятием.

— Вы не получите их в среду, нет!

Мы поняли, что зарубежные женихи, возможно, никогда уже не вступят в счастливый брак. Стоило Инне моргнуть — и, прощай, граница!

— Вы получите их только в четверг! — чеканила Виолетта.—
Это вы понимаете?

Мы понимали и наперебой кинулись утешать её, уверяя, что женихи подождут, как бы трудно им ни приходилось без нас. Инна рыдала взахлёб, размазывая остатки макияжа.

Мы под руки повели её умываться и перекрашиваться.

Татьяна стремглав заняла её место. Облачившись в роскошный, украшенный стразами и пайетками пеньюар, она строго, со всей ответственностью уставилась в объектив, демонстрируя, что не моргнёт даже под ударом молнии.

Фотосессия закончилась. Утомлённые, но довольные мы отправились домой. На прощанье Виолетта сказала, что с нашими-то данными на приличные фотографии можно рассчитывать только с помощью редкостного мастера. К счастью, в Ростове они пока есть.

На следующей неделе Инна ведёт нас к Валерию. Он будет снимать нас уже «с ногами», то есть, в полный рост. Говорят, характер у него тоже не сахар. Что ж, посмотрим...

Владимир СЫСОЕВ-ПОНОМАРЕНКО

Живет в г. Азове. Бывший военный. Пишет стихи, музыку, песни, поет. Выпускает музыкальные и литературные сборники, сотрудничает с вокально-инструментальными ансамблями. Принимает заказы на стихи и песни и с этим успешно справляется. Частый гость на концертах в кругу друзей и корпоративов.

МОЯ ДОРОГАЯ

(Сколько стоит песня)

Однажды один мой знакомый, с которым мы чуть ли не каждый день видимся и говорим исключительно о кораблях и о море (мой знакомый — моряк), так вот, этот мой «капитан» поинтересовался у меня, как у человека, профессионально занимающегося написанием стихотворений и музыки к ним:

— А сколько потребуется мне заплатить денег, чтобы вы написали посвящение моей любимой? Не буду скрывать, это — моя жена?

— Жена или тёща? — шутя уточнил я.

— Ну и шутки у вас, — смутился Алексей. — Конечно, жена!

Я отвечал, что цены многих отпугивают, потому как общая стоимость песни складывается из следующих слагаемых. Первое слагаемое — поэт. Второе — автор мелодии и гармонии, то есть автор песни на стихи поэта, или его ещё именуют «композитором». Третье слагаемое — аранжировщик. Четвёртое — исполнитель. Пятое — студия звукозаписи.

— Начнём от четвёртого слагаемого двигаться к первому, — пояснил я. — Так надо, потому что «пятое слагаемое» работает на потоке, к нему в студию — очередь. У него — почасовая! И почасовые расценки не совпадают с суточными расценками, по которым работают аранжировщик, исполнитель, поэт и композитор. То, что делает поэт или композитор в течение нескольких суток, «пятый участник», т.е. студия звукозаписи, выполняет всю работу в течение максимум двух часов, используя свой компьютер, свои программы и знания. И у дверей хорошо зарекомендовавшей себя студии выстраивается очередь таких, как мы с вами, потребителей. И в течение рабочего дня они зарабатывают не меньшую сумму, чем аранжировщик, выполняющий индивидуальный заказ.

Очередей к аранжировщикам не бывает, потому что таких музыкантов очень много. Но из одной тысячи аранжировщиков, проживающих, например в Ростове-на-Дону, людям известны 5–10 человек, зарекомендовавших себя грамотными, талантливыми и лучшими. К ним хоть и бывает очередь, но расценки на их работу не снижаются.

— А каковы же расценки у этих аранжировщиков? — не удержался от вопроса Лёша.

— Этот вопрос вы сами можете задать любому из них... Например, Игорю Левину или Саше Гоптарёву. Пять лет назад я делал им заказы. Меньше 10 000 рублей с меня они не брали. Сегодня в силу действующей инфляции расценки могут быть повышенными.

— А какие деньги платятся поэту? — не унимался Алексей.

— Алексей! И поэту, и композитору платится каждому тоже не менее чем по 10 000 рублей. Они — исполнители индивидуальных заказов, такие же работяги, как и хороший аранжировщик. Исполнитель тоже сможет качественно спеть вашу песню, поработав над нею не менее двух недель! Но исполнитель исполнителю рознь: один — заслуженный артист РФ, другой — клубный работник на селе, третий — ресторанный певец, четвёртый не имеет никаких званий, а просто — автор-исполнитель, но своим голосом и искусством преподнести песню не уступает заслуженному артисту РФ. Поэтому заслуженный артист РФ тоже возьмёт с вас или с меня 10 000 рублей или более. А за одну тысячу вам исполнит ресторанный певец. Но если все исполнители откажутся петь написанную для вашей жены песню, значит, песня или очень сложная, или чертовски плохая. И если случится последний вариант, то вы попросту опростоволосились, выкинув деньги на ветер, — окончил речь я. И дополнил: — Однако существует ещё один не учтённый нами вариант. Бывает так, что ни поэт, ни композитор, ни аранжировщик, ни исполнитель не осознают, что они написали шлягер, попсовую вещь, которая никогда не сотрётся и веками будет на первых музыкальных страницах. Такое произведение стоит очень дорого. С этой целью знаменитые певцы нашей эстрады проводят фестивали. И автор песни-победительницы получает гонорар от ста до пятисот тысяч рублей. Бывает, эта сумма удваивается... Так какую вам песню написать для жены? — решил закончить я свой монолог. — Хотите, это будет одна из самых популярных песен этого десятилетия? И чтобы ни вам, ни мне не рисковать, давайте остановимся на сумме пятнадцать тысяч за стихи и песню.

— Давайте! — ответил Алексей и уточнил: — Пятнадцать тысяч рублей — это деньги небольшие, и тем более я знаю, что стихи вы слагаете прекрасные. Вот вам добрая половина, — с этими словами

мой знакомый вручил мне восемь тысяч рублей и дополнил: — А ещё семь тысяч рублей я вам отдам после того, как будет музыка, мелодия.

Я написал для жены Алексея и стихи, и музыку. Но по какой-то причине никак не могу до него дозвониться. И решил: опубликую этот материал и песню в литературно-художественном альманахе «Рукопись» у главного редактора Игоря Елисеева. Потому как знаю: Алексей получает и читает этот журнал. И он обязательно со мной свяжется.

Ну, а если Алексею что-либо разонравится, то есть возможность это произведение выставить на продажу! Ведь я написал очень хорошие стихи и мелодию к ним, что было прослушано специалистами, и у меня желают купить это произведение и музыканты-исполнители и мужчины, желающие сделать такой подарок своей любимой женщине. Но мой ответ один: пока не узнаю решения Алексея, никому ничего продавать и дарить на буду.

МОЯ ДОРОГАЯ

Сл. и муз. В.А. Сысов

Как гость в небылицу, я робко вошёл
И понял: что сказка — основа романа.

Я в тихой светлице царевну нашёл...

И был зачарован тобою, Светлана.

Любимая! С очами светлыми!

Любимая! Горит свеча!

Любимая! Меняем свечи мы...

Но!.. Только ты — в моих ночах.

Мне грома раскаты звучат как басы.

Я слушаю небо, сонеты слагая:

Пою и играю на каплях росы,

На струнах ветров — для тебя, дорогая!

Любимая! С очами светлыми!

Любимая! Горит свеча!

Любимая! Меняем свечи мы...

Но!.. Только ты — в моих ночах.

Царевна из сказки в волшебном краю,

Где в Дон кинул пламя закат, догорая...

Где тихо шепчу я молитву свою:

«Светлана моя, ты моя дорогая!»

Любимая! С очами светлыми!

Любимая! Горит свеча!

Любимая! Меняем свечи мы...

Но!.. Только ты — в моих ночах.

19.12.2012 г.

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Все люди — как древа... Бывают тупее...
Но только ходить они могут в аллеях,
Где сосны прекрасны и ели пушисты,
Как женщины наши, что очень душисты
(Задуют помадою, пудрой, духами
И лишь на прощанье погладят руками).
Но вот через дни, что полны суетою,
Подкрался к нам праздник с вином и едою:
И водка, и перец, шашлык и петрушка,
И бочка пивная, и кега и кружка...
И дети и бабы... И торт со свечами...
И тосты с прекрасными в горле речами...
Ничто не застыло, мы всё проглотили,
И даже с евреями «еньку» водили.
Мужчины гуляют в ночи новогодней,
Давно не видал я погоды погодней.
Придет новый день новогоднего толка,
Завалится в драке невинная елка,
Погаснут огни у нее на макушке,
Побьются шары и помнутся игрушки.
Опять все напьются и все на...ся,
Врагами враги, обозлясь, назовутся,
Откроются скрытные подлые души
И вылезет червь из испорченной груши.
Анохин придет — фонари под глазами
Зажгутся у тех, кто скрывался за нами,
Кто долго таил свои подлые души
Как в «Яблоке» черви, как черви, что в груше...

Раиса ТАРАНОВА

Работала школьным библиотекарем. Проживает в г. Ростове н/Дону.

ВЕСНОЙ

Весенний ветер, словно пьяный,
Трубя мелодию без слов,
Сметает чуть ли не в барханы
Соцветья белые садов.

Не воздух, а настой цветений —
Акаций, яблонь, абрикос,
Тюльпанов, ландышей, сирени...
И умиляет всех до слёз.

Весь год как робот заведённый:
Работа, дети и отчёт..
И лишь весной вдохновлённый,
Вдруг чувствуешь души полёт!

Какое счастье жить под солнцем
И аромат такой вдыхать!
Сирень, смотрящую в оконце,
Как Божий дар воспринимать.

Не ходишь, а почти летаешь,
Земли касаешься едва.
И тихо песню напеваешь:
«Ах, как кружится голова»!

ОДИНОКАЯ НОЧЬ

Одинокая ночь
Быстро катится прочь,
Одиноких сегодня немало.
Поговорка верна:
Будь ты лучше одна,
Чем вдвоём с кем-нибудь, с кем попало.

Дня рожденья рассвет,
Никого рядом нет...
На столе и вино, и закуска.
Но не пью я вина,
Я свободой пьяна,
Пью взахлёб её полною кружкой.

НЕ НАДО

Я знаю, надо всё прощать
И не искать, кто виноватый.
Но как себя не защищать,
Тем более, когда права ты?

Нельзя идти на поводу
У хамства, безразличья.
Так наживёшь себе беду
И потеряешь личность.

Не надо руки опускать
И ждать внезапного прощенья,
Не надо свинству всё спускать
И допускать до униженья.

Не надо всё в себе держать,
Молчать, тем более бояться,
И никому не позволять
Своей судьбой распоряжаться.

* * *

Кто плевал в колодец —
Из него напьётся;
Рыл другому яму —
На краю споткнётся;
Кто собак натравит —
Им и попадётся;
А плечо подставит —
Сам и обопрётся!

* * *

Мои стихи... В них плещется любовь,
Кричит и стонет раненою птицей,
Волнует чувства, будоражит кровь...
И хочется вернуться в юность вновь,
Чтобы опять отчаянно влюбиться.

* * *

Расстаться можно и любя,
Боль рассосётся понемногу.
Но только, обманув себя,
Мы обмануть не сможем Бога.

* * *

Любить тебя — небес награда,
Ты наяву явился мне.
Но только жалости не надо
К моей беде и седине.

И подо льдами дышат реки.
Тебе не стану я чужой.
Люби, как будто я навеки
Могу остаться молодой.

Страдаю я и много плачу,
Но обратись к душе моей.
Пусть годы мчатся, стонут, скачут,
Она всё выше и прямей.

Весомы мысли год от года
И вдохновенье не ушло.
Зачем так рано мать-природа
Кладёт морщинки на чело?

ЧТО НУЖНО ДЛЯ СЧАСТЬЯ?

Что нужно для счастья? А нужно немало:
Чтоб солнце всегда за рекою вставало,
Чтоб вместе мы были сквозь ливни и грозы,
Чтоб общие радости, беды и слёзы.

Что нужно для счастья? А нужно немало:
Чтоб жизнь как ни мяла — не обломала,
Чтоб вечно звезда моя в небе качалась
И жизнь на земле никогда не кончалась.

КТО ОСЧАСТЛИВИЛ МЕНЯ?

Зачем я на свет появилась
И кто осчастливил меня?
Любила, страдала, молилась...
Кого осчастливила я?

Конечно же, Богу виднее,
Зачем посылать на сей свет.
Но всё ж — кому стало светлее?
Какой я оставила след?

Ведь сколько людей я встречала —
Им попросту нет и числа!
Их всею душой привечала
И всем им добро лишь несла.

Терпенье, прощенье и жалость,
Как видно, не те три кита,
На коих всё счастье держалось,
Уверена: именно так.

Хотелось быть женщиной слабой,
Стоять за широкой спиной.
Сейчас и мужчина, и баба
У быта в упряжке одной.

В мужа кандидаты — есть шельмы.
Потеряна совесть и честь:
Вниманию — что подешевле.
А в помощь — советы да лесть.

Советов, как в басне Крылова,
Немало дают все — не счесть.
Что толку от сладкого слова?
Его с бутербродом не съесть.

А я и неслышное слышу,
И мысли умею читать.
И кто предо мной и чем дышит,
Умею теперь понимать!

ЭТО Я, ЭТО Я, ЭТО Я

Я умер, меня больше нет..
Я — дождь и белый, белый снег.
Я ветер и весенний цвет,
И радуга, и солнца свет.
Я рядом с вами, вокруг вас,
Я буду с вами каждый час.

Мустафа ТУКАЙ

Современный албанский писатель, родился в 1952 г., проживает в городе Шкодра на севере Албании. После окончания университета в Тиране (факультет иностранных языков) работал учителем, затем — драматургом в театре «Мильени» города Шкодра, одном из самых известных театров в Албании.

Им написаны 5 книг для детей и 8 театральных пьес. Лауреат Национальной премии по литературе.

ДЬЕРДЬ ЭЛЕЗ АЛИЯ

В углу комнаты в некоем доме стояла деревянная кровать. Сквозь кружевную занавеску тоненький лучик солнца проникал внутрь и падал на тело человека, лежавшего на кровати; казалось, он едва дышал. С первого взгляда было неясно, кто это: живой человек, призрак или уже бездыханная плоть — так неподвижно он лежал. Если бы вы рассмотрели его лицо, сердце у вас разбилось бы от печали, ибо это был не кто иной, как Дьердь Элез Алия. Во всей земле не было молодца, который мог сравниться с ним — нужно ли было послужить родной стране или сразиться с врагом, дерзнувшем бросить ему вызов. О его удали и отваге ходили легенды, которым не уступали рассказы о его доброте и благородстве. И вот, при всём этом, уже девять лет томился он, прикованный к постели, между жизнью и смертью, с девятью глубокими ранами в теле и все никак не мог ни умереть ни выздороветь.

Родители его давно умерли, а его бывшие соратники кто погиб в боях, кто позабыл его. И только сестра оставалась с ним и заботилась о брате день и ночь. Она была так ему предана, что не могла ни на миг оставить его.

Сестра омывала его раны родниковой водой, а раны были такими страшными, что всякий раз видя их, она плакала, орошая их горячими слезами, а затем отирала их длинными шелковистыми волосами. Она перевязывала их мягкой головной косынкой, оставшейся от матушки, и бинтами, сделанными из тончайшей белой ткани. При этом она нежно обнимала брата и шептала ему слова утешения и ободрения, пока сама не падала в изнеможении и не засыпала рядом с ним, уронив голову на подушку.

Сестра была его единственной надежной опорой; без неё он бы долго не протянул. Все девять ран нестерпимо болели, но Дьердь

не издавал ни стоны, потому что очень любил сестру, и ему было невыносимо видеть, как она страдает из-за него. И у него была ещё одна рана в душе, и она доставляла ему самые большие мучения: продолжая благодаря заботам сестры удерживаться на этом свете, он знал, что стены родительского дома сделались для неё настоящей тюрьмой.

С приходом весны птичьи песни звали её выйти на волю, пройтись по зелёным лугам и насладиться великолепием природы, ибо красота и скромность девушки были ей под стать. И многие приезжали к ней свататься, но все получали отказ.

Девять долгих лет пролежал Дьердь Элез Алия в своём доме, и вот однажды до его селения дошла весть о том, что из морской пучины вышел Чёрный Балоз.

Он был трехметрового роста и тяжелее слона, а его поступь заставляла землю содрогаться, и все, кто оказывались поблизости, в ужасе уносили ноги, спасая свою жизнь. Кожа у него была гладкой, как у дельфина, и выглядел он точно так, как описывали его легенды и народные предания: точь-в-точь великан, вышедший из бездны моря, чтобы нести людям несчастье. Лицо его было сморщенным, точно высохшая слива, и сплошь обросло ракушками и водорослями.

Чудище было таким жестоким, что люди жили в постоянном страхе, зная, что если не будут повиноваться этой твари, она просто растопчет и разорвёт их на мелкие кусочки. Всякий день, что чудовище проводило на суше, был тяжким испытанием для жителей окрестных сёл: они были обязаны платить ему дань, состоявшую из жареного целиком барашка и юной девушки в придачу. Если дань не поступала вовремя, Чёрный Балоз начинал лютовать, убивая всех на своём пути. И многие смельчаки, восставшие против него, погибли в неравной схватке, потому что у чудовища были такие силы и оружие, о которых люди и мечтать не могли.

И никто не мог пожаловаться Дьердю Элезу Алия на свои беды и попросить у него помощи, потому что уже девять долгих лет его жизнь висела на волоске. Как мог он подняться со своего одра и прийти на подмогу несчастным? Его сестре это было очень хорошо известно, но она тоже молчала до поры до времени, пока не настал день, когда и Дьердю Элезу Алия подошёл черёд посылать Балозу жареного барашка и юную деву.

В то утро, пока он спал, даже во сне терзаемый болью от ран и душевной мукой, сестра склонила голову на подушку возле его уха и зашептала свою мольбу, больше походившую на плач:

— Как случилось, что смерть забыла про нас, любимый братец? Наши матушка и батюшка давно в сырой земле под высокой липой. Дом наш стал ветхим и того и гляди обвалится без хозяйской мужской руки, которая бы блюла его как следует. Ты же всё лежишь тут и гниёшь заживо, а ведь завтра на рассвете твоя сестрица окажется в лапах чудовища Балоза... Жалкая жизнь во сто крат хуже смерти! — вскричала бедная девушка.

Он проснулся от её слёз на своей щеке. Сначала ему подумалось, что это дождь, сочащийся сквозь крышу, и он проклял свой ветшающий дом.

— Чтоб ты почернело, моё несчастное жилище! Чтоб ты сверху донизу поросло мхом и сделалось пристанищем змей! Как смеешь ты допускать, чтобы дождь мочил меня?! — воскликнул он в отчаянье.

Сестра отерла свои слёзы со щеки брата и всхлипнула:

— Это не дождь, любимый братец, кровля нигде не течёт.

И хотя она изо всех сил старалась скрыть своё горе, Дьердь Элез Алия обнял сестру немощной рукой и пристально посмотрел ей в глаза. Никогда прежде он не видывал, чтобы она плакала в его присутствии.

— Почему ты плачешь, милая сестрица? У меня сердце разрывается при виде твоих слёз. Целых девять лет я провёл, точно буковый листок на диком ветру, который то уносил меня в сторону смерти, то швырял обратно от самого её порога. Умоляю, сестра, скажи мне, что я такого сделал, что обидел тебя? Может быть, ты утомилась в ожидании, пока твой брат отмучается, а он всё тянет и тянет? Может быть, ты мечтаешь выйти замуж, ведь у тебя так много женихов? Молю, сестрица, скажи мне, что так тебя гнетёт? — промолвил он с нежностью.

— Нет, братец, не смей так говорить! Ты никогда не был жесток со мной, а мне ухаживать за тобой никогда не в тягость. Ты мой любимый брат, и пока ты жив, в моём сердце теплится надежда! — проговорила она в ответ, изо всех сил стараясь при этом улыбаться.

— Я плачу, Дьердь, потому что Балоз ждёт от нас к утру жареного барашка и... меня, бедную-несчастную! Уже две недели он наводит ужас на жителей окрестных сёл. Я хотела утаить от тебя эту весть, потому что не могла приложить ума, кто же будет заботиться о тебе, когда меня не станет... — вскричала она в отчаянье и горе.

Лучи утреннего солнца, проникавшие сквозь окно, тихонько бродили по полутёмной комнате, пока она описывала то, что при-

ключилось. Когда же она закончила свой рассказ, день уже был в разгаре, а Дьердь Элез Али всё это время внимательно слушал, не говоря ни слова.

И в какой-то миг он разом забыл про вои девять ран и девять долгих лет, что он беспомощно пролежал, прикованный к постели. Он выпрямился, точно стальной прут, вскочил на ноги и встал на холодном каменном полу, будто высокий и могучий дуб, уходящий корнями в землю.

— Выведи, милая сестра, мою соловую кобылицу и отведи её к лучшему в городе кузнецу, передай ему от меня привет и попроси подковать её, ибо я отправляюсь на битву с Чёрным Балозом и прикончу его! — воскликнул он.

В великом изумлении сестра оделась, вывела лошадь из стойла и во весь опор помчалась на ней в город, к кузнецу.

Завидев прекрасную гостью, кузнец тотчас отложил свои инструменты и вышел ей навстречу:

— Чем я обязан, красавица, чести твоего посещения?

— Я прошу тебя подковать эту лошадь лучшими медными гвоздями. Это кобылица Дьердя Элеза Алиа. Он шлёт тебе горячий привет вместе с вестью о том, что едет утром на смертный бой с Балозом, чтобы прикончить его, — ответила девушка.

Кузнец рассмеялся ей в лицо:

— О да, девица-краса, много я слыхивал про это имя! Но ведь уже столько лет он лежит ни жив ни мёртв. Какой во всем этом прок? Давай-ка лучше я подкую тебе лошадь лучшими гвоздями в обмен на один твой поцелуй...

— Проглоти свой поганый язык, глупый коваль! Брат сказал мне, что ты лучший из кузнецов, но я вижу, что ты просто негодяй и плут! — ответила она ему на это с презрением.

Она вышла вон и отправилась к другому кузнецу, который был уже стар и всеми уважаем. Она бывала у него в гостях вместе с братом раза два или три ещё совсем маленькой девочкой.

Ростом он был под два метра, грудь его была точно пивная бочка, а руки — как два небольших крепких древесных ствола. Каждый день он ещё затемно принимался за работу, раздувая огонь в горне. Он мог выковать любую подкову на самый взыскательный вкус, и, когда его молот обрушивался на раскалённый металл, огненные искры летели во все стороны, как настоящий фейерверк.

Какое-то время она стояла в дверях, ожидая, пока он закончит очередной заказ, и дивилась его мастерству. И вот он опустил

рдеющую подкову в ушат с холодной водой, подождал, когда рассеется поднявшееся громадное облако пара, и оборотился к госте.

— Юная госпожа Алия! — воскликнул он, когда узнал от неё, кто она такая. Вытерев насухо свою ладони, он подошёл и пожал руку юной госте.

— Дьердь Элез Алия шлёт тебе привет и просит подковать его кобылицу лучшими медными гвоздями. Завтра он отправляется на поединок с Балозом, чтобы навсегда покончить с этим чудовищем и избавиться от него нас всех...

Кузнец не рассмеялся над этим словами и не стал просить ничего взамен от прелестных уст, вымолвивших их. Лицо его озарилось доброй улыбкой, и он тотчас принялся за дело.

— Как я рад слышать, что Дьердь поправился. Я так подкую его кобылицу, что она будет нестись быстрее ветра. Передай твоему брату моё почтение. Да пребудет с ним удача! Для меня великая честь помогать такому человеку! — говорил кузнец, не отрываясь от работы.

Вернувшись от кузнеца, сестра нашла своего брата уже стоящим у ворот в полном боевом снаряжении. Он обнял сестру и сказал ей: «Мое стадо овец и баранов пасётся и тучнеет не для злобного Балоза, а моя милая сестрица никогда не будет принадлежать ему. Не будь у меня тебя, некому было бы заботиться о моих ранах... Завтра я буду биться с Балозом, чтобы прикончить его, и только если я паду в бою, ему достанется то, что по праву принадлежит мне».

В ту ночь брат и сестра проговорили, не сомкнув глаз, до самого рассвета. Ни он, ни она не чувствовали ни усталости, ни страха; они были счастливы, особенно сестра, потому что впервые за девять лет не она заботилась о своем брате, но он о ней. Он принёс воды из колодца, напоил и накормил всю скотину, а сестра приготовила на огне знатный ужин.

Первые рассветные лучи, упав на землю, казалось, уже обогрили поле будущей битвы. Дьердь Элез Алия выехал навстречу врагу, едва угасло пламя зари, а Балоз, свирепея от злости, уже поджидал его.

— Что это за храбрец, который осмелился бросить вызов мне, Балозу? — прогремел великан.

— Это я, Дьердь Элез Алия, и я прикончу тебя, как дикого зверя, ибо зверь ты и есть! — крикнул конник ему в ответ.

— Не трать зря свою жалкую силёнку, Дьердь Элез Алия, ведь я вижу, что ты весь изранен. Не великодушно было бы с моей стороны пришибить такого слабака. Возвращайся-ка ты домой, а мне отдай барашка и твою прелестную сестрицу. И чтобы я больше о тебе не слышал!

— Не дождёшься, злобный Балоз! Пусть я стою одной ногой в могиле, смерть ещё меня не одолела и не одолеет, пока не окончена моя последняя битва. Сначала я сокрушу тебя и снесу с плеч твою мерзкую голову!

И с этими словами соловая кобылица взвилась на дыбы и во весь дух бесстрашно помчалась на Балоза. Слова Дьердя поразили великана, и в ярости он со всей мочи швырнул свою палицу во всадника и его лихого скакуна, но кобылица, которая неслась быстрее молнии, мгновенно согнула передние ноги, и огромная булава просвистела по воздуху прямо над ними. Она ударилась об землю с такой силой, что ушла вглубь на двенадцать саженей, подняв целый столб пыли и комьев спекшейся от зноя почвы.

На всем скаку, истомившись без движения и ратного дела за целых девять лет, в великой ярости Дьердь метнул свою булаву в голову Балоза с такой силой, которой хватило бы на десятерых могучих воинов, и с отчаянным криком, вырвавшимся из груди:

— Сгинь ты, злобный Балоз! Так велю я, Дьердь Элез Алия!..

Быстрее ветра и неотразимей пушечного ядра, вращаясь со свистом, пролетела по воздуху богатырская палица и угодила Балозу прямо в лоб. И хотя на голове чудища был стальной шлем, тот не смог выдержать такого удара и треснул, точно большой орех, сорвавшийся наземь с верхушки дерева.

Голова великана тоже раскололась надвое, не выдержав натиска ярости и праведного гнева Дьердя. Всё, казалось, замерло в то мгновение: великан стоял как вкопанный, не веря в то, что произошло, и ужасаясь. Затем очень медленно он начал заваливаться назад и со страшным громом, словно то было землетрясение, могучее тело великана рухнуло наземь, отчего ссохшаяся земля во всей долине пошла ходуном.

Прошло несколько минут, прежде чем осела пыль. Тогда Дьердь спешился и в безмолвии подошёл к тому месту, где пал за смертью поверженный великан. Рассечённая голова Балоза была свернута на сторону, а отлетевший шлем валялся поодаль. Его остекленевшие глаза всё равно взирали на Дьердя с выражением неверия и

удивления. Дьердь выхватил меч из ножен и одним махом отсек чудищу голову.

Он привязал мёртвое тело великана к хвосту своей кобылицы, волоком свёз до реки и сбросил в бурный поток. Тотчас же вода почернела, и раздавшееся зловоние заставило и всадника и лошадь поворотить прочь. А река унесла мерзкие останки далеко-далеко назад в море, откуда чудище когда-то и появилось...

Приторочив отрубленную голову с её густой чёрной гривой волос к седлу, Дьердь спустился с холма в селение, где весь народ приветствовал его как победителя радостными криками.

— Послушайте, люди добрые, мою последнюю волю. Моя сестра заботилась обо мне в течение всех этих последних девяти лет и тем спасала меня от смерти, которая меня уже заждалась. У этой безропотной страдальицы ещё вся жизнь впереди, и я прошу вас как следует позаботиться о ней и сделать так, чтобы она жила в радости и счастье и не знала ни нужды ни горя. Моя милая сестрица заслужила себе такое право. Я завещаю ей всё, чем владею, и пусть заживёт она вольготно и весело с добрым мужем, который будет достоин её доброты и верности! — провозгласил он во всеулышание.

Затем он тихонько опустился на бульжную мостовую, обнял сестру, прикрыл глаза и безмолвно, мирно усоп. Односельчане похоронили его как героя с величайшими почестями под той самой высокой липой, где он любил сживать, чтобы сила его несгибаемого духа продолжала жить в этом прекрасном дереве. И нередко ночной порой сестра отворяла ставни на окне, чтобы полюбоваться на липу, освещённую луной, и послушать птиц, которые пели так, что без труда можно было разобрать слова:

Путник, путник, странник милый,
Задержись пред сей могилой,
Помолчи, не плачь, не вой,
Здесь покоится герой,
Сенью липы вековой
И плащом родной земли
Тут укрыт Дьердь Элез Али...

Перевод с английского А. Верникова
Редактор И. Елисеев

Александра ФЕДОРОВА

Родилась в Челябинске, детство и юность провела в Южно-Сахалинске, с 1962 г. живет в Братске. Ответственный секретарь клуба «Литературное братство» г. Братска. Руководитель Информационно-досугового центра ветеранов. Часто выступает со своими стихами и песнями.

Печаталась в сборнике стихов и песен «Люблю тебя, мой край родной», в альманахах «Счастье быть собой», «Новый енисейский литератор», «Енисейка» (Братск), «Тула литературная». Издала 2 книги стихов и сказок.

Проживает в г. Братске.

ВИРТУАЛЬНЫЙ СОН

*Маленький роман
Фэнтези*

1-я глава

Дальний Восток! Сопки, заросшие густым малинником, яркий солнечный тёплый день уже не лета, но ещё и не осени. Безветренно. Жужжат летающие насекомые; пчёлы, осы. Небо чистое, лишь с запада пара лёгких небольших облачка.

Дети только пошли в школу. На больших переменах они забираются по тропинкам на сопку и объедаются спелой малиной. Кое-где кустики костяники, моховки, клоповки, брусники. Ягода крупная, сочная. Говорят, что здесь повышен естественный уровень радиации земли, потому и растения выше и плоды крупнее, чем в Западных областях России.

Дети не придают особого значения этим утверждениям и с удовольствием лакомятся дарами Природы без разбора.

Вот и три девчущки-подружки лет 13—14 полезли выше всех, свернули по тропинке влево и скрылись за бугром.

— Смотри, смотри, Светка, а что это такое?

Одна из девчонок оперлась о выступ бетонного основания и заглянула вниз, внутрь заросшего малинником колодца. Света и Поля с любопытством стали рассматривать бетонную растрескавшуюся трубу с кое-где сохранившимися скобами, что вели туда, в таинственную глубину.

— Вот бы посмотреть, куда ведёт эта шахта, — сказала Поля.

— Ты что, спятила? Посмотри на скобы, они еле держатся. Туда залезешь, обратно не выберешься. Нет. Я туда не ходок!

И Галинка, третья подружка, решительно отошла от колодца, потянулась за ягодкой.

— Ой, девчонки, мы на урок опоздаем. Уже звонок прозвенел!

И Света, легко перепрыгивая с выступа на выступ, быстро понеслась вниз по тропинке к стоящей у подножия сопки школе. Галя и Поля помчались вслед за ней. И, правда, детей около школы уже не было.

День прошёл обычным чередом и девочки забыли о нечаянной находке. И только Полю беспокоило любопытство. Ну, очень хотелось посмотреть, что там внутри сопки. Всяких угольных штолен на сопках было не мало. Они были старыми, частично засыпанными с обвалившимися брёвнами. Ходить туда запрещалось из-за обвалов, происходивших здесь, особенно после землетрясений, которые здесь были не редкость и разной силы. Надо сказать, что Полюшка, как звала её мама, росла любознательным ребёнком, много читала, и, порой, удивляла окружающих своими знаниями, логическими рассуждениями. Если ей не хватало информации, она включала своё воображение и такого могла выдумать, что мама смеялась: «Тебе бы книжки писать!»

Поэтому совсем не странно, что, на следующий день, Поля, оторвавшись от подруг, снова нашла этот колодец, обошла во-круг и, крепко держась за край, осторожно стала спускаться вниз. Скобы пошатывались, но держали лёгкое девичье тело, и она благополучно достигла дна.

Подняв голову, она видела чистое, светлой голубизны небо. Здесь было сухо, пахло тёплой землёй. От начала колодца вело вглубь сопки отверстие, круглое, кольцами. И хоть уже высохшее и осыпающееся, но достаточно прочное. Казалось, что какое-то крупное животное, проползая в земле, оставило здесь свой след. Примерно метров через десять, проход делал поворот и уходил далее, в темноту.

Поля остановилась в нерешительности. Дальше идти было не безопасно. В груди у неё появился холодок и желание вернуться. Но фантазии увидеть нечто необычное, останавливали девочку и она продолжала всматриваться в темную пустоту.

2-я глава

В это время что-то случилось. Сильный удар, волна густой удушливости, всё оглушило и охватило девочку, и вот она уже мчится с нарастающей скоростью, теряя всякую опору, вниз. Ей кажется, что она летит, размахивая руками, при этом в голове нет никаких мыслей. Всё так внезапно и быстро, что она не успевает даже кричать. Так же внезапно всё заканчивается. Девочка в полной темноте пытается ощупать вокруг себя пространство, но его нет. Вокруг как бы пусто. Кричать нет голоса, он не повинуется ей. Поскольку ничего не видно, как ни таращ глаза, Поля совсем закрыла их. И, потихоньку, цепляясь за землю всем телом, поползла вперёд. Состояние было необъяснимо. Всё как во сне. Воспоминания исчезли, та половина жизни осталась где-то далеко и не давала о себе знать. Опыта жизненного нет. Кажется, что она ползёт бесконечно. Наконец она обессилела настолько, что не могла двигаться. Это конец! Девочка заплакала. И, вдруг, она услышала музыку. Играла скрипка. Красивая, незнакомая, чистая мелодия звучала в темноте и, как бы, звала её вперёд.

Поля напряглась и из последних сил, потянувшись в сторону звука. Рука коснулась какого-то препятствия. Поднявшись, ощупывая стену, Поля осторожно продвигалась вперёд. Немного усилий, и она нашла щель, и проскользнула в неё.

Это была удивительная комната. Стены её отливали слабой синевой. Освещения было достаточно, чтобы Поля могла рассмотреть убранство комнаты и того, кто тихо сидел на ковре и играл на скрипке. Комната была большая, просторная, из мебели только стол, широкая тахта, кабина, напоминающая лифт, пара дверей в боковые комнаты и электрооборудование, назначение которого Поля было неизвестно. Помещение было наполнено каким-то густым воздухом, но настолько живым, что, казалось, будто они находились внутри живого организма.

Пока Поля, молча, без мыслей, стояла и смотрела вокруг, ничто не нарушало покоя, всё было, как было. Молодой человек, чуть постарше её, сидел и спокойно играл на скрипке. Стоило только ей подумать: «Славно парень играет!», как он насторожился, отложил скрипку и тихо, без слов, спросил:

— Ты кто? Как ты сюда попала? Как тебя зовут?

Его большие тёмные, удлинённые глаза недоумённо рассматривали девочку.

Странное дело. Здесь совсем не надо было открывать рот, достаточно было только обмениваться мыслями.

Поля стала усиленно рыться в памяти, вспоминая своё имя. Видимо от неё исходило какое то свечение. Молодой человек улыбнулся:

— Не напрягайся, давай я помогу тебе.

Он взял какой то прибор со шнурами и хотел это надеть девочке на голову. У неё закружилась голова, она чуть не упала.

— Да ты голодна, — не открывая рта, проговорил он.

Подошёл к столу, нажал кнопку, и на столе появился тюбик, как зубная паста.

— На, подкрепишься.

Поля вмиг высосала содержимое. Ей стало легко и весело.

— Теперь будем вспоминать, — и он надел прибор ей на голову. — Смотри на экран.

На экране ничего не было видно, лишь отдельными слайдами промелькнули картинки, из которых они заключили, что имя девочки Полин. Так он её назвал сразу и далее звал только так.

— Да, трудный случай, — сказал он. — Ну, ничего, будем жить!

Пытаясь дать ей что-то вспомнить, Ким, так звали юношу, проиграл ей несколько произведений великих мастеров. Игра была чудной, красивой. Полин слушала музыку и внимательно рассматривала молодого человека. Она была просто ошарашена увиденным. У парня было четыре руки. Две обычные, как у неё, и две поменьше, как бы вспомогательные. Игра на скрипке была в четыре руки, и, поэтому звучала так необычно и прекрасно. В обычных делах он пользовался двумя главными руками, а две другие прижимались к телу и были даже не видны.

Для него это было вполне естественно, и парень нисколько не смущался, видя её разглядывание и удивление.

3-я глава

На станции была тревожная суета. Не первый раз уже потряхивало Восток. Наличие потухших и дремлющих вулканов заставляло быть всегда начеку. Но в этот раз неожиданно отказал один из клапанов оборудования, и это настолько понизило давление

на станции, что нарушилась связь, давно и хорошо отлаженная, между верхним и нижним ярусом скальной гряды, поддерживаемая магнитным равновесием больших платиновых пластин.

Когда все страхи улеглись, Пет вспомнил о своём подопечном Киме и включил монитор. Увиденное поставило его в тупик.

Во-первых, Ким всё это время бастовал, отказывался от еды. Мальчик вырос, ему хотелось общаться. Инстинкт размножения толкал его на всё новые и новые грубые поступки. Сегодня же он попросил есть, и при этом употребил вдвое больше пищи, чем обычно.

Во-вторых, существовала ещё какая-то причина, о которой Пету, якобы, знать не полагалось. На мониторе это место было закрыто туманным пятном. Раньше Ким так с Петом играл в прятки. Теперь же что-то Пета насторожило. Придётся лично навестить Кима. И он направился в сторону лифта.

Лёгкий звук движущегося лифта встревожил Кима. Кроме Пета он никого не ждал, но и его сегодня видеть не хотел. Ему было хорошо с незнакомкой, такой хорошенькой, неизведанной. Ким встал с ковра и со скрипкой в руке принял угрожающую позу. Лифт открылся, и вошёл Пет.

Это был старый учёный небольшого роста, переживший войну, плен, тысячи разочарований, не имевший ни семьи, ни детей. Ким был его единственной отрадой, его детищем, его собакой, которая до сих пор служила ему честно и верно. Видя взросление Кима, он уже задумывался о его будущем. Ким будет жить, пока жив он, а Пету осталось совсем не много. В лаборатории Пета было несколько подобных экземпляров, выведенных от перекрёстного оплодотворения человека и животного, но этот был самый удачный экземпляр. На его лабораторию положил глаз молодой учёный Фил, и настойчиво пытается отобрать её, умаляя успехи Пета.

Пет вздохнул и вошёл в комнату.

Удивлению его не было границ. За Кимом, на ковре, как туманное пятно, сидела прелестная девчушка лет 14–15.

— Кто ты? Откуда? Как сюда попала? — изумился он.

Его мысленное изумление было так наивно, что Полин засмеялась.

— Я не знаю. Это всё он, — и девочка показала рукой на Кима. — Он заиграл и я прилетела.

Пет задумался. Не связано ли её появление с нарушением на станции. Надо будет ещё раз осмотреть оборудование, проверить сознание девочки, вдруг там разгадка?

— Ну, что ж, давайте будем ужинать и знакомиться!

День закончился спокойно. Стены постепенно темнели, часы на стене показывали полночь. Пет ушёл в аппаратную станции проверить, не видел ли ещё кто-нибудь изменения в лаборатории Пета.

А дети улеглись на тахту и уснули.

4-я глава

Пет понимал, долго скрывать наличие девочки в лаборатории не получится. У молодых возможна половая близость и появление ребёнка. Пету, как исследователю, это очень интересно, возможно ли потомство у клонированного вида. Как посмотрит на это руководство станции? Спустя несколько дней он решился.

Чтобы не было излишних кривотолков, сначала Пет попросился на приём к научному руководителю станции.

Сим-По, учёный — исследователь с мировым именем, прибывший с научной конференции «О продлении жизни человека на земле», внимательно выслушал рассказ Пета о взрослении Кима и о появлении девочки на станции. По лицу Сим-По невозможно было догадаться, удивлён он или нет, доволен или сердится. Немного подумав, он сказал:

— Время ещё есть. Эксперимент продолжается!

Пет воодушевился. Теперь он часто посещал Кима и очень привязался к девочке, как к дочери. Видно было, что дела у этой парочки идут хорошо и скоро у них будет потомство.

Полин и вправду полюбила Кима, как и он её. Им не надо было разлучаться. Они всегда были рядом и практически не ссорились. Ким был неистощим в проявлении любви. Лаская её всеми четырьмя руками, он доводил её до иступления. Она изнемогала от его непрерывных ласк и утомлялась. Животик округлился, ребёнок жил и просился наружу. Девочка сильно похудела. Это тревожило Пета, и он предупредил Кима о последствиях. Питание Полин было усилено. Она больше отдыхала, слушая игру Кима на скрипке.

Пришло время родов. На станции уже знали об эксперименте и ждали новостей. Родился прелестный мальчик. Такие же удлинённые большие глаза, как у Кима. Полин аккуратно перевернула малыша на ладонке. Её интересовали руки младенца. Да. Всё так же, как и у отца. Две ручки нормальной длины, и чуть ниже слабенькие ручки, как крылышки. Полин слабо улыбнулась. Её беспокоила худоба ребёнка.

Прошла неделя после родов. Состояние малыша ухудшалось.

Он был очень слаб. Лежал неподвижно и смотрел на всех своими печальными глазами. Ещё немного, и его не стало. Полин и Ким сидели молча обнявшись, горе нельзя было объяснить словами.

5-я глава

А на станции гомон оппонентов.

— Я же говорил, что это тупиковый вариант. Давно надо было прикрыть эту лабораторию. У неё нет будущего, — шипел Фил.

Пет знал, что, если закроют его работу, Полин и Кима просто уничтожат, как неудавшийся эксперимент. Он не мог это допустить. Вечером того же дня, Пет пришёл в комнату Кима и Полин и рассказал им план действий.

Много лет назад, до работы на станции он купил квартиру в большом новом доме на окраине Парижа. Это было сделано как-то спонтанно, на всякий случай. Квартира была оборудована по последнему слову техники и научной мысли. Имелся воздушный лифт-коридор, который вёл на подземную станцию. Воспользоваться им можно было только один раз, чтобы не засветиться. Всё это держалось в строгом секрете. Если ситуация сложится так, что надо будет срочно покинуть станцию, он даст знак и дети с ним, или без него, воспользуются этим коридором. Квартира эта обслуживается приходящей прислугой. Есть запас продуктов и солидная сумма денег в банке на предъявителя кода. Пет быстро набросал несколько цифр на бумаге специальной ручкой и своё имя. Через минуту текст исчез, но Ким и Полин запомнили его. Этого хватит на несколько лет. Портрет Кима и Полин висит в холле, и прислуга знакома с ними. После их появления прислуга приходить не будет.

Всё это было им передано мысленно и показан набор кнопок в лифте. Пет успокоился. Теперь можно ждать разрешения событий.

6-я глава

А события развивались бурно. Ожидалась смена руководства станцией. Новый руководитель обещал обновить коллектив молодыми сотрудниками. Новые дела, новые темы. Лаборатория Пета закрывалась. Полин и Ким теперь много времени проводили перед экранами мониторов, вглядываясь в лица сотрудников, вслушивались в мысленные перепалки учёных.

И однажды случилось так, как и предполагал Пет. Перед экраном в другом зале разразился скандал с потасовкой. Фил опять что-то горячо доказывал Пету, оттесняя его в глубь лаборатории. Пет, отступая, зацепился ногой за стул и упал, ударившись головой о мраморный пол. Из головы полилась кровь. Когда его уносили, Пет пытался что-то сказать, взмахнув рукой, и скончался. Всё это видели Ким и Полин. Не надо было ждать, пришло время покидать станцию.

Ким и Полин в последний раз оглядели комнату, где они прожили счастливо много дней, и вошли в лифт. Набор кнопок — и они, взявшись за руки, понеслись по воздушному коридору.

Через мгновение открылась дверь, и Полин и Ким оказались в холле большой и чистой квартиры.

Ну вот, теперь им ничто не угрожало. Ким предполагал, какая суета возникла на станции в связи с их исчезновением. Безусловно, их будут искать. Надо пожить тихо, осмотреться. Полин чувствовала себя здесь прекрасно, воздух ей был знаком и полезен.

За неделю щёки её порозовели, глаза заблестели. За окном шумела жизнь, а ей только 15 лет. Совсем иначе чувствовал себя Ким. Он слабел на глазах. Руки его дрожали, вторая пара ручек висела как плети. Глядя в его печальные, грустные глаза, Полин страдала, но сделать ничего не могла. Врачу показывать Кима нельзя. Ким сам был против этого, опасаясь за Полин. Такая огласка им была не нужна. А прозрачный, чистый воздух был вреден для Кима. Теперь они не могли общаться. Он не мог говорить, воздух не проводил его мыслей, а её слова были ему не слышны. Что делать? Знаками она пыталась ему говорить, что лучше бы они остались там, на станции, в лаборатории, и приглашала его снова в лифт. На что он отчаянно жестикулировал: «Нет, нет, ни за что!»

Сегодня ему было особенно плохо. Он уже не мог есть, поднять голову с кровати. Но глаза были спокойны и уверены. Знаком он

попросил принести ему ручку и бумагу. Потом попросил воды или чаю. Полин пошла в кухню. Когда она вернулась, Кима уже не было. На бумаге крупными буквами было написано:

«Милая, не ищи меня, это бесполезно. Я возвращаюсь. Я очень люблю тебя, помни это. Будь счастлива. Твой Ким».

Она кинулась к лифту. Лифта не было. Всё исчезло раз и навсегда.

— Ким! Ким! — рыдала она.

Это было невыносимо. Потеряв ребёнка, потерять ещё и любимого человека. Она ходила из угла в угол, плакала на полу и на подушках. Казалось, жизнь потеряла всякий смысл.

Опухшая от слёз, без мыслей, уставшая от горя, Полин вошла в ванную. Набрала воды и, раздевшись, посмотрела на себя в зеркало. Со спины, чуть ниже лопаток, у неё явственно были видны два отростка. Это формировалась новая пара рук. Странное чувство появилось у неё. Значит, она стала такая же, как и Ким. А поэтому её ждала такая же участь, как и Кима. Но у неё уже нет лифта, чтобы покинуть этот мир и умчаться к нему.

— Ким, Ким, что же ты наделал? — закричала она. — Ты бросил меня.

Неловкое движение Полин, и вот она всем телом падает в ванну. Удар был так силён, что сознание покинуло её.

7-я глава

Прошло немного времени. Поля пришла в себя, пошевелила рукой и села. Побаливала голова. Рядом лежал кусок крупного корня. Видимо, воздушной струёй занесло его в этот колодец, и, пролетая, он задел девочку.

«Всё понятно, опять землетрясение. Надо выбираться отсюда, — подумала она. — Дальше я одна не пойду, а девчонок не уговорить. Да и интересного ничего нет, ни шороха, ни звуков».

Поля вернулась к началу пути и осторожно, шаг за шагом, поднялась вверх и вылезла из колодца. Любопытство было удовлетворено. Солнце стояло высоко, было тихо. Чуть ниже паслась в малиннике малышня. Поля, легко подпрыгивая, поскакала в сторону дома, где уже заждались её подружки. В её голове не было никаких мыслей, она ничего не помнила. Всё, что произошло, было путешествием в её подсознании, такое быстрое, что не оста-

вило следов, не взволновало кровь. Говорят, что в экстремальных ситуациях у человека за миг проходит перед глазами вся его жизнь. Может быть, Поля прожила в сознании жизнь, предначертанную ей свыше. Кто знает!

Возвращаясь домой и проходя мимо небольшой церкви, Поля подняла глаза. Над входом в церковь висела икона Иисуса Христа. Её глаза встретились с удивительно знакомыми, продолговатыми, красивыми глазами Спасителя. Поля вздрогнула от неожиданности. Правая рука сама поднялась и перекрестила её. А на ум пришли слова: «Я очень люблю тебя. Будь счастлива». На душе стало светло и радостно.

Поля знала, что всё у неё будет хорошо. Жизнь продолжается!

СКАЗ ДЛЯ ДЕТЕЙ, КОТОРЫЕ СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ...

ПРОЗРЕНИЕ

В некотором царстве, а ближе, в Российском государстве, а если ещё ближе, то в одном селении жили-поживали мужик да баба. Ему уже за сороковник далеко, а ей и того уже более... Он, собой хорош, девчата за ним подолом мели, много их поперебирал, но ни одна ему не по нраву. Так до сих пор и не женат был. Друзья пеняли ему:

— Ты, чё, паря? У нас уже скоро внуки будут, а ты всё в бобылях ходишь. Уж все девки от тебя отвернулись. Женись хоть на Аграфене.

А Аграфена через дом от него жила одна в родительском доме. Тоже никак пару себе найти не могла. Одного похоронила мужа, двоих так выгнала, прожив с каждым не более года. Говорят, больно жёсткая баба. Всё не по ней, не угодить никак.

На одних таких посиделках, в изрядном подпитии, Никон (так звали мужика) сдался:

— Я бы её враз уломал. Стала бы шёлковой.

— Ну, так иди, иди! — подталкивали и хохотали друзья.

Вот так однажды вечером и появился Никон на пороге Аграфены, чем весьма удивил её. Глаза сузив, приняла, чаем напоила и спать уложила. Слов почти не было. Попав под влияние этих жёстких, волевых глаз, Никон был послушен, как ребёнок.

Утром, проснувшись с похмелья и осознав, где находится, он осторожно вышел на крыльцо. Хотел было тихо слинять, да увидел доску, прогнившую на ступеньках крыльца.

«Упадёт же когда-нибудь», — подумал он об Аграфене. Заглянул туда-сюда, нашёл молоток, гвозди, ножовку, присмотрел доску взамен, и пошла работа.

Вышла на стук заспанная Аграфена. Глаза её расширились. Ничего не говоря, стала готовить завтрак.

Крыльцо было починено. Никон собрался уже уходить, как Аграфена позвала его по имени. Друзья же его все то Никишкой звали, то Никичем, то ещё как попало.

— Никон, иди завтракать!

Вот так и остался Никон при Аграфене. Домой идти в пустую хату не хотелось, а здесь столько мужской работы скопилось, есть где себя показать. Да и Аграфена — баба что надо... С работы теперь домой к ней спешил ласку заслужить. На колкие вопросы друзей гордо расправлял плечи:

— Я же обещал. Будет как шёлковая!..

А Аграфена на бабьи трещётки вообще не реагировала, это ей не впервой было.

— Посмотрим, — отвечала.

Так прожили около года. Аграфена не беременела, да и поздно ей уже было, а Никон очень хотел ребёнка. Да, в общем-то, не так хотел его, как иметь возможность одержать верх над Аграфеной. Вот, мол, и старше, и родить не можешь, за то и мужики бросали...

Дошло до того, что стал руку на неё поднимать. Соседям говорил:

— Раньше на Руси мужик бабу раз в неделю по субботам бил не спрашивая, виновата ли.

Аграфена молчала, терпела. Может, и вправду полюбила. А когда Никон сказал, что ему всё надоело, уходит, мол, потемнела лицом.

Лето выдалось дождливое, грозное. В одну из таких ночей загорелся дом Никона, будто молния в него попала. Ничего не могли спасти, так быстро всё сгорело. Погоревал Никон на пепелище, и более разговоров об уходе не было. А куда идти-то, кому он без хаты нужен?

Но Аграфену регулярно побивал, потом жалел. Так прожили ещё год.

А далее вышло и более несуразное. Заболели у Никона глаза, а через некоторое время он и вовсе ослеп. Беспомощен стал, совсем как малое дитя. Без Аграфены даже по малому сходить не мог. Мама родная, что делать? Теперь не ему, а ей бы его поколачивать, да нельзя. Никон у неё, как слепой кутёнок в доме, ни пользы от него, ни проку, одна забота. Врачи ничего утешительного не говорят, лекарства не помогают. Бабок к нему домой приглашала, денег на его лечение потратила не меряно, а результата положительного нет. А Никон к тому же стал подумывать о том, как покинуть этот мир и не быть Аграфене в тягость. Однажды еле успела его из петли вынуть.

И что тут сказочного, скажете вы?

Когда человек намается от боли и безысходности, то готов на любое действие. Никон говорил, что если бы сказали, что детская ка-ка поможет выздороветь, то не только бы съел, но и попку младенцу облизал. Друзья, подруги жалели Аграфену.

— Надо же, как не повезло бабе. Только вроде жить начала людски, замужем, и вот тебе...

Однажды одна из подружек говорит:

— Сама не читала, врать не буду, но слышала, что где-то написано, как Иисус Христос слепого вылечил. Вывел его, чтобы никто не видел, и промыл ему глаза из первородного родника. Наказал никому не рассказывать, что видел. А слепой сразу прозрел и в Бога поверил, — а далее женщина добавила уже от себя видно: — Только это надо делать трижды после молитвы, и чтобы больной испугался. Тогда лекарство и мозг, и сердце, и душу омоет.

Зацепили эти слова Аграфену, и стала она думать, что это за лекарство и как ей ловчее это проделать. Домыслила сама всё, что подсказала её фантазия, и однажды уговорила мужа лечь спать на полу. А когда он уснул, сотворила молитву, попросила Господа помочь ей излечить супруга, как когда-то Он излечил больного, присела перед лицом его на корточки и... Живительная, горячая влага безудержно хлынула на Никона, заливая глазные впадины, нос и уши...

От неожиданности Никон заорал, ему показалось, что он тонет. Аграфена подскочила, тоже испугавшись, и стала, ласково обнимая и целуя, его уговаривать. И правда, любовь — великая сила! Муж успокоился и уснул снова у груди Аграфены.

Труднее было уговорить Никона лечь снова спать на пол на следующую ночь. Всё повторилось, как в прошлый раз. Крики, слёзы, сопли. И поцелуи, уговоры и ночь, полная любви.

Третья ночь была самой мучительной. Улучшение было налицо. Прошла краснота век, гноя стало значительно меньше. Больному явно полегчало. Но он долго не мог заснуть. Только Аграфена, прочитав молитву, присаживалась над лицом Никона, как он, будто по запаху ощущая приближение процедуры, просыпался и звал её по имени. Изнемогла Аграфена, и рассердилась, и наплакалась. Взяла две спринцовки, наполнила их содержимым, и, осторожно подкравшись к Никону, она резко, с силой, нажала на резиновые колбочки. Струи проникли сквозь ресницы, раскрыли веки и глубоко омыли глазные яблоки. Видно, Никону было очень больно. Опять крики, маты. Вспомнил и своих родных, и чужих. И опять она плакала и жалела его, и любила всем сердцем. И опять он уснул, уткнувшись ей в грудь, как ребёнок малый.

...И было утро! И была молитва. Господи, Слава тебе! Никон впервые за последние долгие месяцы сказал:

— Грунюшка, а ведь я вижу!

И снова обоюдные слёзы, объяснения в любви, и нежность, и ласки, идущие из самого сердца.

Никон поправился, вновь вышел на работу. Через год у них родился сыночек. Радости у Никона не было предела. Он стал гордым и сильным духом. Когда бывшие молодые подружки пытались задеть его, говоря об Аграфене, он лицом становился жёстким, презрительно кривил губы:

— А чем ты можешь похвалиться? Что у тебя есть за душой, кроме твоего возраста? Ну, скажи, чем ты лучше моей Аграфены? Пошла вон!

А со двора только и слышалось: « Грунюшка моя, где ты, милая?.. Душа моя!.. Солнышко моё!..» И другие ласковые слова, которые идут от сердца, в котором живёт любовь.

Вот, друзья мои дорогие! Любите друг друга, живите в добре и радости. Помогайте один другому всегда, в любом горе. Это испытание, которое посылает нам судьба, всегда надо нести достойно и верить, что всё будет хорошо. Этому учит молодых венчание в церкви. Будьте счастливы!

Вы злословье, как порок,
Не пускайте на порог.
Пусть завистники не лезут
В ваш семейный диалог!

Вот такая получилась сказка. А может и не сказка, а история, подслушанная где-то в дороге и покоровившая своей искренностью и добротой.

СКАЗКА О БАБЕ ЯГЕ — КОСТЯНОЙ НОГЕ И КОЩЕЕ БЕССМЕРТНОМ

В густом, тёмном, как душа человеческая, лесу, полном буреломов, не проходимых чащоб, жили — были Баба Яга — Костяная нога и Кашей Бессмертный. Так давно они жили — поживали, что давным-давно позабыли, откуда они взялись и кто их отцы-матери.

Баба Яга была так стара, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Горбата, нос крючком, из зубов один лишь остался, да и тот шатался. Одна отрада была у неё, это сказывать Кошеем свои сказки. Но они были настолько длинны, что Кошей не выдерживал и засыпал. До сих пор ни одной сказки не запомнил до конца.

А Кошей был настолько худ, что рёбра его торчали во все стороны. Глаза навывкате, макушка голая без волос. Дерюжка рваная болталась на нём, как тряпка на ветке. А при этом ещё и сильно заикался. Слюной брызжет, ничего не понять, что сказать хочет. При всём при этом имел Кошей слабость, складывал стихи обо всём, что видел вокруг. И, конечно же, читал их Бабе Яге. А пока он, трудно выговаривая слова, пытался продекламировать ей свои сочинения, у Бабы Яги не хватало терпения и она шлёпала его чем попало по лысой макушке и уходила, так и не дослушав. Вот так, дрались, царапались, но жили-доживали они в своём лесу. А поскольку других людей вокруг более не было, то и сравнивать им себя было не с кем.

Наконец наступил период, когда сказки Бабой Ягой все были придуманы и рассказаны, стихи Кошеем сочинены и прочитаны. Почувствовал Кошей, что нет больше рифмы, стихи не складываются. И им стало скучно.

— А что, Кошей, давай, пойдём, куда глаза глядят, может, новое что узнаем, или дерево с молодильными яблоками найдём, сказала однажды Баба Яга.

Как я зол, одинок,
Не идёт еда мне впрок.
Мир пойду искать другой
С бабкой, старую Ягой!

— О, вроде складно получилось, — подпрыгнул Кошей. — Или рифма ко мне вернулась?

Но это были её остатки. На следующее утро они выступили в поход по дремучему лесу.

Шли, шли они, долго шли. Речки перепрыгивали, буераки, овражки обходили. Казалось, вся земля, это густой, сплошной лес. Притомились и присели отдохнуть под большим грибом Мухомором. А Мухомор этот тоже был очень стар, и многое знал, и про Кошея с Бабой Ягой наслышан. А поскольку он был ядовитый гриб и вредный, решил он подшутить над ними и вступил в беседу. Обрадовались Кошей Бессмертный и Баба Яга говорливому собеседнику и рассказали ему о своих проблемах. Кошей пожаловался, что стихи не пишутся, рифма покинула его, и заикается сильно. А Баба Яга горевала, что ступа с метлой развалилась, приходится пешком ходить, и сказки не сказываются, не о чем.

Гриб Мухомор хитро усмехнулся, собрал все свои последние силы и говорит:

— Э, Баба Яга, твоя печаль и не печаль вовсе. Подожди чуток, появится ясный молодец — удалец, изладит тебе ступу, только пользоваться ты ею будешь иначе. И жизнь твоя пойдёт по — другому, и сказки будешь сказывать новые.

— А у тебя, Кошей, дело потруднее будет, вряд ли ты сможешь его справиться.

Шея у Кошея ещё сильнее вытянулась, того и гляди из лопаток выскочит.

Мухомор продолжал:

— Надо тебе влюбиться в Бабу Ягу. Вот тогда к тебе вернётся твоя рифма, и стихи будут слагаться красивые, и заикаться навсегда забудешь. Ты должен сказать ей три слова, да так сказать, чтобы она заплакала. А слова эти не простые, волшебные. «Я люблю тебя!»

Больше ничего не успел сказать он и рассыпался. Из-под его шляпки разбежались споры во все стороны новую жизнь начинать. Только кучка пыли осталась от Мухомора.

Сидят Кошей Бессмертный и Баба Яга, смотрят на эту кучку. У Кошея чуть глаза не вылезли из орбит, а у Бабы Яги последний зуб, что шатался, выпал от такой неожиданности. Пришли немного в себя. Баба Яга всё по сторонам смотрит, молодца ищет, а где его взять, на всей земле их с Кошеем только двое. Стала к нему приглядываться, хорошие качества искать да жалеть.

— А что? Всё-таки мужичок! А что худ, так и откормить можно, — думала она, а сама всё ближе и ближе к нему подсаживается.

А Кошей глаза выкатил и удивляется словам Мухомора, и пялится на Бабу Ягу.

— И что это есть у неё такого хорошего, чтобы я волшебные слова ей сказать должен? Вон и крива, и горбата, и зубов нет, и нога костяная. Несчастливая!

И так стало ему жалко Бабу Ягу, что чуть сам не заплакал. Волна нежности накрыла его с головой. Не заметил, как тоже придвинулся к ней, обнял её за плечи и сам, не ведая как, нежно прошептал:

— Ягуша, ягодка, не печалься, я с тобой. Я люблю тебя!

И так ей стало хорошо, и так себя жалко, что не выдержала она и вдруг разрыдалась, в первый раз за всю свою вековую жизнь. Слезы фонтаном лились на лысую макушку Кошея, на грудь ему, окатив всего до самых ног.

И произошло чудо! Когда Баба Яга немного успокоилась и открыла глаза, она увидела, что её обнимает молодой, красивый юноша. А Кошей, придя в себя от такого волнения и волшебных слов, увидел в своих объятиях прелестную молодую девушку. И снова им не с кем было сравнивать друг друга, насколько они хороши, ведь по-прежнему вокруг никого, кроме них, не было.

Теперь они стали жить иначе, в добре и согласии. И у них появились дети, которые постепенно заселили всю землю. Появилось много новых, красивых сказок, которые вновь придумывала им теперь уже молодая Баба Яга, они пересказывались из века в век новым поколениям.

А к Кошеей вернулась его рифма, и он придумал много полезных, добрых стихов, которые читал своим детям и внукам. Они учились у отца и сочиняли свои стихи. А про заикание Кошей забыл начисто, будто и не было никогда.

Ай, да гриб Мухомор! Он и не подозревал, что его шутка может быть такой доброй и исполнится в точности.

Вот так, люди добрые! Теперь мы знаем наших сказочных прародителей. Живите мирно, согласно, растите в любви ваших детей, и жизнь покажется вам сказкой!

ЗВЁЗДОЧКА

В далёком царстве, в нашем государстве, жил да был Малыш. Такой хорошенький, пухленький, весёлый непоседа.

Был у него папа, который любил своего Малыша, но он был по-мужски строг и не многословен.

Была и мама, добрая, нежная мамочка, которая обожала Малыша, баловала его, целовала в щёчки, животик, спинку, все пальчики на руках и ножках. Малыш весело хохотал, ему это нравилось.

У Малыша была подружка, соседка, которая охотно нянчила его. Иногда она рассказывала ему сказки. Это были страшные сказки. В них жил Бабай, который почему-то был в самых тёмных местах и мог появиться неожиданно где угодно. Малыш пугался и плакал, а девочка смеялась.

Сегодня вечером всей семьёй пили чай с ежевичным вареньем.

— Хочешь, перед сном я расскажу тебе сказку?— спросила мама.

— Нет, нет, не хочу! — забеспокоился Малыш. Ведь за окном было уже темно и там мог быть страшный Бабай.

Малыш так сильно шлёпнул ложечкой по варенью, что капли его разлетелись во все стороны, а одна подпрыгнула высоко и прилипла к потолку.

Зная, как мама любит порядок и чистоту, Малыш открыл рот, скривил губки и готов был уже заплакать, пытаясь оправдаться, покаяться.

Мамочка конечно же поняла своего сынишку, взяла стульчик, встала на него, потом на тумбочку и осторожно нарисовала из этой капли на потолке смеющийся ротик, две точки — глазки и несколько лучиков во все стороны.

— Что это? Спросил Малыш, так и не успев заплакать.

— Это звёздочка. Она тебе улыбается, ответила мама.

Она взяла Малыша на руки и вышла с ним на балкон.

— Смотри, сколько звёздочек на небе. Выбери себе любую. Это будет только твоя звёздочка. А вот это моя, видишь?

Малыш во все глаза смотрел на небо. Звёзд было так много, они переливались огнями, как бы дразнясь и приглашая его. У Малыша даже голова закружилась от этого обилия блеска, и он закрыл глаза. Мама, легонько покачивая его, напевала. И Малышу приснилась сказка...

На балкон рядышком опустилась красивая Звёздочка. Платье на ней искрилось и переливалось различными бликами.

— Полетим со мной к звёздам, моим подружкам, я покажу тебе твой мир, — сказала она.

И они, взявшись за руки, полетели ввысь и проскользнули в окошко, из которого только что к нему опустилась его Звёздочка.

Там было много таких же, как и он, малышей, и все они были чем-нибудь заняты. Одни играли на различных инструментах, звучала знакомая мелодия:

Зажигает ночь огни,
Засыпай, Малыш, усни...
Пусть уйдут тревоги прочь,
Доброй, лёгкой будет ночь...
А-а, а-а, а-а, а-а!

ЭТО МАМА ПЕЛА ЕМУ КОЛЫБЕЛЬНУЮ ПЕСЕНКУ!

Малыш попытался подпеть. Вокруг засмеялись. Звёздочка сказала:

— Ты, наверное, будешь музыкантом.

И повела его к другим малышам.

Те макали кисточки в разные краски и рисовали красивые картины. Малыш тоже взял кисточку и сделал несколько мазков.

— Ты можешь стать художником, — одобрительно сказала Звёздочка и повела его дальше.

В этой группе малыши рифмовали различные слова, пытались сложить стихотворение. Малыш прислушался и прочитал:

У меня призванья нет,
Не художник, не поэт,
Не играю, не пою,
Только мамочку мою
Вместе с папой видеть рад,
Ну а вам я просто — Брат!

Три, четыре буквы —
Получилось слово.
А теперь словечки
Складываем снова.
Подружиться с рифмой —
Надобно терпение,
И тогда получим
Мы стихотворение!

— О! О-о-о! Радостно закричали и захлопали в ладоши малыши. — Ты — наш! Ты — поэт!

— Да, сказала Звёздочка, ты действительно будешь поэтом, и поцеловала его в лоб.

ЭТО МАМА, ПЕРЕКЛАДЫВАЯ МАЛЫША В КРОВАТКУ И УКРЫВАЯ ТЁПЛЫМ ОДЕЯЛОМ, ПОЦЕЛОВАЛА ЕГО.

А затем было утро. Солнышко просвечивало сквозь лёгкие тюлевые шторы и звало Малыша играть. Он открыл глаза, и первое, что он увидел, это звёздочку на потолке из ежевичного варенья, которая улыбалась ему маминой улыбкой. Он вспомнил сон и свою первую сказку. Теперь он не боялся и с нетерпением ждал вечера, чтобы перед сном послушать мамину сказку.

И вам, дорогие мои, добрых сказок и сладких снов!

Леонид ФЕДОРИЧЕНКО

Родился в 1935 г. в ст. Багаевской Ростовской области. Работал учителем физкультуры в школе. Первые стихи были напечатаны в газетах «Светлый путь», «Комсомолец», «Молот». Стихи вошли в сборник учителей-поэтов Дона «Были чары твои», изданный департаментом образования в 1994 г. Публиковался в альманахах «Признание», «Рукопись». В 1995 г. вышла книга стихов «Багаевские напевы». В 1998 г. багаевская районная администрация выпустила книгу «Багаевской — 350 лет», куда были помещены стихи Л. Федоряченко о ст. Багаевской, а также вышла книга стихов «Багаяночка». В 2005 г. издал сборник стихов «Расплескался закат золотой», в 2008 г. — книгу стихов «Дон казачий». Член Союза журналистов. Живет в г. Ростове-на-Дону.

ПРИЗНАНИЕ ДРУГУ

Ты слышишь, Лёш? Метель гудит,
Порошей сыплет, где попало.
А сердце так в груди болит —
Ему ли чувств, любви так мало?

Куда ни брошу взгляд я свой —
Одни и те же вижу грезы:
Ее с поникшей головой
И на глазах — росинки-слезы.

Хочу порой ее обнять,
Во всем признаться, что случилось.
Она должна, конечно, знать
О том, что в сердце затаилось.

Прости меня, что я не смог
Ей все сказать в метель шальную.
И пусть меня накажет Бог
За то, что я люблю другую.

* * *

Где же ты теперь, моя Ирина?
О тебе я думаю любя.
Может, ты проходишь часто мимо
Моих окон, помнящих тебя?

Я живу, тебя не забывая,
И в объятьях гулкой тишины
Ты ко мне приходишь, дорогая,
Как бывало в радостные дни.

Вот и все, что было между нами...
Светлые надежды и мечты
Отзвенели школьными звонками
О которых, может, помнишь ты.

Может быть, когда-нибудь, не знаю,
Ты припомнишь школьные года.
Песни я твои не забываю —
Они душу трогали всегда.

Так живи и радуйся, Ирина,
И дай Бог тебе всегда удач.
Пусть невзгоды все проходят мимо,
А о том, что не сбылось, не плачь.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Первый поцелуй —
с током схожий.
Первый поцелуй —
мороз по коже.
Первый поцелуй —
глаза в глаза.
Первый поцелуй —
забыть нельзя.
Первый поцелуй —
грудь нараспашку.
Первый поцелуй —
я помню Сашку.

Первый поцелуй —
порыв сближенья.
Первый поцелуй —
и нет спасенья!

77 ЛЕТ

Был я — бравый футболист,
А теперь — как желтый лист.
Две семерки на табло —
Говорят, что повезло.
Напахал и наследил —
Видно, Богу угодил.
Все, что прожил, не вернуть,
Две семерки — жизни путь.
Войсковой я старшина,
Журналист, со мной жена.
Жизнь торопит и зовет
Воспевать казачий род.
Дух казачий сердце жжет.
Любо, жизнь моя! Вперед!
Две семерки — не предел,
Я не все еще пропел.
Две семерки на табло,
А я счастлив — повезло!

* * *

Приходько Н.В.

Отдежурю за всех,
На покой, друг, пора.
А в душе детский смех:
Всё на свете — игра.

Скоро, скоро, мой друг,
Я расстанусь с тобой.
Мой смертельный недуг
Даст последний мне бой.

Уплыву далеко —
И руки не подать.
Мне, поверь, нелегко
Узы крепкие рвать.

Как хотелось бы мне,
Чтоб ты рядом была,
Наяву и во сне
Незабудкой цвела.

Я ослеп и затих —
Час настал роковой.
Но последний мой стих
Остается с тобой.

* * *

Мои друзья все заняты по горло.
Спешат, бегут, да только вот — куда?
Мне говорят, что обмелела Волга
И что в Дону испортилась вода.

И говорят мне с кислою улыбкой,
Что скоро воздух будут продавать,
Что малый бизнес на крючке, как рыбка,
И олигархам на народ плевать.

Что продается всё и всюду свинство...
Но Русь моя восстанет и народ
Поднимет знамя веры и единства
И олигархов и воров уймет.

И жить мы будем мирно и богато,
И все нам в жизни будет по плечу,
И каждый будет в Бога верить свято, —
За это в храме ставлю я свечу.

ГИМН БАГАЕВКЕ

На Дону есть такая станица —
Среди многих одна лишь она
Может с божеским раем сравниться,
Всколыхнуть ваше сердце до дна.

Ой, станица моя огуречная,
Нас сроднила с тобой любовь вечная,
Под окошком сирень, отчий дом
И былинный родной Тихий Дон.

Здесь ты встретишь людей ее славных
И язык с ними общий найдешь:
Если будешь трудиться на равных,
Значит, станешь станице пригож.

Так живи, чтоб родная станица
Краше всех на Донщине цвела.
И пусть каждый станичник гордится,
Что ты их колыбелью была.

СТАНИЦЕ БАГАЕВСКОЙ

С днем рождения, станица
Несравненная моя!
Вот и новая страница
Появилась у тебя.

Ты открой эту страницу
Новой песней трудовой.
Мы стеною за станицу
И за край наш дорогой.

Пусть страницу заполняет
Тебя любящий народ,
Те, кто время обгоняет,
Пашет, сеет и поет.

Да и те, которым надо
Своим разумом творить,
Славный путь пройти без спада
И хозяином здесь быть.

Твоя новая страница –
Продолженье многих лет.
С днем рождения, станица,
Негасимый жизни след!

ОГУРЕЧНЫЕ ЧАСТУШКИ

Мой сосед – умелый спец,
Вывел новый огурец,
Весь в пупырышках, как ёж,
И по качеству пригож.

Я теплицу завела,
Ангар сколотила,
Занялася огурцами,
Мужиков забыла.

Баба Люба Припутнева
В этом деле молодец.
Вам подскажет, какой нужен
Для посадки огурец.

Я скажу вам откровенно:
По иному и не быть:
Чтоб заняться огурцами
надо их всюю любить.

Огурцы, огурцы,
Ой, да с вами хлопоты:
Собирай, продавай
Да воркуй со жмотами.

Огурцы, огурцы –
Наше достояние.
У меня ангар большой –
Обрати внимание.

Захожу я в свой ангар,
Радости не скрою.
Много будет огурцов
Раннею весной.

Багаяне – молодцы,
Ваша гордость – огурцы.
И от ваших огурцов
Не откажется Ростов.

Ах, огурчики мои –
Гладкие, зеленые...
Только глазки лишь твои
Не в меня влюбленные.

Мой миленок огурцом
Чуть не подавился.
Оказался подлецом,
На другой женился.

Мой сосед – домосед,
Огурцами славится.
В тайне держит свой секрет,
Всех вокруг чурается.

Огурцы, огурцы,
Хлопоты весенние.
Я забыла, Бог простит,
Что есть воскресение.

СЛАВА БОГУ, ЧТО МЫ КАЗАКИ!

Возродились и окрепли.
А что дальше, казаки?
Знаю, думы ваши светлы
И стремленья высоки.

Дух казачий жив, как прежде,
В каждом сердце казака.
Верен он своей надежде,
Долгу, чести на века.

Подрастают наши дети,
Внуки, правнуки растут.
Ты, казак, за них в ответе,
И примером для них будь.

И наступит, верю, время,
Казачата станут в строй.
Это наше, братец, племя
Славных, верных казаков.

* * *

Неужто я исчерпал все до дна
И нет в душе бывшего разворота?
Старею я и не моя вина,
Что нет уж сил и музыки для полета.

Летать и зреть и чувствовать народ
И петь ему в любую непогоду.
И как хотелось мне, мой друг, в полет
И вновь вдохнуть ту радость и свободу.

Но век пришел, мой друг, увы, такой,
Что Муза сердце больше не тревожит.
Да, Русь была читающей страной,
А вот теперь лишь бизнес сердце гложет.

Веселый юмор тут да блеф-пиар
Еще живет на всех телеканалах.
Поэт, оставь же при себе свой дар,
А то и ты окажешься в завалах.

* * *

Стрюкову А.А.

Дон на море не меняю,
Дон — казачья ведь река.
Здесь живу я не скучаю,
Здесь все есть для казака.

Ты мне скажешь: «Море — чудо!
Синь небес, воды простор!..
Сам не ведаешь, откуда
Эти чары до сих пор».

Ну, а Дон — другое дело:
Виден берег... омут... брод...
Всё, что к сердцу прикипело,
Знал давно казачий род.

Так что море, друг сердечный,
Пусть чарует красотой
Тех, кто в жизни — странник вечный
И по статусу «крутой».

А в Дону вода вкусна
И совсем не солона.

КАК У НАС НА ДОНУ

Как у нас на Дону
дух казачий велит
Сохранять старину —
И уклад свой, и быт.

Казаки, казаки —
Храбрый вольный народ
С давних пор на Руси
Верой, правдой живет.

Сколько горьких утрат
Казаки понесли!
За наш вольный уклад
Нас сгоняли с земли.

Сколько пролито слез,
Сколько было крови!
Нам когда-то пришлось
Прятать корни свои.

Вновь из этих корней
Возродился наш род.
На Дону веселей —
Жив казачий народ!

И ВНОВЬ БАГАЙ

Багай, Багай, родной мой край,
К тебе я снова возвращаюсь!
В моей душе бушует май,
Когда в Подпольной я купаюсь.

Осоку глажу и камыш
И волны к сердцу прижимаю—
Багай, ты разогнать велишь
Тоску по милому мне краю.

Застыл в тумане, как баркас,
Федулов, дымкою покрытый.
Лиман сверкает, как алмаз,
Росою утренней умытый.

Вот рыбный Маныч, Тузлуки
И новый мост — не тот, горбатый —

Связал два берега реки,
Наполнив новой жизнью хаты.

А вот и Голые Бугры!
Им по пути теперь Белянин.
Здесь Краснодонский, как с горы,
обводит взглядом хуторянин.

Куда ни глянь — казачий быт,
Ведь славен Ёлкин казаками.
Что всё о нём здесь говорит,
Вы убедитесь в этом сами.

Селенье старых казаков —
Среди степей лежит Ажинов.
Церквушка там без куполов,
Как бабка старая в морщинах.

И в Манычской храм святой
К себе манит и призывает.
Своей историей былой
Он всех приезжих удивляет.

Расти, цветы, мой край родной!
Мы воздадим тебе сторицей.
Не зря ты вел неравный бой
И смог из пепла возродиться.

Янина ЧЕВЕЛЯ

Янина Чевеля родилась в Ростове-на-Дону в 1975 г. Окончила факультет филологии и журналистики РГУ, практикующий журналист и редактор. Член Союза журналистов России.

В свои не юные, по всем меркам, годы продолжает верить в чудо и писать небольшие вещицы в жанре хоррор и фэнтези.

ВОЛЧИЙ ПАСТЫРЬ

В Капитоново выли собаки.

Выли страшно, утробно, которую уже ночь, и тени в домах жались по углам, содрогаясь от этого надрывного крика.

— Волки ходят. Точно говорю, волки ходят, — повторял пропавший дешевым табаком дядя Митя, глухой на одно ухо и почитаемый всеми как хороший охотник.

Стояла зима. Стояла? Она шла по земле, скрывая грязь и слабость лесов, опаскуденных людскими стараниями, скреблась в окна, подкупала сказочным снегом и была нещадными морозами.

— Волки ходят, говорю... Пугнуть надоть.

Село Капитоново умирало. Остались в нем, считай, одни старухи да утешающиеся самогоном, битые жизнью мужики под шестьдесят. Один одного хоронят, да скубются по нетрезвому — вот и все шевеление на селе. Число лет до конца света измерялось количеством заколоченных домов на улицах да степенью разрушения сельского клуба, от которого остался только окрашенный голубой краской куб без крыши.

Разве что это лето внесло толику жизни — приехал еще молодой, чужой, непонятный жилец. Алексей, горожанин, купивший здесь дом лет пять назад и вдруг решивший бросить все и осесть прямо тут, среди гибнущих подворий, никому не рассказывал, что привело, что отбросило его в Капитоново. Вызвал из областного центра бригаду шумных рабочих, которые за неделю восстановили приобретенный им домик, переловили, будучи так и не пойманными, окрестных кур и уехали в облезлой «Таврии», увозя с собой все, по-видимому, алексеевы сбережения.

Конец лета Алексей провел, сидя с удочкой на берегу чистой Николаевской протоки. Окрестные кошки его обожали — мелочь, пойманную в невероятном количестве, он скармливал им.

С местными приезжий говорил вежливо, почтительно, вызывался помочь, если что, и в итоге его признали если не за своего, то худшим из зол. Надежд на него, как на символ возрождения села, не было. Уж очень много молодых уехало из Капитоново в большие города. И мало кто не зря.

...Долго вспоминали внука бабки Былихи, который закончил в почти что столичном городе физико-математический факультет, подавал большие надежды, а потом... Говорили, не с той бабой связался. Женился. Дитя народить успели, да поможет этому дитю Бог. Развелся. И запил. Сильно запил. Что запомнилось капитоновцам по рассказам других перебравшихся в город — месяц как-то раз он в запое провел, в квартире своей не появлялся. И собака его, хорошая сука-гончак Лузга, запертая, подохла с голоду и жажды. Соседи, слышавшие хрипы умирающей псины, даже не позвонили никуда. Ибо город. Милиция непонятная. Лучше не связываться. Вернулся Былихин внук — а там в прихожей труп собачий разлагается... Скоро после этого и хозяина Лузги господь прибрал, и неизвестно, кто из них в раю, а кто в аду горячие камни лижет...

К февралю дворовые псы в Капитоново успокоились. Не выли больше, но сельчане внимательно прислушивались к тяжелым сумеркам. Поговаривали, что волки с Кавказа перебежали, много, перенаселение, смело их с законных мест войной чеченской. Так до весны и прислушивались. А в апреле, как только погнали скотину из зимних скучных стойл, пропал первый телок.

* * *

Алексей долгое время не участвовал в обсуждениях «волчьей» темы, которые чуть не каждый вечер устраивали капитоновцы на площадке возле полуразрушенного клуба. Где дядя Митя многозначительно поднимал указательный палец правой руки, на котором не хватало верхней фаланги, и провозглашал:

— Помяните мое слово — всех передеят. И нас с вами. Пугнуть надо. Бить.

Это слово — «бить» в отношении никем не виданных пока хищников Алексей впервые услышал в сельском магазине. И странно прокомментировал:

— Господи, апрель ведь. Детки ведь...

Никто его не услышал. Или не понял.

Через пару недель на поле нашли еще одного разорванного теленка. У тушки выели брюхо и ляжки. Кровавая россыпь кишок уместилась на юной траве, и несколько пьяных мужиков побежали

домой за дровками от лопат — идти и «бить» прямо сейчас. Насилу успокоили.

То же повторилось через одиннадцать дней.

* * *

На «мечь» собирались всем миром. Подоставали непонятого вида винтовки и обрезы, рассуждали о преимуществах окладной охоты. К тому моменту стало абсолютно ясно, что в окрестностях села и вправду орудует волк. Скотина либо пропадала бесследно, либо останки ее находили окрест полностью обглоданными. Ярость сельчан росла, как сорняк, как луна в начале цикла. Даже женщины, пожилые сельские женщины, готовы были с минуты на минуту схватиться за дубье и колья.

Алексей мрачнел день ото дня, пугая немногочисленных соседей своим недружелюбным видом. В подготовке охоты он участвовать отказывался наотрез. Обвинившему его в трусости Пескарю, веселому пьянице, не так давно перешагнувшему полтинник, он умело разбил нос. На вечерних сходках «городской» никогда не показывался, вызывая неодобрение всего общества за исключением деда Рымы, одного из сельских старейшин, питавшего к чужаку явную приязнь.

Возглавить охотничью кампанию вызвался, ясное дело, дядя Митя. К которому Алексей как-то вечером и заявился, с бутылкой настоящей водки и соленой горбушей в пакете. Порезали. Разлили.

— Тут такое дело... — начал Алексей, когда глаза дяди Мити заметно осоловели. — На волка собрались?

— Ясно, на него, ссссууку, — смачно ответил собеседник, комкая кусок туалетной бумаги, используемой вместо салфеток. — Сколько телков, а, порешил, гад!..

— Когда идете? — невозмутимо спросил Алексей, обсасывая плавник.

Шкурка рыбы на блюде напоминала формой браслеты, хоть скорняку отдавай.

— Дак... Э... Ну, завтра-послезавтра точно. Надо кончать зверя. Всех ведь переест.

«Городской» помолчал. Потом спросил:

— А раньше волки на скотину часто нападали?

Дядя Митя задумался, склонив голову на бок, прислушиваясь к чему-то неведомому негодным ухом.

— Бывало, — ответил он. — Не так, как на Урале или в тайге, конечно. Жил я в той тайге, наохотился, насмотрелся. Нападали. Но давно. Сейчас... рыбка есть еще? А голова ейная цела? Дай мне,

люблю... Сейчас обнаглели волки что-то. Говорят, как в войну... Говорят, все и всех в войну волки жрали.

Алексей уставился в стол.

— Попросить могу? Кое о чем?— неожиданно спросил он, изничтожив повисшую тишину.

— Че попросить-то? — старый охотник удивился от души.

— С вами пойду, можно? Только я что хотел... Если что крикну — сделаешь для меня, дядя Митя? Прямо там, в лесу, не спрашивая, зачем это я — сделаешь?

Сонный Митя кивнул, пораздумав:

— Ну, человек ты хороший, помогу, ежели что. А ты о чем-то?

Алексей досадливо поморщился.

— Просто помни, что пойду с вами, ладно, дядь Мить?

— Дак иди, нам никто не лишний. А браслетов из рыбьей кожи не бывает, наверное. Рвется она быстро, рыба кожа...

* * *

Опушка леса заросла «пастушьей сумкой» и цикорием. «Гляди-ка, как специально лечебные травы, будто лес людей подкупить решил» — подумал Алексей.

Темнело. К дереву привязали хворого, слабого, худого поросся. Старая свинья тети Милы родила этой весной всего двух детенышей. Одного задавила. Выживший был слаб, плохо ел, будто решил, во что бы то ни стало, уйти вслед за своим близнецом. Потому и пожертвовала им тетя Мила без особой жалости, все одно не жилец. А орать орет, может, не так громко, как здоровый поросенок, но волка привлечь сумеет. Хоть на что-то сгодится.

В подлеске затаились капитоновцы кто с дубьем, кто с кольем, кто с ружьем, Кто трезв, кто и не очень. Как ополченцы во время осады, сельчане были злы и решительны. Каждому хотелось убить зверя и потом до смертной хрипоты препираться, кто сделал решающий выстрел или нанес последний удар.

Алексей залег в овальную яму, образованную корнями упавшего дерева. По его руке прополз бледный паук, едва не заставив от неожиданности вскрикнуть.

Темнело. Свиненок почти потерял силу и громкость голоса, несмотря на то, что время от времени кто-то из сельчан ползком порскал к приманке и тыкал бедное создание ножом. Небо окрасилось тяжелым синим, стало намекать на полноценную тьму. Где-то в кустах захрапели.

...Волк появился неожиданно. Крупный самец, поджарый, настороженный, упругий, как каучук, едва заметный на фоне синих деревьев.

И, предугадав полупьяный порыв «мстителей», Алексей рванулся из своего убежища. Он не воскликнул, просто сказал:

— Не стрелять.

Его послушались. Вот так, вдруг. Люди замерли, пораженные младенческим страхом перед странным, неведомым существом, стоящим на опушке. Волк прислушивался к плачу свиненка, нюхал воздух... Алексей, рассекретив свое укрытие, подполз к дяде Мите.

— Задержите их... Сможете? Не стрелять — сможете?

Тот, подумав, отрицательно помотал головой.

— Ладно. Я рискну. Если застрелите — ваш грех.

Алексей встал во весь рост. Позади кто-то выматерился. Волк дернулся, отступил назад, присмотрелся и застыл, как статуя. Леша опустил на колени. «Почему никто не палит?! Когда пуля попадает, чувствуешь или уже нет? Очень больно, да, когда в тебя стреляют?..»

Держалась странная напряженная тишина. Люди не верили своим глазам, пьяным, злым глазам, которые смотрели лишь поверх...

Волк ткнулся носом в ладонь «городского», посмотрел ему в лицо, потом развернулся и потрусил назад. На опушке леса зверь обернулся, словно ожидаая. Алексей пошел за ним. Как только он скрылся в подлеске, охотники zaseвелились, сбрасывая оцепенение.

Послышались возгласы, мат, трещали ветки. Капитоновцы стекались на поляну, покинув посты, почти волоча за собой оружие. Большинство прятали взгляды, как постыдную тайну.

— Стрелять надо было, — подал кто-то голос.

— В кого это? В Лешку, что ль? — отозвались из темноты.

Постояли немного. Покурили. Молча.

Домой шли тихо. Кругом царил лес. Верхушки деревьев се-ребрились, омытые, освещенные — освященные? — луной, и люди зябко вздрагивали, заслышав шум полнокровных весенних листьев.

* * *

Дед Рыма проснулся от тихого, вежливого стука в двери. Недовольный, сонный, пошел открывать. Небо светлело, как лицо человека, услышавшего радостную весть. На пороге стоял Алексей. Дед уставился на него, будто на диво заморское, сморгнул, отступил от двери, приглашая войти.

— Вы простите, что поздно так, — сказал Леша, ступая в коридор. — Или рано? Да, утро ведь. Я сам не понял.

Дедок кивком позвал гостя на кухню. Зажег свет, поставил чайник. Нарезал сала, бросил на сковороду, залил свежими яйцами.

— Не голодный я, — отметил Алексей. — Не надо.

— Тебе только, что ли? — проворчал старик. — Сам съем, не хочешь — мне больше достанется.

Гость, однако же, от угощения не отказался. Яичница удалась на славу. Какое-то время ели молча. Потом дед Рыма спросил:

— Ты колдун, ты мне скажи, или как? Два дня как ушел в лес, сейчас воротился, мне вчера такое про тебя порассказывали...

— Правильно порассказывали, — хмыкнул гость, пристраивая вилку на край тарелки. — Им-то не понять.

— Им — э тоть кому? — дед Рыма глядел на собеседника пытливо, неожиданно молодо, внимательно.

— Да всем, — ответил Алексей. — Сидите, кофе налью. А натуральный не покупаете? А то бурда в пакетиках.

— Леша...

— Да. Рассказываю.

Алексей стоял спиной к хозяину, разливая кипяток по чашкам с сомнительным порошком. Словно прятался, движения его выдавали страшную усталость и напряжение. Поставив кружки с темной горячей взвесью на стол, гость тяжело, пристально уставился на деда Рыму.

— Я не колдун, — сказал он, когда тишина стала нестерпимой. — Я — Волчий пастырь.

Дед Рыма отхлебнул из кружки, сморщился.

— Ты не темни мне тут.

Помолчали.

— Волчиха у него с волчатами, — сказал Леша наконец. — Подранили ее. Молока почти нет, а щенков народилось пятеро. Он старается, таскает еду, а она все болеет.

— Откуда знаешь? — спросил дед.

Алексей замаялся. Потом встал и закатал рукав не шибко чистой рубашки. Между плечом и локтем на руке красовалась необычного вида татуировка.

— Я прошел посвящение, — сказал он. — Когда был в Америке. Я ведь по образованию антрополог, хотя вам это ничего не говорит.

Дед кивнул — правильно, ничего.

— Неважно, — отмахнулся гость. — Но кто такие индейцы, знаете? Ну, хоть фильмы смотрели с этим, господи, как его.. с Гойко Митичем? А-а-а, ладно...

— Так не в лесу живем, чай, — в голосе старика промелькнула ирония. — Это что из луков стреляют?..

Алексей усмехнулся, некрасиво прыснув в чашку.

* * *

Сам ритуал он помнил слабо. Прожив месяц в резервации в чудом уцелевшем клочке леса, Алексей установил хорошие отношения с вождем вымирающего племени чиппева. Прозвище вождя, молчаливого и пожилого, переводилось как Танцующий в пламени. В прежние времена вождь, принимая свой новый статус, должен был пройти между двумя рядами близко расположенных костров, почти сквозь пламя. Нынешний глава поселения, возведенный в ранг около тридцати лет назад, возродил эту традицию и удостоился имени, которое не уступало именам великих предков.

Алексей не сразу обратил внимания на то, как присматривался к нему Танцующий, когда белый чужеземец слушал по ночам вой немногих выживших волков.

— Боги наделили тебя даром, — сказал ему вождь однажды. — Только ты не умеешь их понять.

Пройти ритуал посвящения и стать Пастырем волков Леша согласился из чистого научного любопытства. Поначалу. Только почувствовав, насколько трепетно относятся к такой идее жители деревни, как смотрят на него с уважением и какой-то надеждой, он и сам ощутил запретное для исследователя, но непобедимое благоговение.

Потом были пять дней одиночества и острого, как злое слово, голода, когда позволялось только пить воду. На шестой день тело Алексея стало словно бы пустым и разноцветным, как воздушный шарик. Ночью вождь вывел его из палатки, где ждущий чуда чужак провел все это время, проводил в лес и зачем-то привязал к дереву за талию и лодыжки, оставив руки свободными. Затем стал спиной к нему, освещаемый одним лишь звездным отблеском и завыл. Алексея, в чьем сознании почти не оставалось мыслей, этот до жути правдоподобный, страстный вой на минуту вернул в реальность. Реальность разбилась, когда из леса вышли волки. Настороженные, плавные, словно сотканые из ртути... Глаза их, Леша готов был поклясться, сияли не отраженным светом— нет, своим, древним, настоящим.

Вождь долго стоял, глядя на великолепных спокойных животных. В конце концов, от стаи направился к людям, будто посланник, волк, чья шерсть была припорошена соляной сединой, старый, как луна над лесом. В руке Танцующего в пламени по-

лыхнула сталь. Сознание почти покинуло Алексея, и в следующий момент, который тополиным пухом зацепился в его памяти, вождь подошел к нему и уверенным движением рассек кожу на запястьях.

Измученный, парящий над травой, Волчий пастырь поднес руки к лицу и увидел распахнувшиеся на своих запястьях раны. В алых трещинах влажной плоти пульсировали три трепетных вены. Танцующий в пламени перерезал по одной из них на каждой руке. Боли почти не ощущалось, просто кисти стали вдруг какими-то непривычно тяжелыми. Вождь спрятал нож, развернулся и скрылся за деревьями, а Леша остался один на один с замершими в ожидании волками.

Он смутно помнил, что звери, окружившие его кольцом, слизывали кровь, прикосновения их языков к ранам были почти приятными. Волки, казалось, заглядывали в его глаза, спрашивали его имя, давали ему имя, поднимались на задние лапы, чтобы коснуться лица чуткими носами, на губах у него оставалась их шерсть, а звезды над лесом все сыпали и сыпали на мир свою сказочную пыльцу..

Очнулся Алексей в полумраке палатки. Он мог видеть, но осознавать — не мог. Запястья его были аккуратно перебинтованы, но он умирал от потери крови, голода и слабости. Танцующий в пламени возник рядом, помог Пастырю приподняться и протянул нечто на черной от времени деревянной тарелке.

— Ешь.

Леша взял то, что лежало перед ним. На миг ему показалось, что он держит в непослушных пальцах диковинный мокрый плод. И только потом пришло понимание. Он должен был съесть сердце.

Сердце старого волка, припорошенного соляной сединой.

...И во рту остался привкус соли с медью.

Когда на руке калеными иглами выжигали тончайший по исполнению эскиз волчьей морды, Пастырь беззвучно плакал от боли. Вождь косился на него одобрительно.

* * *

Нет, об этом деду Рыма Алексей рассказывать не стал. Ни о чем толком не стал. Сказал только:

— Я с волками говорить могу, чувствую их. Как своих детей, дед, так-то...

Старик поковырялся вилкой в почти опустевшей тарелке.

— И что теперь? — спросил он.

— А то. Не дам я их убивать. — мягко, будто бы извиняясь за резкость, произнес «горожанин». — Ты бы детей убивать дал?

Дед Рыма в ожидании уставился на него.

— Тебя слушают, худо-бедно, я так понял, — одолев нестерпимую паузу, продолжил Алексей. — Скажи, что впредь шалить волки не станут. Скотину выпускать можно спокойно.

— Я-то скажу, да поверят ли?.. — мудро засомневался дедок. «Городской» пожал плечами.

— Поверят, если трупов больше не будет.

* * *

На следующий день Алексей уехал в районный центр. Говорили потом, зашел сперва в ветеринарную клинику за какими-то лекарствами. Вернулся вечером, на «Газели», до отказа груженной потрохами и ошметками мяса с бойни. Мрачный водитель помог ему сгрузить это все в погреб, получил вознаграждение и покатил обратно. Рассказывали, будто в центре «городской» продал заезжим охотникам за антиквариатом почти за бесценок какие-то старые книги.

Теперь Леша каждый день начинал с того, что, взвалив на себя изрядный куль с сырым мясом, удалялся в одиночестве в лес. Иногда ружье свое старенькое с собой брал. Капитоновцы перестали с ним общаться, лишь косились недоуменно и недобро, когда днем он возвращался домой в замусоленной одежде с потеками прелой сукровицы. Да и сам «городской» не напрашивался на разговоры. Он отстранился от всех, сосредоточившись на одной, только ему ведомой цели. Единственное, наведывался изредка к деду Рыме. Старейшина, к слову, успел оповестить всех, что волков, вроде бы, теперь бояться не стоит, и пока у сельчан не было оснований сомневаться в его словах. В окрестностях царило спокойствие.

Кое-кто пытался пару раз проследить за «городским», но бесполезно — как леший водил в знакомых-то местах. Любопытные неведомо как возвращались раз за разом к околице, ругаясь, на чем свет стоит и страдая от неудовлетворенной любознательности. На вечерних сходках странное поведение Алексея стало самой живой темой, все сводилось к одному — к волкам он ходит, но что с этим делать и как реагировать, не знал никто. Доказательств не было, да и скотина действительно пропадать последнее время перестала. Но спокойствия сельчанам это не добавило, напротив, пугало все больше и больше — уж слишком странным и потому страшным казалось происходящее. Дядя Митя ежевечернее изрекал что-то вроде:

— Помяните мое слово, не к добру. Потом десяток их на нас выйдет, волков.

Сельчане боялись. Впервые в жизни они столкнулись с чем-то, о чем невозможно было забыть, просто отмахнуться и, тем более, объяснить. Скотина спокойно нагуливала жир на летних пастбищах, но умиротворения это никому не приносило. Все ждали чего-то нехорошего.

И дождались. Желтым субботним утром в сельском стаде недосчитались бычка. Ошарашенный и радостный Юра, выполнявший в Капитоново работу пастуха, бегал по дворам и многословно рассказывал, как пересчитывал своих подопечных девять раз и девять раз не мог свести, как он говорил, рога с копытами — нет теленка, и все тут.

К полудню над Капитоново опять взметнулся знакомый вопль «Бииииииить». Мужики побежали за черенками от лопат и за ружьями.

* * *

Лес встретил их равнодушно. Тропа, по которой ходили на охоту да за дровами, выглядела, как обычно, нигде ни следа, ни обломанной ветки. Те капитоновцы, что мнили себя знатными следопытами, из кожи вон лезли, тлели от злости, но поделаться не могли ничего — «городской» как в воду канул. Возвращаться, несолоно хлебавши, не хотелось. Решительные и полные затаенной радости, что все наконец-то разом закончится, сельчане продирались сквозь кустарник, проклиная сырость и ежевику, Алексея, волков, себя за прежнюю слепоту, волков, ежевику, лес, Алексея, волков, сырость, волков... Кружили по местности, несколько раз выходили обратно к селу, крестились, матюгались и снова поворачивали в лес, распаляясь все больше и больше. День тек, как безразличный ручей, и некоторые стали уже срывать злость на своих спутниках, голодные, залитые потом и переменчивым светом, лившимся меж ветвей.

Когда вальяжное летнее солнце склонилось к западу, вернуться все-таки пришлось. Никаких следов «городского» и, тем паче, волков, сельчане не нашли. Возвращались злыми, как осы, зудящие над разоренным гнездом.

Капитоновцы порешили выставить часовых на оконечье лесной тропы, по которой обычно возвращался Алексей.

На следующий день он так и не появился. И через день тоже. На вторые сутки обозленные мужики предприняли еще одну вылазку в лес, ставший вдруг безграничным и незнакомым. Лес, словно оттолкнув незримой ладонью, вернул их обратно к селу. После этого на вечерней сходке стихли последние примирительные лозунги.

* * *

Сельчане, всегда мнившие себя людьми мирными, озверели. Казалось, эти дни не было другой темы для разговора кроме как Алексей с его волками, даже престарелые пары, которым по ночам в постели не оставалось ничего другого, кроме бесед, обсуждали исключительно «горожанина». Никто из женщин не сетовал даже на то, что мужчины забросили хозяйственные дела. Если бы в селе оставались дети, они играли бы в охоту на волков.

Каждое утро капитоновцы упорно шли в чащу. Кое-кто, одуроченный туманом ярости, не помнил даже Лешиного лица, найти отступника стало самоцелью, способом вернуть жизнь в нормальное, привычное русло. Несколько дней подряд сельчане уходили, как их деды на пашню, ни свет, ни заря, с кузовком еды за пазухой, надеясь, что тяжкий и богоугодный их труд принесет плоды. И когда это случилось, они в первую минуту растерялись.

* * *

После странного исчезновения Алексея прошло девять дней. Поминальное, сумрачное число. Отправившись с очередным восходом солнца под сень враждебного леса, капитоновцы вдруг обнаружили себя на развилке полумертвого ручья, до которого им не удавалось дойти ни разу за эту неделю. Километра через два ручей впадал в жирное, ленивое болото, в сырых берегах водились великопленные черви для рыбалки.

Группа «охотников», полных привычного гнева, внезапно вышла под солнечные лучи, как под магический душ, дающий им последний шанс очиститься. Раньше им ни разу не удалось достичь этой поляны. Пораженные и испуганные, остановились. Обсудили. Решили двигаться дальше и совсем не подготовились к тому, что увидят через сотню-другую шагов.

На небольшой прогалине между деревьев виднелся грубый шалаш из ветвей, чуть поодаль — остывшее кострище. На поваленном бревне, прижимая к голове грязный платок, сидел «горожанин». Его одежда поистрепалась, под глазами затаились неизлечимые тени, лицо чудовишно осунулось. Платок пропитался красным — судя по всему, Алексей разбил голову, упав на камень.

На прогалине резвились волчата, смешные толстолапые подростки, замершие при виде пришельцев. Капитоновцы высыпали на поляну, те, кто шел первыми, остановились, идущие следом натыкались на подельников, образовалась моментальная суета. В первые же секунды из тени поодаль выступила худая, в клочках, волчица. На бедре у нее виднелся глубокий, еще не заросший шерс-

тью, рубец, однако двигалась хищница бойко, и непримиримый ее рык свидетельствовал о растущей силе. Волчьи дети нестройно рыскнули под защиту матери, волчица, не дожидаясь, пока «охотники» отойдут от шока, повернулась и повела притихшее потомство в кустарник. Видимо, где-то недалеко находилось логово.

А рядом с Алексеем из травы встал огромный широкогрудый волк. Обнажил клыки, застыл статуей, ожидая, что будет дальше. Капитоновцы ступевались поначалу, но потом из нестройной группки жалами полезли ружейные стволы, нацеленные на зверя и человека.

— Я не смог, черт, не смог, — пробормотал Алексей, не двинувшись с места.

Волк сделал несколько шагов к охотникам, они завскрикивали, отшатнулись. Волчий пастырь положил руку на спину животного. Зверь обернулся.

— Иди отсюда, давай. Шенки у тебя, — сказал Леша, отняв платок от головы и болезненно глядя на пятна крови. — Не смог я вас оборонить. Сознание потерял — вот и отводу моему конец. Прости, брат, не научили меня толком.

Волк прынул ушами, попятился, но не побежал. Лишь отступил на несколько шагов и уставился на тех, кто пришел за его жизнью.

— Ну и что? — спросил Алексей, обводя усталым взглядом бывших односельчан. — На курки жать будете?

Капитоновцы дрогнули.

— Отойди, что ли, — сказал кто-то. — Не ровен час, под пули попадешь.

Леша встал с явным трудом, у него кружилась голова.

— А хрен вам в обе руки? — невыразительно осведомился он. — Не отойду — что, меня убивать не ослабит?

Над прогалиной повисла тяжелая тишина, пористая, пропитанная бедой и зловонием. Она придавливала людей к земле все сильнее и сильнее, пока кто-то, не вытерпев, не спросил:

— Кончаем его?

И непонятно было, кого имеет в виду этот надорвавшийся от невежества, усталости, жары и злобы мужик: человека или волка.

— Да че, не попадем? — раздался другой голос. — Не в первый раз, почитай, в руках ружье держим.

Капитоновцев окутало ощущение нереальности, тошнотного сна. И крепнувшей досады на то, что благородная, по их мнению, миссия отошла от затаенного в каждой душе сценария. Бродя по лесу столько дней без толку, они были уверены, что готовы уничтожить, размозжить кости, а сейчас застыли в коматозной

нерешительности. Мгновение тишины растянулось, как растягиваются мгновения страшной боли, бесконечные для ее жертвы.

Невозможное, надсадное напряжение оборвал волк. Зверь фыркнул. Вероятно, виной тому была попавшая в нос пыльца. Мягкий, в общем-то, звук, прозвучал вдруг неопишимо громко. И ударили выстрелы.

Дула не опустились до уровня роста четвероногого существа. Простой чих животного одним махом сорвал покров с истинных намерений сельчан, в которых они, может быть, не признавались самим себе даже во снах. Стреляли не в зверя. Стреляли в человека.

Волк взметнулся в отчаянном прыжке, закрывая собой Пастыря, но было уже поздно. Одна из первых же пуль попала Алексею в глаз, вышла из затылка, вырвав кусок черепа. Обмякшее тело повалилось на землю. Волку выстрелы разворотили морду и грудь. Сторожкие уши зверя оторвало, кровавые лоскутки разлетелись по сторонам, а люди все продолжали нажимать на курки, хотя патронники уже опустели, пока в воздухе не заметались одни только сухие шелчки металла о металл. И все разом стихло.

...Они лежали голова к голове. Уцелевший глаз Пастыря недоуменно глядел на верхушки деревьев. Изломанное мертвое тело зверя сразу же утратило пружинистую красоту. Ручейки крови зверя и человека, соприкасаясь, проникали друг в друга, как Инь и Ян, и светились под бесстрастным окуляром солнца одинаково алым цветом.

* * *

Могилу, принявшую Пастыря и волка, никто посторонний так никогда и не нашел. О судьбе Алексея лишь однажды спрашивал какой-то незнакомец, представившийся его другом. Ему сказали, что «горожанин» уехал, не оставив нового адреса.

Зато через некоторое время после этой удачной охоты ниже по течению реки Ивянки нашли раздутый труп теленка, который упал с насыпи и утонул.

Пастух Юра к рождеству того же года допился до инсульта.

Деда Рыму похоронили еще раньше, осенью. В последние дни перед смертью, в бреду, он буровил что-то непонятное. Будто бы является к нему краснолицый величавый, словно океанская волна, старик и говорит, что Алексей сейчас в стране духов вместе с другими Пастырями и всеми погибшими за века волками. И дед Рыма тоже сможет отправиться туда погостить, если, конечно, захочет.

Волчицу с волчатами в этих местах больше не видели. Хотя ходили слухи, что километрах в ста от Капитоново той зимой слышали вой небольшой стаи...

Татьяна ЩЕПЕТОВА

Окончила философский факультет РГУ. Автор шестнадцати поэтических сборников. Публиковалась также в «Антологии современной донской поэзии», журнале «Дон», альманахах «Южная звезда», «Донские волны», «Ростовская лира — 2008», «Рукопись», «Любовное настроение», «Озарение», «Наследие» (Москва), сборниках «О, поэт...», «О, лира...», «В стенах библиотек».

Член Союза писателей Дона.

ГОДА И СТОЛЕТЬЯ

Я знаю, за что я в ответе,
Я знаю, что будет со мной.
Минуты, года и столетья
Стоят у меня за спиной.

Стоят в ожиданьи безмолвном,
В надежде на таинство дня.
И будто грядущего волны
В былое уносят меня.

Вся жизнь открывается взору
В обыденной тайне своей,
И в раннюю юную пору,
И в горечи нынешних дней.

И в этой жестокой расплате,
Что мне за вершины дана,
И в воздухе в лёгких, что хватит
Доплыть до глубокого дна.

И в этой безвыходной яме,
И в этой жестокой тюрьме
Мне солнце является днями —
Отходную справить зиме.

Я знаю, что всё не напрасно,
Я помню святых имена.
Ведь даже и гибель прекрасна,
Когда за величье дана.

АЛТАРЬ ДУШИ

Ты едина в сотне лиц.
Лики божества
Нежным трепетом ресниц
Явлены едва.
Ты божественно-светла,
Ты – алтарь души.
Ты понять меня смогла.
Я зову – спеши!
На иконах Божий лик –
Это ты со мной,
Мой сверкающий родник,
Ангел неземной.
Бог открыл мне все пути,
Таинства любви.
Так спаси и защити,
Молви, призови!

ДИКАЯ СЕРНА

Глаза чаруют – омутом на дне.
Сгораю в этом медленном огне!
Ты дикой серной, ланью быстроногой,
Стрелой летящей грудь пронзила мне.

И эта кожа смуглая нежна,
Душа тобой одной обожжена.
Ты в капле, словно в море, отражаясь,
Одна на свете мне сейчас нужна.

Увижу ли тебя, любовь моя?
Как целовать уста желаю я!
Как грудь ласкать и ножки быстрой серны
Алкает плоть безумная моя.

Но расстоянье служит нам преградой.
Увижу ли тебя, моя отрада?
И воплотятся ль дерзкие мечты
В сады и кущи царственного града?

МИРАЖ

В сладком плену у тебя,
Соком любви исхожу.
Знай, что я только твоя!
Я и пред Богом скажу –

Если грешна – не суди!
Я ведь и в этом честна.
Жар погаси, остуди!
Видишь – бушует весна!

Чувства мои – как пожар.
Господи, я из огня!
Чувства мои сторожа,
Ты не погубишь меня?

Я ведь сгорю, так и знай!
Дай насладиться в конце!
Капли любви не стирай
На воспалённом лице.

Может, ты тоже мираж?
Мы ведь и все миражи!
Господи, господи наш!
Что же мне делать, скажи?!

Я БОЛЬШЕ НЕ ПИШУ СТИХОВ

Я больше не пишу стихов.
Немею, все слова убиты.
И лентой траурной обвиты
Мега искрящихся снегов.

Я потонула в вашей лжи.
Кто друг, кто враг – не понимаю.
И лишь осколки поднимаю
Тех душ, что были – миражи.

ТЫ – ПОЭТ

Ты – поэт. Ты родился на муки.
Сколько вынесешь – то и твоё.
Не заламывай горестно руки
И не сетуй на злое житьё.
Будут горести, будут мытарства –
Всё тащи и тащи на горбу.
И безжалостный вал государства
Перемелет поэта судьбу.
Обывателей радует гибель,
Им – потеха смотреть на беду.
В коммуналке – не божья обитель,
Разве выживешь в этом аду?
Много пишущих, избранных мало.
Ведь писать – не пахать, вот и прут.
Эти толпы бездарных нахалов
Затолкают тебя и затрут.
И когда ты выходишь на сцену,
Ты кричишь всем своим существом:
Вы таланту не знаете цену,
Помогите, спасите его!

ПОВИТУХА

Жизнь-житуха –
Хочешь есть, а хочешь режь.
Повивальня-повитуха – в сердце брешь.
Мыкать горе – худосочное житьё.
Помолися за спасение моё!
Той реки не перейти, не переплыть.
Что же делать, свет мой ясный, как мне быть?
Видно, жизнь моя осталась позади.
Всё на небе, видишь, вона, погляди!

Ну, а мы с тобой на этом берегу.
Только я, наверно, долго не смогу..
Весь хребет изломан — тяжкое битьё.
Помолися за спасение моё!

МНЕ БОЛЬНО ЗНАТЬ, ЧТО ВСЁ НАПРАСНО

Мне больно знать, что всё напрасно,
Мне больно чувствовать: всё зря..
Но боже мой, как ты прекрасна,
Моя последняя заря!
И ты покинешь на рассвете,
И ты пленительно предашь.
И мне ответит только ветер,
Отточенный, как карандаш.
Зачем так больно, так жестоко
Со мной расправилась судьба?
И почему так одиноко,
И почему так жизнь груба?
Ты не ответишь, ты в полёте..
Но видишь ли меня, мой друг,
Когда подранком на излёте
Я замыкаю жизни круг.
Ты не спасёшь и ты оставишь.
И вспомнишь, вспомнишь ли едва,
Когда, касаясь чёрных клавиш,
Напишешь новые слова.

ЗЯБЛИК

Твой холод душу леденит,
И мне уже не отогреться.
Твоё расчётливое сердце
Несокрушимо, как гранит.
А я прошу — тепла, тепла!
Я так устала, так озябла —
Как маленький, замёрзший зяблик.
Ты б отогреть его могла.

Возьми, прошу, пичугу в руки,
Ладонью нежно проведи!
Но мёртвым холодом разлуки
Убили серые дожди.

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество лапой железной
Сдавит бедное сердце в тиски.
Здесь и плакать, и звать бесполезно,
Никуда не сбежать от тоски.
Где же тот, кто развеет кручину,
Кто дыханьем согреет меня,
Кто отложит, отменит кончину,
Даст дожить до счастливого дня?!

ВЕСЕННЕЕ

Весной так хочется тепла,
И верится, что жизнь светла,
И если есть цветные сны,
То сбыться все они должны.
Весной так хочется любви!
И лишь любовью ты живи.
Всё остальное — суета,
А без любви и жизнь пуста.
Надейся, верь — придёт весна,
И счастье принесёт она!

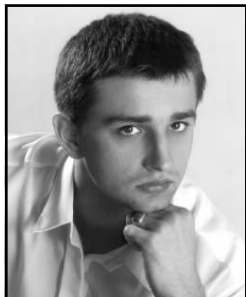
БОЛЕЗНЬ

Лежит укутанный ребёнок,
Зарытый в ворохе простынь.
И мать твердит ему спросонок:
«Скорей закутайся, не стынь!».
И пахнет комната аптекой,
И градусник, как проводник.
Скорей спасите человека!
Он от болезни весь поник.

Но будет бой, и боль отступит.
И вот в тепле уже сопит
Тот, для кого живёт и любит,
Кого спасает и хранит.

ЗВЕЗДА

Лишь ты одна в моей судьбе,
Все мысли только о тебе!
Моя любовь, моя звезда,
Единственная – навсегда!
Я жду тебя, одну тебя,
Томлюсь, неистово любя,
Когда откроешь эту дверь
И кончишь счёт земных потерь.
Спаси меня от суеты,
Верни небесные мечты!
Ведь я погибну без тебя,
Лишь о тебе одной скорбя.
Моя любовь, моя звезда,
Единственная – навсегда.
Приди, открой же эту дверь,
И счёт прерви земных потерь!

Андрей ШЕЛУДЬКО

Родился в ст. Новопокровской Краснодарского края. Выпускник юридического факультета Ростовского государственного университета, обучался по государственно-правовой специализации. Занимается юридической практикой, генеральный директор ООО «Центр правовых решений», председатель правления региональной общественной организации «Союз правозащитников».

Победитель фестиваля «ЛиРА-Фест-2007» в номинации «Жесткий романс», дипломант различных фестивалей поэзии. Печатался в альманахе

«Рукопись». Проживает в г. Ростове-на-Дону.

ЛУЧШЕЕ ИЗ СЧАСТИЙ

Такая нежность для тебя,
Что, сам того не замечая,
Я и уверен, и отчаян
В своей открытости, любя.

Такая вера в красоту,
В ее пленительную верность,
Что, извини за прямоту,
Не усмиряю откровенность.

Хочу тебя достать рукой,
Как солнца край за краем ночи,
И мне не надо быть с другой,
Хочу тебя приблизить очень.

Такая светлая печаль
Во мне порою нежно тлеет,
Но мне ушедшего не жаль,
Мечтать о новом мне милее.

И я дождусь тебя опять,
Дождусь твоей весёлой страсти,
И будет счастье ликовать,
Такое лучшее из счастлией!

ПОДАРОК

Для тебя я хранил гостинец,
Лучик солнца носил в руке,
В нищете бытовых гостиниц
Я смотрел на него в тоске.

И хотел поскорей добраться
До твоих обнажённых чувств,
Дать свободу зажатым пальцам,
Озарить, но не светом люстр.

И теперь принимай подарок —
Щекотливый прозрачный луч,
Я принёс его не с базара,
А достал за багрянцем туч.

В той дали, где начало неба,
Сквозь года пробирался я,
Чтоб сейчас, даже пусть нелепо,
Но светить теплом для тебя.

* * *

Спелым яблоком солнце катится
Над гуляньем весёлой рощи,
Где берёзы в нарядных платьицах
По-вечернему стали проще.

Ленты зарева плавно мечутся,
Задевая красавиц кудри.
А они всё смеются, шепчутся,
Не бегут хороводом чуть ли.

Ой, да складные, приметные —
Не пройдёшь стороной, не глядя.
Знай — ладони зелёно-медные
Очень нежно по сердцу гладят.

На заре под закатом розовым,
Слыша песни синичек райских,
Так бы я и стоял с берёзами,
Упоённый судьбой, как в сказке.

* * *

Кривое зеркало асфальта
Дрожит под каплями дождя.
И девушка-весна, шутя,
Ведёт меня под звуки альта.

Ведёт не за руку, а так —
Не прикасаясь, равнодушно.
И я иду за ней послушно
В печально-сладостных мечтах.

Какая роскошь вдохновенья!
Какая свежесть! Мокрый день.
Набухла почками сирень.
Всё — в ожиданье обновленья.

Куда ни глянь — везде вода:
И ветви перлами все блещут,
И лужи волнами трепещут,
И тонет в лужах красота.

СОДЕРЖАНИЕ

Культура, история, политика

Кришна Пракаш Шрестха	3
-----------------------------	---

Классика

Хуан Карлос Онетти	12
Эмма Гриб	15
Ольга Грицаенко	18

Рецензии

Лола Звонарева	23
Владимир Корнилов	28
Елена Корсунова	33
Иннокентий Медведев	39
Сергей Новиков	44
Татьяна Пошибайло	49
Юрий Савченко	56
Ольга Смысленко	77
Владимир Сысоев-Пономаренко	84
Раиса Таранова	88
Мустафа Тукай	93
Александра Федорова	100
Леонид Федоряченко	118
Янина Чевеля	129
Татьяна Щепетова	142
Андрей Шелудько	149